

СВЕТЛАНА КАЗАКОВА

ЧАЙНАЯ
МАГИЯ

16+

Annotation

Жизнь Летиции Мортон перевернулась с ног на голову. В принадлежащей ей чайной "Чай и сладости" творится что-то странное, рядом появляются двое мужчин, ни один из которых Летти не подходит. А ещё... её подозревают в убийстве жениха. События романа не связаны с предыдущими книгами, но читатели цикла "Однажды в королевстве" будут рады встрече с некоторыми знакомыми героями. Для обложки использованы фото с сайта shutterstock.

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Эпилог](#)
-

Пролог

В особняке подавали вечерний чай. Двенадцатилетняя Летиция Энн Мортон – или просто Летти – сидела на краешке обитого алым бархатом стула, старательно выпрямив закованную в корсет спину, и не сводила взгляда с облачённой в чёрный костюм отцовской фигуры в кресле напротив. Девочка так редко видела главу семьи, что сейчас не могла даже на мгновение от него отвернуться. Альд Витториус Мортон её внимания не замечал, продолжая беседу с супругой. Речь шла о чае. Точнее о том, что связано с торговлей им. Поставки, закупки, финансовые отчёты.

Ужасно скучно.

Так втайне считала Летти, однако отец её мнения не разделял. Он, младший сын в знатной семье, не имел прав на родительское наследство, потому и сколотил свой капитал самостоятельно. Именно на чае, который поставляли из заморских колоний.

Альд Мортон мечтал о наследнике, которому мог бы передать свою чайную империю: склады и лавки, исправно работающие в нескольких городах королевства, а также самую большую его гордость – чайную в одном из аристократических кварталов столицы, уютное заведение, где подавали чай, выпечку и десерты. В «Чай и сладости» заходили прогуливающиеся дамы всех возрастов, супружеские пары с детьми и без, молодые девушки в сопровождении компаньонов. Жалобная книга вместо жалоб наполнилась восторгами, так всем нравился вкус чая и подаваемых к нему сладких шедевров в исполнении повара, который никому не выдавал своих профессиональных секретов.

Однако наследника мужского пола у Витториуса Мортона не имелось. Только дочь, произведя на свет которую, его супруга долго болела и стала бесплодной. Дочь, наречённая Летицией Энн в честь двух её бабушек, чтобы ни одну из них не обидеть.

Дочь, обладающая магическим даром.

Именно ей и предстояло занять место отца, поскольку оставлять всё имущество повесе-племяннику альд Мортон не желал ни при каких обстоятельствах. В его завещании единственной наследницей была названа Летти. Витториус рассчитывал прожить ещё долго, однако уже намеревался потихоньку приучать девочку к её будущему, да и управляющего с поверенным нанял самых что ни на есть надёжных.

Оставался нерешённым ещё один вопрос – как быть с будущим мужем Летиции Энн? Ведь вокруг неё наверняка будут виться охотники за приданым. Нужно ли отдельно оговорить в завещании её права, чтобы зять не прибрал всё к рукам? Над этим альд Мортон размышлял несколько дней. И наконец решил, что оговорить нужно – Летиция умная девочка, и не следует делать её лишь красивым приложением к супругу.

О чём он жене и сообщил, поставив на стол опустевшую чайную чашку. Разумеется, они пили чай из тех, что продавали в его лавках. Благородный чёрный напиток, терпкий и бодрящий, заботливо и со знанием дела выращенный на далёких плантациях, с добавлением свежей лимонной дольки, но без сахара.

– Как замечательно с твоей стороны позаботиться о том, чтобы наша дочь не зависела от мужа! – воскликнула Елена Мортон.

Летти, услышав, о чём зашла речь, сморщилась, будто ей в чай положили целый лимон. Вот ещё! Не собирается она выходить замуж, ни за какие коврижки!

– Будешь строить гримасы – морщины появятся! – произнесла матушка, от которой ничего, кажется, не ускользало. – Если уже допила, не задерживайся тут! Иди к себе!

– Нет-нет, пусть она останется! – удержал альду Мортон её супруг и повернулся к дочери, у которой сердце замерло от того, что отец наконец-то соизволил обратить на неё внимание. – Я решил. Я сам подыщу для тебя достойного мужа, однако имей в виду, что сначала ты научишься разбираться в том, благодаря чему наша семья уверенно держится на плаву и позволяет себе то, что, не заведи я своё дело с чаем, у нас никогда бы не появилось. Материальные блага, наш дом, уважение – пусть некоторые и считают, будто альдам зазорно работать за деньги. Понимаешь?

– Да! Но... Как же академия? – с её губ сорвалось робкое возражение.

– Поступишь ты в академию, – неохотно ответил Витториус Мортон, который до сих пор удивлялся тому, что дочь оказалась магичкой. Не в родителей, а в кого-то из дальних предков, как ему объяснили сведущие в магии люди. – Будем надеяться, что в будущем образование тебе поможет.

«Конечно, поможет», – обрадованно подумала Летиция, но вслух ничего не сказала. Лишь присела в реверансе, поднявшись со стула, и покинула столовую. «Отец редко бывает дома, так что пусть уж побудут наедине», – решила девочка.

Её родители любили друг друга. Их свадьба не была договорной, и они – младший сын и бесприданница – очень подходили друг другу. Елена Мортон поддерживала супруга во всём, ни в чём не переча. Когда же

выяснилось, что больше детей у неё не будет, она даже предложила мужу развод и новый брак с женщиной, которая смогла бы подарить ему сына, но тот решительно отказался. Летти однажды услышала, как об этом шептались слуги, после чего начала гордиться отцом ещё больше.

Внешне она походила на мать – высокие скулы, синие глаза, волнистые светлые волосы. Все прочили, что Летиция с возрастом станет настоящей красавицей. А она мечтала о том, чтобы учиться магии и превзойти в ней других обладательниц дара.

Так и случилось. И всё остальное, о чём говорилось в тот вечер за чаем, тоже.

Но затем жизнь свернула куда-то не туда.

Спустя десять лет Летиция Энн Мортон, стоя у могилы родителей, вспоминала день, когда услышала от отца о его намерении подыскать для неё жениха. Альд Мортон выполнил своё обещание. Он успел также внести изменения в документ о его последней воле, чтобы защитить интересы дочери в её будущем браке.

В браке, который не состоится.

– Сожалею, что вынужден потревожить вас в такой момент, – проговорил незнакомый мужчина, отвесив девушке вежливый поклон. – Ваш жених, альд Финнеас Броктонвуд, найден мёртвым. Должен вам сообщить, вы – одна из подозреваемых, альда Мортон.

Глава 1

Летиция, медля с ответом, смотрела на незнакомца. Она не без удивления отметила, что он молод, гораздо моложе того сотрудника Службы Правопорядка, который когда-то принёс ей весть о гибели родителей. Тот не скрывал выдающиеся возраст седину и залысины, с виду казался каким-то усталым, точно припорошенным пылью, и одевался с той небрежностью, которая выдавала человека, не приучённого дотошно подходить к выбору собственного гардероба. Этот же молодой человек выглядел настоящим франтом. Его надраенные ботинки блестели, чёрный сюртук не оскверняла ни единая пылинка, а атласный шейный платок был завязан с такой элегантностью, словно его обладателю предстояло явиться на приём к королеве. Голову венчала модная шляпа в тон костюма. Картину довершали чисто выбритое лицо с тонкими правильными чертами и тёмно-русые волосы чуть длиннее, чем обычно полагалось носить мужчинам.

И этот щёголь будет расследовать дело об убийстве?

Летти едва не произнесла эти слова вслух, но вовремя остановила себя и лишь сдержанно поздоровалась.

– Кажется, вы не представились, – заметила она.

– Прощу меня извинить. Моё имя Стефан Альберран, я работаю в Службе Правопорядка. Вашего жениха нашли мёртвым сегодня утром, и я уполномочен... Но, альда Мортон... Вы совершенно не выглядите шокированной моими словами.

– В аристократических кругах с детства приучают не показывать свои чувства, – холодно отозвалась Летти. Вдруг неприятно кольнуло что-то вроде угрызения совести. Теперь собеседник наверняка будет считать её бессердечной особой и напыщенной гордячкой, смотрящей на него сверху вниз. А ведь, не будь у отца деловой жилки, и ей бы пришлось сейчас приживалкой ютиться в доме родственников, принявших её из милости. Одно название, что альда, ведь в мире всё решают в большей степени деньги, чем происхождение.

– Но вы, должно быть, опечалены? – продолжал расспрашивать её Альберран.

– Я не собираюсь падать в обморок, – заверила его Летиция.

– Тогда, думаю, нам лучше отправиться в другое место, более подходящее для беседы.

Летти бросила ещё один короткий взгляд на родительскую могилу, куда, по заведённой традиции, принесла свежие цветы, и кивнула. Похоже, так просто ей от этого господина не отделаться. Он действительно подозревал её в убийстве.

И наверняка не без оснований.

– Что ж, тогда приглашаю вас к себе, – сказала она, отряхивая перчатки. Они пропитались росой и едким цветочным соком, который оставил на тонкой ткани тёмные пятна. Матушка сейчас не преминула бы обвинить дочь в неаккуратности, в том, что она так и не научилась быть безупречной во всём.

По дороге к её экипажу и в карете они, будто по предварительной договорённости, молчали, в напряжённой тишине изучая друг друга, как противники перед схваткой. Летиция всё ещё недоумевала, почему на такое серьёзное дело отправили человека, который чересчур заботился о своём внешнем виде. Он ведь не аристократ, так к чему наряжаться? Ей представилось, как он в своих начищенных ботинках гонится за преступником по ночной улице, в одной руке сжимая пистолет, а другой придерживая шляпу. Презабавная, должно быть, картина.

– Вот и мой дом, – нарушила молчание Летти, когда карета остановилась.

Отец приобрёл особняк в пригороде, когда ещё мечтал о большой семье. Но не сложилось. Сначала там жили вдвоём, после втроём, а затем Летиция осталась одна. В детстве ей нравилось изучать все коридоры и помещения дома, бегать по ним вприпрыжку, кататься на перилах широких лестниц. Разумеется, когда ни матушка, ни гувернантка, госпожа Алиссон, за ней не наблюдали. Здесь легко было затеряться, вообразить себе, будто она исследует некое загадочное место, может быть, даже охотится на привидений или, подобно археологам и искателям приключений, впервые ступает во владения заброшенной цивилизации.

Что и говорить, фантазия у неё никогда не стояла на месте. Может, следовало бы написать книгу? Возможно, её бы даже удалось выпустить в свет – разумеется, под мужским псевдонимом.

Но, когда на ней оказалась вся чайная империя, Летти стало не до того, чтобы давать волю собственному богатому воображению.

– Здесь... красиво, – с запинкой произнёс её спутник, когда они вышли из кареты и направились к дому.

Летиция не могла не согласиться. Она хорошо представляла, какое впечатление производил особняк на тех, кто попадал сюда впервые. Все эти кованые решётки, балконы и каменные колонны, увитые алыми

плетистыми розами, фонари, которые особенно загадочно смотрелись в вечернее время, придавая этому месту ещё больший диковинный колорит.

– Я слышала, что прежний хозяин был тем ещё затейником, – проговорила Летти, когда господин Альберран вволю налюбовался открывавшимся перед ним зрелищем. – Он сам нарисовал проект, а работавший на него архитектор воплотил всё в точности. Но, к сожалению, все его средства оказались вложены в не слишком прибыльное дело, и ему пришлось продать особняк, даже почти и не пожив в нём.

– Вашему покойному отцу альду Витториусу Мортону?

– Да.

– А продажа чая – прибыльное дело?

– Как видите, господин Альберран, – ответила Летиция, и собеседник, оторвав взгляд от стен дома, совершенно беспардонным образом уставился на неё.

– Вижу, альда Мортон.

Летти вдруг стало не по себе. Ей нечасто приходилось оставаться наедине с мужчинами, особенно с такими молодыми, как этот человек. Однако, напомнила она себе, его долг – защищать людей, а не нападать на них, так что рядом с ним можно чувствовать себя в безопасности.

Если бы только он не считал её возможной убийцей...

– Прощу вас! – Вспомнив о своих обязанностях хозяйки, Летиция повела его к дому. Кивнула открывшей дверь горничной, с любопытством уставившейся на её спутника, и велела принести воды со льдом в гостиную.

– А я-то думал, что вы пьёте только чай, – с усмешкой заметил Стефан Альберран, когда они оказались в гостиной. Он с интересом осматривал обстановку, сохранившуюся почти в неизменном виде с той поры, когда были живы альд Мортон и его супруга. Собственно, во всех комнатах, кроме спальни Летти, со времён её детства не изменилось практически ничего.

– Для чая есть определённое время, и я привыкла его не нарушать.

– До чего же вы всё-таки подчинены традициям! – воскликнул вдруг мужчина.

– Кто мы? – нахмурилась Летиция.

– Альды. Аристократы. Кто вам мешает попить чай не в установленное для чаепития время, а тогда, когда захочется?

Летти вспомнилось, как она сама однажды задала матушке точно такой же вопрос. Давно, слишком давно. С тех пор та угловатая любопытная и порывистая девочка успела вырасти, обзавестись женственными формами

и отточить навык не демонстрировать своих чувств ни при близких людях, ни при посторонних.

Горничная принесла два стакана воды со льдом и с поклоном удалилась.

– Вернёмся к теме нашей беседы, – произнёс господин Альберран, превращаясь в истинного представителя Службы Правопорядка. Во взгляде его зеленовато-карих глаз появилась цепкость, а интонации стали холодными, точно стальными. – По правде говоря, меня весьма удивляет ваше спокойствие, альда Мортон. Человек, с которым вас связывала официальная помолвка, мёртв, убит, а вы ведёте себя как ни в чём ни бывало. Необыкновенное хладнокровие!

– Я уже говорила, что не в моих правилах падать в обморок, – проговорила в ответ Летиция. Промелькнула мысль, а не следовало ли ей хоть немного притвориться впечатлительной барышней? Изобразить головокружение после услышанной новости, извлечь из висящего на поясе тёмно-серого платья шатлена* флакончик нюхательной соли. Вот только у неё никогда в жизни не кружилась голова, так что спектакль мог выглядеть полной фальшивкой, да и привычки держать при себе нюхательную соль она не имела. – К тому же... – ступая на тонкий лёд, сделала глубокий вдох. – К тому же, мы... Финнеас и я... не были близки. Решение о свадьбе приняли наши родители, когда он учился в университете, а я в академии, и мы к тому моменту даже не виделись ни разу.

– Так, значит, вы не испытывали к нему тёплых чувств и всё же не отказались выйти за него замуж?

– А вам много встречалось девушек, которые разрывали помолвку, пойдя против воли родителей? Да и к чему бы?.. Если с детства приучали к мысли, что свободы воли в вопросе выбора спутника жизни у меня не будет.

– Но хотелось бы?

– Я не понимаю, куда вы клоните, господин Альберран. Как кандидат в мужья Финнеас Броктонвуд меня более чем устраивал. Он... он был молод, образован, привлекателен внешне, из очень хорошей семьи, и, если вы хотите найти мотив для убийства, то у меня его не имелось.

– Измена – разве не мотив?

– Что?! – изумлённо уставилась на него Летти, впервые за весь их разговор не сдержав эмоций. – Вы полагаете, будто я ему изменяла? Да как вы...

– Нет, вовсе нет! – перебил её мужчина с той же вопиющей бесцеремонностью, с которой разглядывал, когда они стояли перед

домом. – Не вы. Ваш жених вам изменял.

Летиция захлопала ресницами, осмысливая его слова и комкая в повлажневших ладонях подол платья.

– Взгляните сюда! – С мастерством заправского фокусника Стефан Альберран извлёк из кармана сюртука фотографию. – Узнаёте?

Летти хватило одного взгляда, чтобы понять, насколько осложнилась её ситуация. Объектив фотографического аппарата с ледяной точностью бездушной машины запечатлел её покойного жениха в объятиях другой женщины. Судя по весьма откровенному наряду молоденькой незнакомки и её позе, открывающей стройную ногу в ажурном чулке до самого бедра, строгостью нравов та не отличалась. Более того, Финнеас тоже был полураздет. В одной рубашке, расстёгнутой так, что виднелись волосы на груди.

– Кто... – начала Летиция и осеклась, увидев выражение лица собеседника. Он улыбался! Улыбался, наблюдая за её реакцией на этот отвратительный в своей пошлости снимок.

– Наконец-то мне удалось выколупать вас из вашей скорлупы! – воскликнул господин Альберран.

– Я – не яйцо, чтобы меня выколупывать, и нет на мне никакой скорлупы! – сердито выпалила Летти. – Да, я узнаю Финнеаса. Но эту женщину вижу впервые, и, поверьте, никто не докладывал мне о том, как и с кем мой жених проводил время.

– А если бы доложили?

– Мы ведь ещё не поженились, – вымолвила она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. Увы, получалось с трудом. – И... он имел право на то, чтобы...

– Имел право удовлетворять свои мужские потребности с танцовщицей кабаре – это вы хотели сказать?

– Вовсе нет! – чувствуя, как лицо залилось краской, буркнула Летиция. – Всё не так! Мне... мне и знать-то про такое не положено!

– Полноте, вы ведь не избалованная домашняя девочка в рюшах, которая везде ходит исключительно в сопровождении компаньонки! Вы ведёте собственное дело, унаследованное от отца, и справляетесь с этим, насколько мне удалось выяснить, неплохо. Поставщики, наёмные работники, покупатели – никто не в обиде, все вами вполне довольны.

– Вы мне напомнили! – Летти бросила взгляд на старинные часы, которые несколько раз в день оглашали дом громким боем. – Сегодня должен прибыть новый поставщик, и мне необходимо встретиться с ним в «Чая и сладостях». Назначенное время уже подходит. Если вы не

собираетесь прямо сейчас меня арестовывать, может быть, перенесём наш разговор на вечер?

– И вы даже не поинтересуетесь, как именно был убит ваш жених?

** Шатлен – это крепившийся на талию медальон с множеством изящных цепочек, на которых свисали крошечные записные книжки, часы, кошельки, флаконы для духов, ключи и множество других нужных вещей.*

Глава 2

Летиция вздрогнула и едва не выронила запотевший стакан, приятно холодивший ладонь. Затем, собравшись с силами, взглянула в лицо собеседнику. Тот выглядел невозмутимым, словно они вели самую что ни на есть светскую беседу о всяческих пустяках.

– Уверяю вас, я – не поклонница грошовых ужасов*. Если вы собираетесь поведать мне какие-то кровавые подробности... – начала она, но осеклась, увидев, как поскущел господин Альберран. Словного такого ответа и ожидал.

– Поверьте, альда Мортон, крови там нет. Совсем. Поскольку ваш жених не заколот кинжалом и не застрелен, а отравлен.

– Отравлен? – переспросила Летти и поставила стакан, лёд в котором почти растаял, на столик – от греха подальше.

– Именно, – подтвердил сотрудник Службы Правопорядка. – Однако... Что вы там говорили о встрече с поставщиком?

– Уже скоро. А мне ещё нужно переодеться и добраться до места. Если вы мне не верите, у меня есть доказательство, извольте.

Летиция, порадовавшись тому, что оставила распечатанное письмо здесь же, в гостиной, продемонстрировала его. От листка бумаги пахло чем-то сладковато-острым. Должно быть, восточными пряностями.

– Откуда поставщик? – поинтересовался мужчина, изучая написанные изящным почерком слова.

– Из Хинду. Похоже, он хорошо образован. Ни единой ошибки! – вслух подумала она.

– Вижу, что вы мне не солгали. Хорошо, я навещу вас вечером, – проговорил Стефан Альберран, ознакомившись с содержанием письма, и это его «навесту вас» прозвучало слишком уж интимно – как будто свидание назначал. – Но вы должны оставить мне обещание не покидать столицу и её пригород Грантэм, где вы живёте, до тех пор, пока не получите от Службы Правопорядка разрешение на то, – добавил он, снова переходя на скучный канцелярский язык государственного служащего.

– Разумеется, – согласилась Летти, стараясь не думать об их следующей скорой встрече.

– В письменной форме, – уточнил собеседник.

Когда обещание было написано и заверено свидетелями, одним из

которых выступал сам господин Альберран, а вторым преисполненная важностью и переполненная любопытством, точно кастрюля кислым тестом, горничная, Летиция наконец-то проводила визитёра и осталась наедине с собой в уютной тишине своей спальни. Никуда идти не хотелось, но дела не терпели отлагательств. Будет крайне досадно, если поставщик переметнётся к конкурентам.

Собиралась Летти самостоятельно. В настоящее время, когда повседневные платья дозволялось носить без корсета (а кое-кто имел смелость поступать так же и с вечерними туалетами), процесс одевания значительно упростился. Подумалось, что теперь ей наверняка придётся обзавестись траурными костюмами, ведь из старых она успела вырасти. Наиболее приличным вариантом оказалось тёмно-фиолетовое платье с чёрными кружевными манжетами, такими же перчатками и унылой шляпой. Глухой воротник не оставлял и намёка на вновь вошедшее в моду декольте, а ведь не только девице с фотографии, но и ей самой есть что показать.

«Я похожа на мою тётушку Пруденс, которая всю жизнь носит траур по своей безвозвратно ушедшей юности, – мрачно констатировала Летиция, безжалостно убирая светлые локоны под шляпу. – А должна быть похожа на деловую женщину. Пожалуй, приобрету траурный гардероб в лавке готового платья, хуже, чем справляется с этим фиолетовый, меня всё равно испортить невозможно».

Вдруг вспомнился Финнеас, и Летти стало не по себе. Не слишком ли цинично размышлять о нарядах, когда его холодное тело, должно быть, лежит в столичном морге? Может, она действительно бесчувственная особа?

«Нет! – сказала себе Летиция. – Ничего подобного». Ведь по родителям-то она горевала. Плакала долго, бесконечно перебирая в памяти те фрагменты, из которых складывалась их прежняя жизнь. Сожалела о том, сколько всего она не успела и уже не успеет сделать с отцом и матушкой.

Но с ними её связывали совсем другие отношения...

Отгоняя тяжёлые мысли, Летти поспешила к уже ожидающему её экипажу, где наглухо задёрнула шторы и прикрыла глаза. После бессонной ночи приятно было бы урвать хоть несколько мгновений сладкой дремоты, но взбудораженное разговором со следователем и всем прочим сознание не позволило отдохнуть. Смирившись, девушка погрузилась в раздумья.

По всему выходило, что расследование затянется. Будь преступник очевидным, его бы уже схватили, и Стефан Альберран в своих блестящих

штиблетах не явился бы к ней с заявлением, что она подозревается в убийстве. Интересно, рассчитывал ли он получить от неё признание?..

«Не дождётся! – фыркнула мысленно Летиция. – И пусть только попробует применить ко мне эти их психологические уловки! Не поможет!»

Экипаж остановился. Выйдя из кареты, Летти привычно глянула на вывеску «Чая и сладостей», буквы в которой своей округлостью напоминали о свежих булках. Её не так давно подновили, и теперь надпись выглядела особенно ярко.

Воспользовавшись служебным входом, Летиция проследовала к своему кабинету и с облегчением убедилась, что её там никто не ждёт. Значит, она не опоздала. Усевшись за массивный дубовый стол, когда-то заказанный лучшим городским мастерам, проглядела свежую газету. Известия о смерти Финнеаса Броктонвуда там пока не появилось, но Летти не сомневалась, что это лишь вопрос времени. Такие новости никогда не оставались без внимания, а уж когда при подозрительных обстоятельствах умирал единственный владелец значительного состояния, то и вовсе следовало ожидать большой шумихи.

В памяти ожил первый разговор с Финнеасом и слова, которыми он её поприветствовал: «Вот, значит, как выглядит охотница за моим наследством». В ответ, пылая негодованием, Летиция заявила ему, что не нуждается в его наследстве, у неё своё есть. Даже ногой топнула. Магия кипела в ней, как масло на сковороде, что порождало некоторые сложности с самоконтролем. А все окружающие посчитали, будто она попросту дурно воспитана, что очень огорчило матушку.

Их тогда заставили танцевать. Для Летти это был по-настоящему первый танец. Она ужасно боялась опозориться ещё больше, наступить на ногу этому красавцу-брюнету, перепутать фигуры танца, хотя ведь в академии их всему учили, но одно дело – вальсировать с приятельницей, то и дело весело пересмеиваясь, и совсем другое – с молодым человеком, который смотрел на неё насмешливо и свысока. Его положение превышало её собственное, и он мог не соглашаться взять её в жёны. Но отец пообещал щедрое приданое, да и магический дар невесты тоже имел значение, добавляя ей привлекательности в глазах столичной аристократии.

«Лучше забыть!» – одёрнула себя Летиция и, услышав стук в дверь, пригласила войти. Она думала, что явился новый поставщик, но то оказался Говард Стайн – её управляющий. Прежнему управляющему, работавшему на её отца, он приходился племянником.

– Добрый день! – поприветствовал её Говард, не сдержав удивления при виде её мрачного одеяния. – Хотите чего-нибудь? Сегодня особенно

хорошо удались глазурированные яблоки.

– Пожалуй, позже, – отозвалась Летти. – Нет аппетита. Что у нас нового?

– Всё в порядке, – с улыбкой заверил управляющий. Хорошо, что пока ни он, ни кто-либо другой ничего не знали о случившемся! Однако это неведение ненадолго. – Но я вижу, что вас что-то беспокоит, – добавил Говард с озабоченным видом. – Я могу чем-то...

– Ничего не нужно, спасибо! – заставила себя держаться как обычно Летиция. В конце концов, от её угрюмого вида никому веселее не станет, и работа лучше спориться не будет. – Кажется, мы его дождались, – кивнула на дверь, в которую снова постучали.

Вошёл визитёр, и кабинет вдруг показался тесным. То ли оттого, что незнакомец отличался высоким ростом, то ли от окружающей его невидимой ауры властности, уверенности в себе, почти царственности, свойственным тем, кто с детства привык к всеобщему поклонению. Летти изумлённо уставилась на него, приоткрыв рот.

Прежний поставщик чая и сладостей из Хинду был сгорбленным морщинистым старичком в намотанной на голову чалме. Он говорил с сильным акцентом, и понимать его Летиция начала далеко не с первой беседы. Она почему-то предполагала, что пришедший ему на смену человек будет таким же, и никак не ожидала увидеть... вот это!

Смуглый темноволосый мужчина отличался нездешней красотой, двигался с грацией тигра, белозубо улыбался и носил штаны со свободной длинной рубахой чистых ярких цветов, на фоне которых платье на Летти выглядело ещё более унылым.

– Альда Мортон? – осведомился заморский гость, в грамотной речи которого акцент едва слышался, а голос звучал так, точно поглаживал бархатом.

– А... Да, – опомнилась Летиция. – А вы наш новый поставщик?

– Именно. Князь Рохан Чаудхари. Надеюсь, мы с вами сработаемся.

– И я... надеюсь.

Как она могла не обратить внимания на то, что он не просто уроженец Хинду, а целый князь?! Вопиющая рассеянность! Или в письме про то ничего не сказано?

– Говард, распорядись, чтобы нам принесли чего-нибудь, – взглянула на такого же удивлённо-оторопевшего управляющего Летти, и тот угодливо склонился в поклоне.

Когда за ним закрылась дверь, и они с князем Чаудхари остались наедине, он непринуждённо протянул ей руку, и Летиция, ещё раз

подивившись его поведению, ответила на рукопожатие. Пахло от мужчины так же, как и от его письма. Однако запах казался скорее приятным, чем нет.

– Итак, альда Мортон, что бы вы хотели обо мне узнать? – улыбнулся он ей.

– Всё, что вы посчитаете нужным рассказать. Но в первую очередь, конечно, хотелось бы обсудить рабочие вопросы. Останутся ли условия прежними или...

– Само собой. Мой предшественник очень хорошо о вас отзывался. Думаю, условия поставки я менять не буду, – сообщил он, занимая место в кресле для особо важных посетителей.

– Замечательно, – ответила Летти. – Он о вас тоже хорошо отзывался. Мне жаль, что здоровье больше не позволяет ему ездить в Хинду и обратно.

– Тогда поговорим, чтобы выяснить, подходим ли мы друг другу, а затем подпишем бумаги, альда Мортон, – пророкотал собеседник, и слова «подходим друг другу» внезапно показались такими же далёкими от деловых вопросов, как и его чуть прищуренный взгляд, оценивающе скользящий по её лицу, волосам, плечам, облитым тёмно-фиолетовым бомбазином. Будь на ней декольтированное платье, мужчина наверняка не преминул бы заглянуть и в вырез. Лишь представив такое, она почувствовала, как её щёки запылали ярче летней зари.

Видят высшие силы, Летиция Энн Мортон не привыкла, чтобы на неё так смотрели. В королевстве вообще не приняты были настолько красноречивые взгляды на людей противоположного пола. Лишь время от времени, украдкой, тут же смущённо отводя глаза, будучи замеченным за разглядыванием кого-либо.

Но он смотрел. Смотрел, и от этого она чувствовала себя до невероятности странно. Словно в груди разгоралось жаркое пламя, растекаясь по всему телу. Такие же ощущения приносила магия – когда-то давно, в самом начале обучения. А ещё Летти вдруг показалось, будто то, что видел князь, глядя на неё, ему нравилось.

** Грошковые ужасы – дешёвые журналы со страшными историями.*

Глава 3

Пока Летиция вела переговоры с новым поставщиком, Стефан Альберран в тряском наёмном экипаже ехал в Службу Правопорядка. Он вспоминал недавнюю встречу с девушкой и никак не мог определиться с тем, как к ней относиться. Будучи молодым мужчиной, он, безусловно, отметил, что альда Мортон на редкость привлекательна. Не только внешне, хотя, разумеется, плавные линии её фигуры, изящные черта лица, синие глаза, которые романисты наверняка назвали бы глубокими, как море, в меру пухлые розовые губы и светлые локоны весьма отвлекали от беседы, вызывая в нём неумолимое желание всем этим любоваться. Она интересовала его и как личность, как загадка, которую отчаянно хотелось разгадать.

Кто она – Летиция Мортон? Почему так спокойно отреагировала на известие о смерти жениха? Стефан ожидал чего угодно: слёз, истерики, обморока, но никак не такого поведения, которое продемонстрировала собеседница. Как девушка из богатой семьи, не знавшая невзгод, может быть столь хладнокровна? Да, она потеряла родителей при трагических обстоятельствах, но едва ли это сделало её настолько... отстранённой... бесчувственной?

Нет-нет, чувства в ней есть! Он заметил и интерес, и проблески негодования, и даже, пожалуй, страх. Но чего боялась его подозреваемая? Неужто она в самом деле убийца? Однако... в чём её мотив?

Стефан Альберран никогда не встречался с Финнеасом Броктонвудом, пока тот был жив. Да, они жили в одном городе, но их пути не пересекались, уж к слишком разным мирам они принадлежали. Сын простого башмачника, с помощью благотворительного фонда получивший сносное образование и должность в Службе Правопорядка, и богатый молодой аристократ. У того всё складывалось блестяще – закрытая частная школа, престижный университет, помолвка. Будучи единственным сыном, он получил всё наследство рано умерших родителей и вращался в таких кругах, куда Стефан мог получить вход лишь одним способом. Явившись на допрос. И, разумеется, даже тогда смотреть на него будут сверху вниз, ведь он не альд и никогда им не станет.

А вот Летиция Мортон – альда, пусть её отец и заработал своё состояние самостоятельно, а не унаследовал его. Девушка с приданым,

которого наверняка хватило бы на долгую безбедную жизнь, если не слишком роскошествовать. Девушка, в сторону которой такие парни, как он, Стефан Альберран, сотрудник Службы Правопорядка среднего ранга, даже не маг, и смотреть-то права не имел, потому что любование красотой порождает мечты завладеть ею, а кто он такой, чтобы мечтать о ней?..

Стефан вздохнул. И почему она оказалась такой прелестницей? Сложно подозревать в убийстве особу, чьи нежные ручки так и хочется прижать к губам, даже не снимая с них тонких перчаток. А ведь это его первое столь запутанное и важное дело. Если он его провалит, может распрощаться с дальнейшей карьерой.

Случившееся с Финнеасом Броктонвудом ещё не дошло до газетчиков, но скоро новость о его гибели потрясёт всё королевство. Такой молодой, богатый и родовитый мужчина. Его принимала сама королева! Если выяснится, что она к нему благоволила, всё осложнится ещё больше. Ведь её величество непременно пожелает, чтобы справедливость восторжествовала, да и сам Альберран стремился к тому же, хотя почему-то не испытывал по отношению к покойному никакой симпатии. Но тут не до личных предпочтений. Нужно расследовать дело, найти убийцу, со спокойной душой и чистой совестью отнести документы в архив, и точка.

О смерти Броктонвуда в Службу Правопорядка сообщил его приятель – некий Джером Эрделлин, белокурый молодой человек, на лице и фигуре которого уже начали отражаться пороки высшего общества, включая чревоугодие и злоупотребление горячительными напитками. Альд Эрделлин, бледный от нервного потрясения, поведал, что они с Финном – как он по-дружески называл Финнеаса – поздним вечером, почти ночью, пили у того в особняке, отмечая крупный выигрыш на скачках. Поначалу всё шло как по маслу, а затем с хозяином дома что-то произошло – сделал очередной глоток, мужчина повалился на пол. Он содрогался всем телом, выгибаясь в дугу, лицо посинело, казалось, будто его душит что-то невидимое. Мигом протрезвев, Эрделлин попытался оказать первую помощь, но, убедившись в тщетности своих усилий, убежал прочь.

Очевидец явился в Службу Правопорядка самолично, не подумав даже о том, чтобы отправить туда слугу. Рассказав о случившемся, заявил, что не желает возвращаться в особняк Броктонвуда, однако вернуться пришлось, а вместе с ним туда отправились двое дежурных, одним из которых оказался Стефан Альберран. В обставленную с нарочитой пышностью гостиную за это время никто из прислуги не заходил, так что всё сохранилось в прежнем виде.

Джером Эрделлин, старательно избегая взгляда в сторону трупа,

дрожащим пальцем указал на валяющуюся на полу бутылку, из которой хлебнул Финнеас перед тем, как упасть замертво.

– Прямо из горлышка? – удивился Стефан. Он-то ожидал от аристократов больше изысканности. На что им, в конце концов, их драгоценный фарфор и хрусталь?

– Ну... да, – пробормотал свидетель. – Понимаете, он всегда так пил. А в бутылке был его любимый напиток. По личному заказу доставлялся в королевство. Финн ни с кем им не делился.

– Так, значит, вы сами пили что-то другое?

– Я... д... да. Я пил вино. Вот оно стоит, видите?

Стефан Альберран глянул на початую бутылку красного вина, затем на бокал, на дне которого ещё оставалось несколько алых, как кровь, капель.

– Скажите, а многие ещё знали о любимом напитке вашего приятеля?

– Да все, кто с ним общался. Он не делал из этого тайны. Даже наоборот – хвалился, что может себе такое позволить.

Стефан обнаружил, что крышка у бутылки, из которой сделал свой последний глоток альд Броктонвуд, не такая же, как у винных, а завинчивающаяся. Выходит, для того, чтобы подлить яд, особых навыков не требовалось – лишь открыть и добавить. Учитывая, что покойный никого не угощал своим любимым напитком, вероятность отравить кого-то другого практически исключалась.

– А что там такое плавает? – повнимательнее приглядевшись к оставшемуся в бутылке содержимому, поинтересовался он. – Видите? Что-то жёлтое.

– Так золото же! Золотые хлопья. Вы о таком не слышали? Хотя где уж вам! Там крепчайший шнапс с корицей, в который производители добавляют немного чистого золота.

Услышав ответ, Альберран недоверчиво уставился на собеседника. Так вот что пьют богачи! Должно быть, Финнеас Броктонвуд немалую денежку отваливал за напиток, потому и не делился им ни с кем.

Дело обещало быть крайне сложным.

По логике, главным подозреваемым становился сам Эрделлин. То, что он примчался в Службу Правопорядка, никак его не оправдывало. Может, его поступок – часть хитроумного плана, чтобы себя выгородить. Но арестовывать его без должных оснований Альберран не мог. Хорош же он будет, если упрячет за решётку первого попавшегося, не начав копать дальше и не поискав других вероятных преступников.

Так нельзя. Хотя соблазнительно, конечно, но слишком просто. Да и нужно сначала выяснить, имелся ли у Джерома хоть какой-нибудь мотив

убить Финнеаса. Что могли не поделить два аристократа? Или кого?

– Альд Броктонвуд встречался с женщинами? – поинтересовался Стефан, когда они переместились в находящуюся по соседству с гостиной курительную.

– Он... Ну, как все. А вообще Финн помолвлен. То есть, был помолвлен. С альдой Мортон.

– Вот как... – Теперь Альберран и сам вспомнил, что заметил ободок золотого кольца на левой руке убитого. – Только кому и когда это мешало?

– О чём вы? – уставился на него собеседник.

– Ну, как я понимаю, невеста вашего приятеля – девушка из приличной семьи. До свадьбы ни-ни. Но для того, чтобы холостяки могли развлекаться, существуют и другие дамы. Я хочу узнать, навещал ли он таких. И, если да, то выделял ли кого-то особо.

– Финн... – замялся Джером Эрделлин. Глаза его забегали, выдавая нервозность и желание скрыть правду. Он прокашлялся, очевидно, усиленно стремясь избежать необходимости отвечать.

– Да ладно вам! – поторопил его Стефан. – Все мы грешны. Так как?

– Ладно, я скажу. Такая особа есть. Её зовут Шанталь. Фамилию не знаю. Она танцует в кабаре на площади Ардэр. У Финна даже есть фотографии с ней, – добавил Эрделлин. – На Шанталь он денег не жалел.

«Как и на своё излюбленное пойло, которое его и погубило», – подумал Альберран, а вслух сказал:

– А вам она тоже нравилась?

– Кто, Шанталь? Она красотка, каких поискать, да и танцует шикарно. Но больно уж высокие у неё запросы. Не по моему кошельку. Я не так обеспечен, как Финн... был...

– Скажите, а как вы с ним познакомились?

– Учились вместе – сначала в школе, затем и в университете. А мы непременно должны говорить... здесь? Как подумаю, что он так и лежит за стеной...

– Хорошо, заеду к вам завтра. Попрошу вас написать свой домашний адрес и обещание не покидать столицу, пока не получите разрешение. До встречи, а пока можете быть свободны!

Собеседник перечить не стал и с готовностью выполнил требуемое. В качестве свидетелей выступили Стефан и его коллега, второй дежурный по имени Бертран. Когда альд Эрделлин удалился, тот заглянул в гостиную и вздохнул, бросив взгляд на распластавшееся на полу тело:

– Надо же, даже богачей убивают!

– И как убивают! – добавил Альберран. – Надеюсь, удастся выяснить,

что это за яд. Если какой-нибудь редкий...

– Вот-вот! – закивал Бертран. – То ли дело народ из бедных кварталов! Там или поножовщина, или жена мужа сковородкой пришибёт!

– Кстати, о жене... Надо бы нам пообщаться с невестой убитого. Зуб даю, она не в курсе о Шанталь и его похождениях.

И она действительно оказалась не в курсе. Стефан вспомнил, как изумлённо распахнулись глаза Летиции Мортон, а красивые губы брезгливо изогнулись, когда он продемонстрировал ей фотографию с Финнеасом и Шанталь. Фотография, кстати говоря, нашлась в кармане покойника. Неужели невеста действительно ожидала от Броктонвуда порядочности и безукоризненности во всём? Впрочем, она верно сказала – молодым альдам, в самом деле, не положено знать о существовании танцовщиц кабаре и прочих не отягощённых моралью особ, за звонкую монету исполняющих все пикантные прихоти чужих женихов и мужей.

Однако обручённая с Финнеасом девушка оказалась необычной. Она не только окончила магическую академию, но и продолжала вести оставленное ей в наследство дело, распорядилась финансами, управляла персоналом и неплохо со всем этим справлялась. Её способности к работе, которая в обществе считалась слишком сложной для женского ума, поражали воображение Стефана Альберрана не меньше, чем её длинные ресницы.

Летиция, Летиция... Видят высшие силы, он не хотел, чтобы обнаружилось, что она и являлась убийцей. Но что-то в её поведении настораживало. Реакция на новость о том, что случилось с её женихом, то, как она старалась взвешивать каждое слово. Летиция Мортон явно что-то скрывала.

Стефан подумал об их следующей скорой встрече, назначенной ей, и внезапно напомнил себе юношу, с нетерпением ожидающего свидания. До чего же непрофессионально! Он любыми путями должен сохранять хладнокровие, несмотря на её ум, красоту и непредсказуемость. А ещё – помнить своё место. Помнить, что такие девушки – не для него.

Как, впрочем, и Шанталь, хотя там проблема была бы несколько в другом. Но повидаться с ней нужно. Вечером в кабаре.

Глава 4

Умница Говард распорядился, чтобы чай князю подали по обычаю его родины – сваренный с молоком и специями. Самой Летиции он казался чересчур сладким, но просить принести ей другой она не стала. Это могло быть расценено как прямое оскорбление.

Рохану Чаудхари напиток угодил. Мужчина сделал глоток и прижмурился, как большой довольный кот. С облегчением выдохнув, Летти тоже отхлебнула немного пряно пахнущего чая и скосила взгляд на лежащие на столе бумаги. Князь подписал их, не став менять ни одно условие из тех, на которых строилось сотрудничество с прежним поставщиком из Хинду. Не изменилась ни цена, ни ассортимент, к которому покупатели уже привыкли.

Следовало бы порадоваться столь удачно заключённой сделке, но у Летиции не получалось. Не давали покоя тревожные мысли о смерти Финнеаса, о том, как скоро о случившемся узнает из газет всё королевство, о новом визите Стефана Альберрана. Несмотря на его молодость и щеголеватый вид, легкомысленностью тот, похоже не отличался и готов был вцепиться в дело об убийстве, как бульдог. Должно быть, Летти казалась ему подходящей подозреваемой. Слишком независимая, слишком спокойно отреагировавшая на то, что заставило бы любую другую девушку упасть в обморок.

Он придёт снова... и снова. Будет расспрашивать, копаться в её прошлом, которое самой Летиции хотелось убрать в шкатулку и спрятать куда-нибудь подальше. Интересно, кого ещё Служба Правопорядка заподозрила в убийстве? Кому альд Броктонвуд успел так сильно насолить? Для кого его преждевременная смерть могла представлять выгоду? Любопытно, оставил ли он завещание? Если нет, то всё его имущество, включая особняк, должны получить дальние родственники.

Завещания, кстати говоря, не имелось и у самой Летти.

– Вы меня совсем не слушаете, – заметил князь Чаудхари, изогнув в улыбке чересчур красивые для мужчины губы.

– Простите! – спохватилась она, осознав, что действительно слишком уж глубоко погрузилась в собственные размышления. Как невежливо по отношению к собеседнику! И чай остывает... А навязчивая его сладость вдруг показалась почти горькой, как будто переложили жгучего перца. – Вы

говорили о...

– О приёме, на котором хотел бы видеть вас.

– Приёме? – растерялась Летиция, совершенно упустившая нить разговора.

– Прошу меня извинить, кажется, я не так выразился. Это будет не совсём приём. Просто хочу собрать у себя друзей, знакомых. Я не первый раз приезжаю в королевство, так что успел ими обзавестись. Мне бы очень хотелось, чтобы вы тоже пришли, альда Мортон.

Летти молчала, обдумывая. Отказываться от приглашения некрасиво. Деловых партнёров следует уважать. Но имеет ли она право ходить в гости, когда её жених убит? Да ещё и в дом к молодому мужчине...

– Не подумайте ничего плохого, у меня там будут вполне приличные люди, включая семейные пары, – добавил собеседник, и в его тёмных глазах заплясали лукавые смешинки. – Или вы посчитали, будто я решил заманить вас к себе под таким предлогом, чтобы скомпрометировать? Могу заранее показать список приглашённых, наверняка вы увидите там знакомые фамилии.

– Я ничего такого не подумала, – заверила его Летиция, чувствуя, что невольно краснеет. Кажется, вводить девушек в смущение князь научился значительно раньше, чем разговаривать на языке королевства. – Я постараюсь прийти.

– Вот и славно, альда Мортон. Уверю вас, вы не пожалеете. Повар у меня тоже из Хинду, и он отменно готовит карри.

Когда Рохан Чаудхари, распрощавшись, ушёл, Летти тоже покинула кабинет и заглянула в общий зал. Здесь было уютно. Никакой помпезности, никакой показной роскоши, дабы пустить пыль в глаза посетителям. Светлые стены, которые украшали картины современных художников – исключительно пейзажи в тёплых тонах, они в самый пасмурный день, коих так удручающе много в столице, радовали глаз, напоминая о жарком солнце, ласковом море и летних рассветах в лесу. Деревянная мебель, тоже светлая, как и скатерти на столах. В витрине за стеклом свежие лакомства к чаю: круглобокие яблоки в сладкой глазури, затейливые фигурки из марципана, румяные булочки и всевозможные печенья. В чайной пахло корицей – волнующе, но не слишком сильно, в самый раз для того, чтобы разжечь аппетит.

Помимо общего зала, имелись также две отдельные маленькие комнатки для тех, кто желал почаёвничать и поесть сладкое в уединении. Сейчас они пустовали. Но Летиция знала, что ненадолго.

Обнаружив хмурое лицо стоящей за витриной Доркас, Летти тоже

насторожилась. Эта приятная женщина средних лет с дородной фигурой и круглым смугловатым лицом работала в «Чай и сладостях» уже давно. Обычно она всегда пребывала в отличном настроении и щедро делилась улыбками с посетителями.

– Что-то случилось? – требовательно спросила у неё Летиция.

– Всё нормально, альда Мортон, – пробормотала Доркас, отводя взгляд.

– Не верю, – не стала церемониться Летти. – Когда всё нормально, ты ведёшь себя иначе. Неужели... кто-то уже рассказал?

– О чём? – уставилась на неё Доркас.

– О том, что альд Финнеас Броктонвуд найден убитым.

– Да что вы такое говорите?! Ваш жених? Да как же эдакое могло случиться? – запричитала собеседница, и Летиция поняла, что никто ей ничего не говорил, а, следовательно, озабоченный вид работницы чайной имел другое объяснение.

– Так же, как случается всё остальное, – вздохнула Летти. – Похоже, в прессе новость ещё не вышла, но скоро наверняка появится. Если к тебе будут цепляться ушлые газетчики и прочие любопытные, молчи, поняла?

– Конечно-конечно, альда Мортон! Буду нема, как могила! Ох, простите, я не это хотела сказать!

Летиция со вздохом коснулась мягкой руки Доркас и тут услышала звон колокольчика над дверью, извещающий о том, что кто-то пришёл. Обернувшись, наткнулась взглядом на приятеля Финнеаса Джерома Эрделлина. И с чего бы его сюда принесло? Никогда он не был поклонником чая. Альд Эрделлин, как и сам Броктонвуд, предпочитал совсем другие напитки.

– Я к вам, альда Мортон! – известил он, подойдя ближе и даже не пожелав доброго дня. Впрочем, и верно. С чего бы ему быть добрым? – Мы можем поговорить? Это очень важно!

Вести его в свой кабинет Летти не хотелось, так что она указала ему в сторону отделённой полупрозрачной дверью комнатки для чаепития.

– Хорошо, альд Эрделлин, пройдите туда. Хотите чего-нибудь? За счёт заведения.

– Тогда чая покрепче, будьте добры.

Летиция кивнула жадно прислушивающейся к разговору Доркас и последовала за визитёром.

– О чём вы хотели со мной поговорить? – осведомилась она, заняв место за столом напротив.

– Вы так прямолинейны! Сразу видно деловую женщину! – хмыкнул

он, потирая пухлый подбородок, на котором алел свежий порез от бритвы. – Вы же не станете делать вид, будто не знаете о том, что произошло с Финном?

– Подробности мне пока не сообщили, – отозвалась Летти. Джером Эрделлин никогда ей не нравился. Сейчас он казался нервным, его маленькие глазки лихорадочно бегали по сторонам, а руки то сжимались, то разжимались, точно он совершал эти движения непроизвольно. – Однако мне известно, что он убит. Господин Альберран навещал меня этим утром.

– Альберран! А он вам не сказал, что я был с вашим женихом, когда всё случилось? Это я доложил о его смерти в Службу Правопорядка! – запальчиво произнёс Джером и придвинул к себе чашку, которую не замедлила принести Доркас. Она сразу же вышла, но бросила на хозяйку сочувствующий взгляд, словно хотела показать – будь её воля, та бы выплеснула поданный чай на незваного гостя. Или положила бы туда соль вместо сахара. Летиция невесело улыбнулась ей, выражая свою солидарность.

– Мужественный поступок, альд Эрделлин. Несомненно, Финнеас был бы вам за него признателен. Но чего вы хотите от меня?

– Разве не ясно? Я знаю вашу грязную тайну, альда Мортон. Вашу и Финна! И, если вы не хотите, чтобы она вышла на свет... Я могу ослабить вас на всю столицу. Вы ведь не сможете выйти замуж... никогда... У вас и без того мало шансов теперь, когда он убит, а так и вовсе не останется. Подумайте на досуге над моими словами... и, не сомневайтесь, я не шучу.

– Так вам нужны деньги? – поморщилась Летти. К горлу подступила тошнота. – А взамен вы всего лишь станете молчать или поделитесь чем-то, что сможет пролить свет на произошедшее убийство?

То, что она останется старой девой, Летицию не слишком-то волновало. Но окончательно испорченная репутация могла ударить по чайной империи. Как и подозрения в её адрес, если настоящего преступника не найдут. Кто захочет покупать чай у отравительницы? Только самые отчаянные люди – вроде тех, что, посещая Ямато, угощаются ядовитой рыбой.

Ох, отец, как же ты мог так ошибиться в выборе жениха для дочери? Хотя кто же знал... На людях альд Финнеас Броктонвуд своих пороков не демонстрировал, родительское наследство не промотал, а родословная у него была не хуже, чем у его охотничьих собак.

– Об убийстве я ничего не знаю! – раздражённо буркнул Эрделлин.

– Как же ничего, если утверждаете, что находились на месте преступления? – вздёрнула брови Летти. Хладнокровие едва ей не

изменило, и она порадовалась тому, что низкий край скатерти позволяет спрятать от собеседника дрожащие пальцы. – Может, вам и про мою тайну совершенно ничего не известно? И вы лишь бахвалитесь понапрасну. У нас в академии про такое, помнится, говорили «Слышал звон, да не знает, где он».

– Чушь! – вспыхнул приятель Финнеаса. – Я не вру! Я собственными глазами видел, как он упал и задёргался. Даже попытался ему помочь, да поздно. Но яд подлили в бутылку до того, наверное, пока мы ещё не вернулись со скачек. Надо у слуг спрашивать, кого они впускали в дом. Хотя может быть и так, что всё случилось ещё раньше, и тот просто ждал своего часа. Или бутылку подменили. Тут уж пусть Альберран выясняет, что да как, это его дело. А я, если б знал, что такое произойдёт, уж точно не стал бы нынешней ночью пить в компании Финна.

«Так, значит, отраву добавили в бутылку, – подумала Летиция. – Наверняка того крепкого напитка, которым вечно хвалился Броктонвуд. Дескать, чистое золото».

Она могла понять, почему Служба Правопорядка заподозрила её. Не только по причине того, что они с убитым были помолвлены, но и потому, что яд издавна считался женским оружием. Бытовало мнение, что его выбирали те, у кого не хватало сил на то, чтобы воспользоваться ножом, пистолетом или, к примеру, задушить. А ещё такое убийство позволяло держаться на расстоянии и заблаговременно обзавестись алиби, а то и сбежать от возможного преследования служителей закона. Пожалуй, если бы Летти действительно решилась убить Финнеаса, она бы так и сделала.

Но сейчас побег будет равносителен тому, чтобы сознаться в убийстве. А признаваться в том, чего она не совершала, Летиции не хотелось. Вот только появление Джерома Эрделлина, этого мерзкого шантажиста, осложнило всё ещё больше.

– А знаете вы, что господин Альберран подозревает меня? – спросила она. – Не бойтесь, что я вас тоже убью? – Летти кивнула на чашку в руках мужчины, и тот в испуге разжал пальцы. Крепкий чёрный чай растёкся по скатерти, оставляя некрасивые пятна. Эрделлин выругался – очевидно, горячая жидкость попала и на его колени.

Летиция поднялась с места, гордо выпрямившись.

– Изложите ваши требования в письменном виде. Вы ведь знаете, у нас, представительниц слабого пола, не такая хорошая память. Могу позабыть, сколько вам нужно, если назовёте сумму в устной форме.

Глава 5

Служба Правопорядка стояла на ушах. Шутка ли – убийство молодого аристократа! Стоило Альберрану появиться на пороге, как ему тут же сообщили, что тело альда Броктонвуда уже на вскрытии, в доме ведётся обыск, а его самого вызывает к себе начальство.

Переступая порог кабинета, Стефан волновался, гадая о причине. Уж не отстраняют ли его от дела? Ведь он не так опытен, как некоторые другие сотрудники, да и не маг, к тому же.

Альд Кирхилд с озабоченным видом сидел на своём рабочем месте, держа в пожелтевших от табака пальцах какую-то бумагу.

– Знаешь, что мне пришло? – проговорил он, не ответив на приветствие подчинённого, почтительно замершего у его стола. – Письмо от её величества! Ей уже сообщили о случившемся, и она пишет, что мы должны поторопиться с расследованием, найти и покарать преступника в ближайшее время! Понимаешь, что это значит? Понимаешь или нет, я тебя спрашиваю?!

– Да, – вытянулся по струнке Стефан Альберран. – Понимаю. Сделаю всё возможное.

– Где результаты?

– Тело на вскрытии, есть надежда, что выяснится, какой яд использовал убийца.

– В курсе. Я хочу знать, где твои результаты? Все подозреваемые опрошены?

– Ещё нет, но сегодня я говорил с невестой убитого. Вечером встречусь с ней снова. Также на сегодня намечены беседы с Джеромом Эрделлином и девицей из кабаре, любовницей Броктонвуда.

– Мне нужно, чтоб ты нашёл виновного и взял его за жабры, ясно тебе?! Пусть даже им окажется благородный альд или альда, неважно! Королева хочет, чтобы убийцу казнили!

– Я тоже хочу, – заверил собеседника Стефан. – Спать перестану, а дело до конца доведу. Клянусь вам!

– Ты уверен, что справишься? – пылливо спросил альд Кирхилд, смотря на подчинённого своим пронизывающим взглядом, под которым Стефан чувствовал себя так, словно сдавал экзамен.

Альберран кивнул, стараясь придать себе уверенный вид. Он знал, что

выглядит моложе своего возраста и вообще не слишком солидно. Но, если бы в делах, которыми занимается Служба Правопорядка, всё решали только мускулы и кулаки, можно было бы, вовсе не учитывая умственных способностей кандидатов, набирать на работу одних лишь боксёров.

– Я вызывал некроманта, но тот сказал, что уже поздно, – сообщил начальник. – Маги тоже только руками разводят – никаких зацепок. Зеркала в той комнате нет, других предметов, сохранивших память, тоже.

– А слуг опросили? С ними Бертран собирался поговорить. Есть что-нибудь полезное в их показаниях?

– В тот вечер почти у всех был выходной.

– А раньше? Ведь напиток могли подлить в другой день. Как и подменить бутылку.

– Вариант с подменой бутылки надо проработать. Разузнай, кто продаёт золотой шнапс. Ищи мотивы. Если завещания у покойного не имелось, надо докопаться, кто получает выгоду от его кончины. Незамедлительно выясни, как прошло вскрытие, а затем езжай к другим подозреваемым! – распорядился альд Кирхилд, небрежным движением руки показывая, что Альберран может идти.

Вскрытие проводилось в расположенном неподалёку анатомическом театре, примыкающем к городскому моргу. Сюда поступали не только тела умерших насильственной смертью, но и неопознанные трупы, предназначенные для изучения студентами медицинского университета. Бывать здесь Стефан не любил, но сейчас выхода не было.

Хирург уже закончил работу и невозмутимо перекусывал, запивая свой обед или поздний завтрак купленным на ближайшей улице квасом. Этого полного мужчину, держащегося с присущей его профессии циничностью, знали все, кто работал в Службе Правопорядка. С ними он сотрудничал уже давно, а в свободное от практической медицины время читал лекции.

– Что вы выяснили? – с нетерпением спросил у него Стефан Альберран, чувствуя небывалое волнение.

– Не гони лошадей. Дай человеку поесть. Может, присоединишься?

– Нет, спасибо, – покачал головой Стефан, желая поскорее оказаться на свежем воздухе, где не пахло бы смертью и формалином.

– Ваш покойник – ещё один любитель дорогого пойла с золотишком, – усмехнулся хирург, покончив с трапезой. – Встречались мне такие, да. Им бы просеивать эти хлопья, а они пили прямо так, вот и попадали ко мне на стол.

– Мёртвые?

– Иногда живые. Золото у них застревало кое-где. Приходилось

доставать.

– Избавьте меня от подробностей, – скривился Альберран. – Вы лучше скажите, от чего он скончался? Удалось определить, что за яд?

– Да, – кивнул собеседник. – Настойка чилибухи. Она очень горькая, но крепкий напиток помог замаскировать вкус.

– Настойка...

– Семян дерева чилибухи, – терпеливо пояснили ему, – что произрастает в тёплых странах, включая Хинду. В небольших дозах используется как лекарство, которое стимулирует весь организм.

– То есть, её не так сложно купить? – уточнил Стефан.

– Ну, не все доктора её рекомендуют. Рискованно. Превысил пациент дозу, и готовьте гроб. Хотя такое и про некоторые другие медикаменты можно сказать. Не только настойка чилибухи становится отравой, если отхлебнуть лишнего. Однако она недешёвая. Если желаешь, могу подсказать пару мест, где её продают, а остальное уж сами выясняйте.

– Буду очень благодарен! – воодушевился Альберран. Иметь на руках название средства, убившего Финнеаса Броктонвуда, куда лучше, чем если бы его отправили на тот свет с помощью неизвестного яда. – Спасибо за вашу работу, вы очень помогли! Уверен, теперь нам легче будет отыскать преступника. А... что-нибудь ещё любопытное нашли?

– Кроме того, что покойный любил выпить, и это уже отразилось на его организме? А, ещё у него татуировка есть, чуть ниже локтя. Очень необычная, похожа на знак какого-нибудь тайного общества.

– Можете зарисовать?

Собеседник с хирургической точностью выполнил просьбу. Стефан наклонил голову, изучая затейливую загогулину, которая ни о чём ему не говорила. Если татуировка действительно знак того, что альд Броктонвуд состоял в тайном обществе, выходит, такие же должны быть и у других его членов?..

Альберрану вдруг показалось, что он всё больше углубляется в какие-то глухие заросли, словно идёт по тропинке в тёмный лес. Слишком много странностей окружало внезапную и – вне всякого сомнения – насильственную смерть молодого аристократа. Яд в напитке, слишком экзотическом и дорогом для простых людей. Необычная реакция невесты на известие. А теперь ещё и загадочная татуировка.

Не слишком ли сложное дело для молодого сотрудника Службы Правопорядка? Справится ли он? Или будет правильнее отказаться от дальнейшего расследования, попросив вместо него продолжить им заниматься кого-нибудь постарше и поопытнее?

Обдумав это несколько долгих минут, Стефан решил, что хочет рискнуть. Он никогда не простит себе, если смалодушничает и откажется. И дело не только в карьере, но и в том, что сейчас ему вдруг стало по-настоящему интересно выяснить, кто же тот хитроумный убийца, отравивший Финнеаса Броктонвуда.

Ещё раз от души поблагодарив хирурга, Альберран отправился по адресу, который ему записал Джером Эрделлин. Тот проживал не в самом престижном, но всё же весьма уважаемом районе столицы. Здесь не властвовали неприятные запахи – конский навоз и тот убирался вовремя, не сновали нищие и воришки, и даже туман, казалось, отличался деликатностью, а потому не слишком сильно сгущался там, где обитали богачи.

Альда Эрделлина дома не оказалось. Слуга велел визитёру подождать, не предложив и стакана воды. Впрочем, это Стефана не удивило, он привык к тому, что его принимали без почестей. Возможно, будь он благородных кровей, как его начальник, дела обстояли бы по-другому. Но чего нет, того нет, и репей не превратится в тюльпан, как его ни поливай.

Приятель Броктонвуда, ставший свидетелем его гибели, вернулся откуда-то, будучи крайне раздражённым. Из неудобной курительной комнаты, где он сидел, Альберран слышал, как хозяин дома кричит на прислугу. Когда он же он соизволил почтить своим вниманием Стефана, то и вовсе скривился так, словно съел лимон целиком.

– Снова вы?

– Мы ведь договаривались о встрече, альд Эрделлин.

– И к чему? Я ведь уже всё сказал. Думаете, мне хочется повторять? Я до конца жизни не забуду, как он умирал у меня на глазах! Сотню лет проживу, а не забуду!

– Понимаю и сочувствую, но у меня осталось к вам ещё несколько вопросов.

– У меня тоже есть вопрос, господин Альберран. Вы ведь уже навестили альду Мортон, верно? И как она вам показалась?

– К чему вы... – нахмурился Стефан. Ему отчего-то не понравилось, что собеседник вдруг заговорил о Летиции. Казалось, будто тот пачкает своим языком её имя.

– Не верьте ей! – выпалил Джером.

– У вас есть какие-то основания так заявлять?

– Какие ещё основания? Все женщины – лгуны! Даже высокородные, уж я-то достаточно пообщался с ними, чего не скажешь о вас!

– Я предпочитаю сам делать выводы, – холодно произнёс Альберран. –

Если у вас есть, что сказать конкретно, я выслушаю. Но не позволю очернять имя порядочной девушки.

– Вы что, в неё втрескались? – уставился на него Эрделлин. – Хах! Как это понравится вашему начальству, хотел бы я знать?

Лицо альда побагровело – то ли от смеха, то ли от ярости.

– Послушайте меня! – воззвал к его благоразумию Стефан. – Речь идёт об убийстве. И я как представитель Службы Правопорядка не даю воли своим симпатиям и антипатиям к подозреваемым. Сегодня я узнал, каким именно ядом отравили Финнеаса Броктонвуда. Скажите, не употреблял ли он в качестве лекарства настойку чилибухи?

– Чи... чего? Да он вообще никаких лекарств не пил. Зачем ему лечиться, если он не болел?

– Настойка чилибухи имеет стимулирующий эффект, – сообщил ему то, что узнал от врача, Альберран.

– Никогда о такой не слышал, – пожал плечами собеседник. – Значит, её подлили в бутылку, да? А когда это произошло?

– Мы ещё не выяснили.

– Так выясняйте поскорее! Имейте в виду, её величество хорошо к нему относилась! Уверен, она выразит желание, чтобы преступник отыскался в ближайшее время.

– Уже.

– Что?

– Уже выразила, – пояснил Стефан. – Мой начальник получил письмо. А сейчас мне бы хотелось спросить, знаете ли вы, что означает татуировка, которую сделал себе альд Броктонвуд? – поинтересовался он, демонстрируя ему рисунок, сделанный доктором в морге.

Вопрос Джерому Эрделлину явно не понравился. Наклонившись над листком бумаги, он недовольно засопел, затем отвёл глаза, но тут же посмотрел на рисунок снова, будто тот притягивал его взгляд. Альберран терпеливо ждал, жалея, что длинные рукава сюртука и рубашки под ним не позволяют ему увидеть, нет ли такой же татуировки у самого допрашиваемого.

Глава 6

Требований Летиции Джером Эрделлин выполнять не стал. Покинул чайную, так громко хлопнув дверью, что колокольчик ещё долго заливался тревожным звоном. Доркас сделала осторожный знак, бормоча шёпотом молитвы высшим силам.

Летти вздохнула, глядя на дверь, которая закрылась за шантажистом. Девушка почти не сомневалась, что он явится снова. Ведь желаемого так и не получил – ни денег, ни наслаждения чужим страхом, ни упоения властью над той, которую хотел запугать.

– Мужа бы вам хорошего! – прямолинейно заявила Доркас.

В ответ Летиция ничего не сказала и уже собиралась вернуться к себе в кабинет, как на пороге возник новый визитёр. Им оказался её кузен, племянник отца. Они не виделись довольно давно, и сомнений по поводу его появления не возникало – или пришёл просить займы денег, или же до него дошли слухи о смерти Финнеаса.

Выяснилось, что второе.

– Я всё знаю! – воскликнул Саймирен Мортон, указывая на неё пальцем. Вот ведь и вырос в каланчу, и образование получил, а от детской неучливой привычки так и не избавился. – Ты стала вдовой, ещё не выйдя замуж!

– Ну, положим, это не так называется, – поморщилась Летти. – Что тебя сюда привело? Соболезнования решил выразить?

– А нужно? – ухмыльнулся родственник, встопорщив медно-рыжую макушку. Такого оттенка женщины пытались добиться, окрашивая волосы хной, которая, как и чай, импортировалась из Хинду, а Саймирену он достался от природы. – Ты не слишком-то похожа на горюющую невесту, дорогая кузина.

– Ни к чему, – отозвалась Летиция. – Ты не хуже меня знаешь, что я не была влюблена в альда Броктонвуда. В последнее время уж точно.

– А правда, что он убит?

– Да. Ко мне уже приходили из Службы Правопорядка. Возможно, заглянут и к тебе.

– Вон оно как, – поёжился собеседник. – А ко мне зачем? У меня-то какой мотив?

– Полагаю, они должны проверить все версии.

Спохватившись, что они мешают Доркас работать и чересчур возбуждают своим разговором её любопытство, Летти увела отказавшегося от чая кузена в свой кабинет.

– Так зачем ты пришёл? – снова спросила она, когда они оказались наедине. – Не думаю, что меня арестуют за убийство, которого я не совершала. Уверена, настоящего преступника скоро отыщут, – добавила, несколько покривив душой. Из книг Летиция знала, что отравителей искать сложнее, чем тех, кто в качестве оружия пользовался ножом или пистолетом. Убийца мог быть уже далеко – успеет ли Стефан Альберран нагнать его?

– Я тут подумал... Если Финнеаса Броктонвуда нет в живых, и тебя больше никакие обязательства теперь не связывают... – проговорил Саймирен. Не понимая, к чему он клонит, Летти нахмурилась, ничего хорошего не ожидая. Этот избалованный шалопай едва ли намеревался предложить что-то путное. – Может, поженимся, а?

– Что?! – Летиция изумлённо распахнула глаза. Нет, она прекрасно знала, что браки между двоюродными и ещё более дальними родственниками не запрещались, и даже особы королевских кровей не гнушались ими, но и предположить не могла, что сын её дяди снова надумает повторить давнюю попытку сделать ей предложение. Или он не сам, а родители подсказали? Ведь так у их драгоценного сыночка появился бы шанс жить на доходы от чайной империи.

– А чему ты удивлена? Я немного старше, вполне тебе подхожу. И наша свадьба положит конец слухам, которые непременно пойдут после того, как твой жених отправился на тот свет.

– Ты не думаешь, что так станешь куда более вероятным подозреваемым? Люди будут думать, что ты устранил соперника, чтобы жениться на мне. Но это так, к слову. Я в любом случае не собираюсь выходить за тебя замуж. А теперь прости, мне надо работать. Передай дядюшке и тёте мои наилучшие пожелания. Надеюсь, их здоровье в порядке?

– Ты слишком гордая, – процедил Саймирен, дёргая себя за короткую бородку. Такие недавно вошли в моду, но и князь Чаудхари, и господин Альберран ей не следовали, предпочитая появляться на людях гладко выбритыми. – Посмотри на себя! Неужто хочешь старой девой остаться? Будешь второй тётушкой Пруденс?

– Лучше так, чем стать женой того, кого интересуют только мои деньги, – холодно заметила в ответ Летти. – Или станешь уверять, будто любишь меня? Всё равно не поверю.

– Тебя точно никто не возьмёт замуж! С таким-то характером! Разве плохо для всех нас стать одной семьёй? Вот представь! Я уж точно был бы всем доволен!

Летиция ничего не ответила, но и обиженной себя не почувствовала – прошли те времена, когда язвительные замечания родственников могли довести её до слёз. Она привыкла к тому, что её кузен всегда думал только о собственных интересах. Как, впрочем, и дядя с тётёй, которые не поддержали её после смерти родителей. Вернее, после того, как огласили их завещание. Витториус Мортон посчитал правильным не оставлять заработанное честным трудом сыну старшего брата, которому досталось наследство их предков, и вместо того позаботился о будущем единственной дочери. Конечно, отцу и матери Саймирена, как, впрочем, и ему самому, такой расклад не понравился. Они даже пытались оспорить последнюю волю альда Мортонна, заявляя: «Где ж такое видано, чтобы девчонка распоряжалась деньгами и вела дела?!»

Однако Летти доказала, что вполне способна со всем справиться, и сейчас, получив от кузена брачное предложение, не собиралась отказываться от собственной независимости, которая так дорого ей обошлась.

Собеседник предпринял ещё несколько попыток уговорить её, но Летти не поддавалась, и, бормоча себе под нос ругательства, он удалился. Проводив его взглядом, девушка поднялась с кресла. Прислушалась к себе и поняла, что чувствует облегчение. Возможно, Саймирена ещё попытается, подключив родителей и других родственников, ту же тётушку Пруденс, воздействовать на неё, но это будет не сегодня. А сегодня... сегодня ей предстояло выдержать ещё одно испытание – новую встречу с господином Альберраном.

Он подозревал её не потому, что имел на то конкретные основания, а так же, как и всех остальных, кто окружал Финнеаса. Его слуг, его приятелей, того же Эрделлина, тех, кто должен получить наследство покойного. Может быть, даже соседей, но в первую очередь – ближайшее окружение убитого альда. Да и фотография с той девушкой, которую ей продемонстрировал сыщик... Ведь измена действительно может считаться мотивом для убийства.

Если Стефан Альберран узнает, что Летиция Мортон приходила к жениху незадолго до того, как его отправили на тот свет... Если узнает, зачем... Если узнает, что она посещала особняк Броктонвуда дважды за тот день, и второй раз – когда его самого не оказалось дома...

Представитель Службы Правопорядка непременно спросит, что ей так

срочно потребовалось от жениха, раз Летиция, нарушив правила приличия, которые полагались девушке её круга, почти преследовала мужчину, ещё не ставшего её супругом. И что она ему ответит? Правду? О том, что хотела разорвать помолвку и предлагала Финнеасу деньги за то, чтобы он согласился оставить её в покое? А в ответ услышала примерно то же самое, что говорил ей сегодня Джером, а именно – что её ославят на весь город, если не на всё королевство, и тогда никто больше даже не заглянет в «Чай и сладости»...

О да, у неё имелся мотив для убийства Броктонвуда, и ещё какой мотив. Почувствовал ли это господин Альберран своим нюхом ищейки? Или просто заподозрил, что она что-то скрывает за своей чересчур спокойной реакцией на известие об убийстве, и решил надавить на неё? Интересно, с альдом Эрделлином он вёл себя так же? Недаром же тот так нервничал, когда появился сегодня в чайной.

Пожалуй, Летти рассказала бы всё, облегчив душу, если бы не сомневалась в том, что правосудие будет справедливым. Но она сомневалась. Потому что Альберран не показался ей достаточно опытным и серьёзным для ведения столь сложного дела. Потому что он принадлежал к мужскому полу. А мужчины, как известно, всегда встают на сторону других мужчин.

Оставалось надеяться, что настоящий преступник однажды – хорошо бы поскорее – попадёт под арест, а Летиция Энн Мортона будет жить дальше, одинокой и свободной, как ей и мечталось. Может, и не самые подходящие планы на будущее для девушки её лет, но с некоторых пор она не грезила о романтических чувствах и отношениях. Даже те из знакомых ей молодых альд, что выходили замуж, как им казалось, по любви, сейчас являли собой воплощённое разочарование. Их мужья оказались отнюдь не кладезями добродетелей, скорее наоборот. Учитывая, что имуществом жён безраздельно распоряжались именно супруги, а разводы в высшем обществе считались нонсенсом, замужество вполне могло бы называться новой формой рабства, взамен того, что некоторое время назад отменили в королевстве.

Финнеас Броктонвуд знал, что завещанием альда Мортона предусмотрено иное, однако смириться с этим не желал и заранее искал способы унижить будущую жену побольнее. Как-то даже сказал Летти, что после свадьбы будет продавать её. Само собой, не как те мужчины низкого происхождения, которые открыто приводят жён на рынок, а тайно. Своим приятелям. Может быть, даже устраивать аукционы.

– Какая женщина будет рассказывать о таком позоре? – усмехнулся он

в ответ на её слова, что всё станет известно Службе Правопорядка. – И полезут ли они разбираться? Скажут, дескать, семейное дело, мало ли, как развлекаются в наше время аристократы.

О том, что Финнеас поспорил с друзьями, заявив им, что гордая Летиция, мнящая себя независимой лишь потому, что высшие силы не дали её родителям сына, станет его любовницей до свадьбы, она узнала от горничной, служившей в его доме. Как бы та ни боялась хозяина, а всё же решилась рассказать. Так Летти была предупреждена, однако не учла кое-чего – не только прислуга альда Броктонвуда, но и её собственная, может быть неверна. Предприняв несколько неудачных попыток соблазнить невесту, он подговорил её камеристку помочь ему. Та передала в его руки несколько личных вещей работодателя, которые могли послужить доказательством интимной близости в доверок к его словам, а также шепнула ему, в каких обычно скрытых одеждой местах у Летти имеются родинки.

Этим секретом и пытался шантажировать её Эрделлин. Тот наверняка верил в то, что Финнеасу действительно удалось добиться своего. Дальше его приятелей информация пока не ушла, но мысль о том, что на её пороге могут оказаться новые вымогатели, ничуть не радовала.

Саймирен Мортон ничего не знал, однако подсказал верную мысль – её замужество, вероятно, могло бы положить конец кривотолкам, даже в том случае, если Джером выполнил бы угрозу. Вот только становиться супругой кузена Летти не желала. Больше всего она хотела, чтобы сейчас, когда помолвка с Броктонвудом, осталась в прошлом, ей наконец-то представился бы шанс жить собственной жизнью, не вверяя свою судьбу никому, кроме высших сил.

Глава 7

– Понятия не имею! – пробурчал Джером Эрделлин, несколько минут поглядев на рисунок.

– Станете утверждать, будто не знаете, что у вашего приятеля была татуировка? – осведомился Стефан.

– Видел как-то, но, что означает, не спрашивал. Не понимаю, чего вы к ней привязались. Просто у Финна возникла когда-то модная причуда сделать татуировку, вот и всё. Какое она имеет отношение к его смерти? Я вам говорю – присмотритесь к альде Мортон! Неправильно, когда женщина занимается мужским делом! Возомнила о себе невесть что, да меня на мякине не проведёшь!

– Вы сейчас о чём говорите? – насторожился Альберран. Альд Эрделлин вёл себя так, словно Летиция Мортон ему лично чем-то сильно насолила. Очень странно.

– Ни о чём! Если у вас больше нет ко мне вопросов, ступайте! Навестите тех, кто обрёл выгоду от смерти Финнеаса.

– Кстати говоря, вы не знаете, писал ли альд Броктонвуд завещание?

– Сомневаюсь. Он не собирался умирать так рано. Так что всё наверняка достанется его дальним родственникам. Однако, насколько я знаю, они живут не в столице и даже не в королевстве, а где-то в колониях. Но уж теперь-то точно приедут, когда окажется, что есть, чем поживиться!

– Вот как... – Альберран задумался. Несомненно, деньги – наиболее распространённый и самый очевидный мотив для убийства. Но, если родные Финнеаса Броктонвуда действительно живут далеко отсюда... – Вы знаете, как их зовут?

– Спросите лучше у его поверенного, а меня оставьте в покое, – отмахнулся от него, как от назойливой мухи, Джером. – Я потерял друга! Понимаете вы, что это значит, или совсем чурбан бесчувственный?

Стефан молчал. Понимал ли он? Лучше, чем кто-либо, вот только делиться с собеседником этими упрятанными в глубине души воспоминаниями ничуть не желал.

– Приглядитесь к альде Мортон! – повторил тот. – А ещё к Шанталь. Женщины – вот корень всех зол!

Покинув особняк Эрделлина, сотрудник Службы Правопорядка, чтобы проветрить голову, немного прошёлся пешком, купил и съел завёрнутую во

вчерашнюю газету жареную рыбу с картошкой, а затем, присев на лавочку в ближайшем сквере, извлёк из кармана потрёпанный блокнот. Следовало всё записать, пока мысли не разбежались. На вечер намечались встречи с Летицией Энн Мортон и танцовщицей кабаре Шанталь. Завтра нужно заглянуть к поверенному Броктонвуда. Отдельным пунктом Альберран выделил то, что необходимо выяснить – где продаётся золотой шнапс и кто его поставляет. То же касалось и настойки чилибухи. Можно ли купить её без рецепта, какие врачи назначают это средство своим пациентам, адреса аптек.

Записав всё, Стефан удовлетворённо кивнул и поднялся с места. Отряхнул одежду. Кинул монетку мальчишке-попрошайке, который с надеждой смотрел на него, и зашагал к дороге, чтобы поймать экипаж. В дом альды Мортон на своих двоих не дойдёшь. Возможно, когда-нибудь Грантэм – пригород, где она обитала – и станет считаться частью столицы, а пока тот располагался на отшибе, и поблизости находились леса, где ещё встречались дикие звери.

Зато воздух там хороший – дышалось на удивление легко. Расплатившись с возницей, Альберран легко спрыгнул на землю, размял ноги и направился к особняку. На второй взгляд он производил столь же яркое впечатление, что и на первый. Не дом, а почти замок, огромный и причудливый! Промелькнула мысль, что Летиция живёт там совсем одна, если не считать прислугу.

Оказалось, хозяйка ещё не вернулась. Стефану снова предложили подождать, однако куда вежливее, чем у Джерома Эрделлина. И не в курительной, а в гостиной, где они беседовали с девушкой утром.

Казалось, здесь до сих пор чувствовался её запах, а дорогая, хоть и несколько старомодная мебель хранила прикосновения её рук. А вот и конверт от нового поставщика. Подумав о том, что владелица чайной с ним встречалась, Альберран вдруг ощутил неприязнь к неизвестному мужчине, которому, хоть он и чужестранец, позволено говорить с Летицией почти на равных, писать ей письма, непринуждённо обсуждать деловые вопросы, которые не вызывали у неё неловкости, как беседы с представителем Службы Правопорядка.

Заслышав быстрые шаги, Стефан с надеждой повернулся к двери. Предчувствие не обмануло. Поднявшись с дивана, он поклонился.

– Добрый вечер, альда Мортон!

– Господин Альберран, вы верны своему слову, – отозвалась она с усталой улыбкой, такой нежной и трогательной, что его сердце застучало быстрее. Он никогда не встречал девушки красивее. Даже лёгкая

неправильность её лица казалась ему очаровательной.

– Такова уж моя работа, – развёл он руками.

– Мне нужен адвокат? – осведомилась Летиция, и Стефан снова поразился тому, с каким достоинством она держится.

– Полагаю, пока нет, – ответил он. – Простите, если я напугал вас утром, альда Мортон. Это моё первое большое дело, и, кажется, я проявил излишнее рвение, сразу же заявив вам, что вы – одна из подозреваемых.

– Я на вас не в обиде, господин Альберран. С людьми, которые не притворяются, держа камень за пазухой, а с порога говорят начистоту, приятнее иметь дело, чем с обманщиками и лицемерами. Как я уже убедилась, взяв на себя дело, которому мой отец посвятил почти всю свою жизнь.

– Вам, должно быть, нелегко пришлось, – высказал пришедшую на ум мысль Стефан.

– Когда-то я думала, что это случится позже. Или не случится вовсе. Если бы отец прожил подольше, а мне повезло с мужем... – осеклась она, очевидно, вспомнив, с кем разговаривает, и вздохнула. – Впрочем, сейчас вы, наверное, хотите говорить вовсе не обо мне. А об альде Броктонвуде.

– И о вас тоже.

– Вас интересует, есть ли у меня алиби?

– Видите ли, с отравлениями всё куда сложнее, чем с убийствами иного рода. Эта бутылка с ядом могла простоять там неделю или больше. Её могли подменить, принеся такую же, или просто подлить отраву, выбрав удобное время. Такая вероятность весьма осложняет расследование. К тому же, убитый не скрывал, что предпочитал определённый напиток, и ни с кем им не делился, поскольку слишком дорого за него платил.

– Верно, – кивнула собеседница.

– Таким образом, наш убийца мог не опасаться, что по случайности отправит на тот свет другого человека. Злодеяние было направлено именно против Финнеаса Броктонвуда, и нам нужно искать его врага. Того, у кого имелся мотив, желание избавиться от вашего жениха.

Летиция закусила губу.

– Господин Альберран, у меня выдался трудный день, причем, полагаю, у вас тоже, и я, пожалуй, угощу вас чаем по своему вкусу. Таким, который поможет прийти в норму. Не возражаете?

– Разумеется, не возражаю.

Девушка вышла отдать распоряжение насчёт чая, и Стефан мысленно приказал себе собраться. Как ни хороша молодая хозяйка «Чая и сладостей», он не должен забывать о своём долге и о том, что она только

что потеряла человека, за которого собиралась выйти замуж. Хотя, если альд Броктонвуд был таким же, как его приятель, ей повезло, что они не успели пожениться.

И всё же почему Эрделлин так упорствовал, выступая против альды Мортон? Может, он ревновал к ней Финнеаса? Да нет, какие-то глупости.

Летиция вернулась, на ходу стаскивая с рук перчатки, подобранные в тон тёмно-фиолетового платья. Похоже, она уже начала носить траур по жениху. Альберрана кольнула ревность.

– Как прошла ваша встреча с новым поставщиком? Он ведь из Хинду, так? – А ведь именно там и росло дерево, из семян которого сделали ядовитую настойку!

– Да, – рассеянно кивнула Летиция Мортон. – Всё прошло хорошо. Новый поставщик – князь из Хинду. Ещё одно подтверждение мнения моего отца о том, что аристократ может быть также и дельцом. Но в королевстве многие продолжают считать, будто альдам зазорно работать за деньги.

– Ваш отец, бесспорно, был мудрым человеком, альда Мортон.

– А у него не имелось другого выхода. Вы ведь знаете, что по нашим законам родительское наследство получает старший сын, а не младший. Да и жениться ради приданого отец не пожелал – мои родители были счастливой и любящей парой, – добавила она, и на её лицо упала вуаль грусти.

Стефану подумалось, что только у достойных родителей, не побоявшихся идти против снобистского общественного мнения, и могла получиться такая дочь. Не легкомысленная пустышка, не избалованная красивая кукла, а разумная и храбрая девушка, которая не побоялась взять дело в свои руки. Опустив взгляд, он уставился на её изящные ладони и растерянно моргнул, заметив что-то, показавшееся ему странным.

В гостиную вошла горничная с подносом, и её появление отвлекло Альберрана.

Чай, приготовленный по вкусу Летиции Мортон, как она ему объяснила, оказался не совсем чаем. Строго говоря, то был скорее горячий фруктово-ягодный напиток из оранжевых ягод облепихи и лимона с имбирём, мятой и мёдом. Стоило налить его в чашки, как комната наполнилась чарующим запахом, насыщенным и тёплым.

– Очень вкусно, – отхлебнув немного обжигающе горячей жидкости, высказал Стефан.

– В детстве мне казалось, что чай из солнечных лучей получился бы таким же, – задумчиво произнесла альда Мортон. – Если любите послаще,

можно добавить сахара, хотя, на мой взгляд, мёда вполне достаточно. Что ещё вы хотели у меня спросить, господин Альберран?

– Вы знали родственников Финнеаса Броктонвуда?

– Его родители давно умерли, а другие родные... Насколько мне известно, они живут где-то в колониях и в королевстве бывают нечасто. Но меня с ними не знакомили. Поэтому ничем не могу помочь, простите. Как я понимаю, если завещания нет, именно они станут наследниками?

– Да. А вы?.. У вас нет завещания?

– Пока нет. Если меня вдруг не станет, всё достанется старшему брату моего отца, его супруге и их сыну. А, ещё тётушке Пруденс. Со стороны матери у меня родственников нет. По правде говоря, сейчас, когда вы это сказали, я действительно задумалась о завещании.

– У вас есть основания чего-то бояться? – спросил Стефан. Судя по её интонации, родственников чувств к перечисленным людям Летиция не питала. Интересно, почему?..

– Все мы смертны, господин Альберран. Вам ли не знать? Вы думаете, Финнеаса убили его родственники... из-за наследства?

– Всё может быть. А вы сами кого-нибудь подозреваете, альда Мортон? Уверен, у вас на всё имеется собственное мнение.

– К сожалению, на этот счёт у меня мнения нет, – ответила она, и, глядя в её лицо, Стефан понял, что едва ли добьётся от неё другого ответа. – В тот день... вчера... я приезжала к альду Броктонвуду. Хотела поговорить с ним... о свадьбе. Но он спешил на скачки, и мы не смогли толком побеседовать, так что я заехала снова, однако Финнеас ещё не вернулся, и, немного подождав, я отправилась домой. Наверняка его слуги подтвердят.

Глава 8

Летиция с тревогой вглядывалась в лицо собеседника, ожидая его реакции на её слова. Вот она и сказала, что побывала вчера в доме Финнеаса Броктонвуда. А после её визита он умер.

– Вы ждали его в гостиной? – спросил Стефан Альберран.

– Да.

– И видели там бутылки с алкоголем?

– Я их не рассматривала.

– А что делали?

– Просто сидела на диване. У меня была с собой книга. Я её читала.

– Но вы оставались в комнате одна или с вами постоянно находился кто-то из прислуги?

– Оставалась и одна... ненадолго.

«Послушайте, ведь, если бы я действительно оказалась убийцей, то не поступила бы так опрометчиво! – хотелось воскликнуть ей, чтобы убедить мужчину в собственной невиновности. – Не стала бы рассказывать, что навещала Финнеаса. Подкупила бы слуг, чтобы и они умолчали о моих к нему визитах».

Но Летти молчала.

– Вам никто не встретился? Может быть, возле дома, на улице? Попробуйте вспомнить, пожалуйста!

– Увы, я не смотрела по сторонам.

– Ещё один вопрос. Вам что-нибудь говорит название настойка чилибухи? Возможно, вам или кому-то из ваших знакомых её выписывал врач?

– Нет, мне это название ни о чём не говорит, – пожала она плечами в ответ.

– Что ж, альда Мортон, я учту ваши показания. Надеюсь, они чистосердечные, – пробормотал господин Альберран. – А теперь мне пора. Уверен, мы ещё увидимся с вами. И... пожалуй, вам в самом деле лучше будет подыскать адвоката, – добавил он, глядя на неё так, что ещё больше стало не по себе.

– Благодарю вас. Обязательно последую вашему совету. Горничная вас проводит.

Когда он вышел из комнаты, Летиция вздохнула. Наконец-то она наедине с собой. Но длинный день пока не закончился.

Предстояло кое-что ещё.

Несмотря на то, что в академии Летти стала лучшей ученицей, отец не слишком-то гордился её успехами в магии. Для него на первом месте оставалась чайная империя, к тому же он даже допустить не мог, чтобы дочь работала где-то ещё. И тогда ей ничего не оставалось, кроме как найти приложение своим способностям в семейном деле.

Летиция умела сделать чай вкуснее, внести в него особенную нотку, но не только. Она знала, что нужно добавить туда, чтобы сделать собеседника немного разговорчивее или заставить его успокоиться, ничем ему этим не навредив. Кроме того, она научилась тому, что собиралась сделать сейчас.

Взяв в руки ещё тёплую чашку, из которой пил облепиховый чай Стефан Альберран, Летти закрыла глаза и прислушалась к своим ощущениям. Прочесть таким образом мысли человека, губы которого прикасались к стеклу, так бы не получилось, но ей удалось почувствовать его настроение, тень переживаемых им в настоящее время эмоций на том особом уровне вкусов, на котором она воспринимала их. Заинтересованность, жгучая, как острый перец, что растёт в колониях, смятение, похожее на крахмальный кисель, лимонная кислинка раздражения, а ещё... напоминающая пряный вкус кардамона едва распустившаяся влюблённость... влечение?

Летиция ошеломлённо выпустила из ладоней чашку, едва не уронив её на пол. Подумать только! Представитель Службы Правопорядка испытывал нежные чувства! Но к кому? Неужели?..

«Не может быть! – сказала себе Летти. – Просто думал о другой девушке, расспрашивая меня. Просто немного отвлёкся от работы. Самое простое объяснение. Не мог же он...»

Резко развернувшись и не позволив себе додумать пугающую мысль до конца, она отправилась в спальню.

Стефан Альберран ехал обратно в город. Перед глазами стояло лицо Летиции Мортон в тот момент, когда она говорила, что находилась в доме жениха незадолго до того, как он отравился. Вернее, был отравлен кем-то, кто желал ему зла.

Но альда Мортон... Её прямой взгляд, под которым он терялся, как зелёный юнец, изящные ладони – их так и хотелось взять в свои, успокаивая и согревая. Кто поддерживает эту девушку сейчас? Ведь она совсем одна. У неё нет родителей, нет ни братьев, ни сестёр, а с родственниками по отцу, похоже, отношения натянутые.

То, что Летиция навещала Финнеаса Броктонвуда в вечер его гибели,

плохо для неё, очень плохо. Ведь так легко повесить клеймо убийцы на невесту, которая каким-то образом могла узнать, что человек, за которого она собиралась выйти замуж, всюду развлекался с другой. Или же имелся и иной мотив? Ведь она так спокойна... Её глаза выглядели сухими и совсем не красными, не похоже, что она проливали слёзы по жениху.

Но Стефан не слишком-то хорошо разбирался в девичьих чувствах. В детстве куда больше времени посвящал книгам, чем наблюдениям за девчонками, после все усилия и всё время вкладывал в учёбу, чтобы получить работу в Службе Правопорядка. Мечтал нести справедливость и наказывать преступивших закон. Возможно, будь у него сестра, лучше бы понимал девушек, однако он был единственным ребёнком в семье. Здоровье матери не позволяло завести ещё детей.

Казино на освещённой вечерними огнями небольшой площади Ардэр пряталось за невзрачной дверью. Никаких ярких вывесок. Все и без того знали, что там находится.

Альберрана пропустили сразу, едва он предъявил документ на входе. Представление ещё не началось. Мрачный верзила-охранник с подбитым глазом показал ему, как пройти в гримёрку артисток.

Стефан постучал и, не получив ответа, вошёл. На него тут же с любопытством уставились женщины, которые привычно готовились выйти и танцевать перед завсегдатаями. Их затянутые в корсеты фигуры напоминали песочные часы, а юбки оказались куда короче, чем полагалось носить приличным дамам. Впрочем, на некоторых не было даже юбок. Их самих, судя по всему, это ничуть не смущало.

– Где я могу найти Шанталь? – осведомился Альберран, не зная, куда ему смотреть, чтобы не наткнуться взглядом на полуобнажённые тела танцовщиц.

– Я здесь.

Она уже переделалась к выходу на сцену – в белый вышитый бисером наряд, который не скрывал соблазнительных изгибов и подчёркивал смуглость кожи. Среди женщин королевства в моду не так давно вошла бледность, но Стефан не сомневался, что мужчинам гораздо больше нравилось смотреть на лица, не покрытые толстым слоем белил. А ещё – по фотографии это казалось не слишком очевидным – он понял, что девушка принадлежала к уроженкам колоний. Приехала из Хинду? Или из других жарких стран, солнце которых щедро дарит свой свет, делая кожу такой золотистой?

– Мне нужно встретиться с вами после выступления.

– А денег-то хватит? – Шанталь смерила его оценивающим взглядом.

Её товарки захихикали.

– Вы меня не так поняли, – нахмурился Альберран. – Всего лишь для разговора. Я из Службы Правопорядка и...

– Я плачу налоги! – тут же оцетинилась танцовщица.

– Не сомневаюсь. Но дело в другом. Мне необходимо поговорить с вами про Финнеаса Броктонвуда.

– Что с ним? Он... попал в тюрьму? – обеспокоенно спросила она. – Хорошо, я отвечу на ваши вопросы, но только когда закончу работу, а пока можете пройти в зал и посмотреть.

Стефан так и сделал. Чувствуя некоторую неловкость, уселся за свободный столик и попросил принести воды. Промочив горло, огляделся, отметив алый бархатный занавес, скрывавший сцену, фривольное платье официантки и полные сладострастного предвкушения лица мужчин, ожидавших начала представления.

Занавес раздвинулся. Шанталь вышла на сцену не сразу. Сначала появилось несколько других артисток, которых он уже мельком видел в гримёрке. Они лихо отплясывали, синхронно поднимая ноги в пышных юбках чуть ниже колен и украшенных кружевах панталонах. Зрители тем временем громко присвистывали и одобрительно что-то кричали.

Следом появилась любовница Финнеаса Броктонвуда. Её танец ничуть не походил на предыдущий. Шанталь двигалась с удивительной гибкостью и чувственностью, не перешагивающей границу низменной пошлости. Она обольщала и манила, но словно бы оставалась в своём мире. Там, где её не могли достать ни сальные мужские взгляды, ни одобрительные возгласы зрителей, которыми они приветствовали девушку, ни деньги, летящие на сцену, – хотя, несомненно, она выступала тут не бесплатно. Несмотря на то, что её одежда больше открывала, чем прятала, это казалось настоящим искусством. Отличалась и музыка – теперь она звучала иначе, с боем барабанов и звоном колокольчиков на браслетах, украшавших ноги танцовщицы.

Стефан Альберран никогда не видел ничего подобного.

– Откуда вы? – спросил он, когда после окончания её выступления охранник провёл его в крохотную каморку за гримёркой, где его уже ждала Шанталь. Сидя на продавленном топчане, она жадно пила воду. Её гладкие, точно смазанные маслом, чёрные волосы немного растрепались после танца, но сейчас девушка казалась ещё красивее, чем во время него.

– Из Хинду, – бросила она в ответ, чуть помедлив.

– И ваше настоящее имя...

– Шалини.

– Расскажите о себе? – проговорил Стефан, стараясь не смотреть на её точёные плечи и высокую грудь.

Судьба Шалини оказалась столь же банальной, сколь и невесёлой. Она родилась в бедной крестьянской семье. Девушке едва исполнилось шестнадцать, когда отец продал её белому господину. Тот увёз бедняжку в королевство, а, наигравшись с нею, выбросил на улицу холодного туманного города. Тут бы ей и пропасть, но она не желала сдаваться. Вывеска кабаре попала ей случайно – там как раз набирали танцовщиц. Природная грация, пластичность и яркая экзотическая красота помогли ей получить эту работу, а, что касается мужчин, то, взяв себе новое имя, Шанталь оказалась окружена поклонниками, желающими преподнести ей богатые подарки.

– Альд Броктонвуд не говорил, что собирается оставить ваши отношения в прошлом после свадьбы? – высказал пришедшую на ум мысль Альберран.

– С чего бы? Или, думаете, сюда приходят сплошь холостяки? – усмехнулась собеседница. – Ошибаетесь. Их жёны ничего не теряют от маленьких мужских шалостей, порой даже наоборот. Да и нам тут ни к чему терзаться угрызениями совести, никто ведь не оставит супругу ради такой девушки, как я.

Стефан понуро молчал, не зная, что сказать. Едва ли она могла отравить Финнеаса. Кто в здравом уме станет убивать курицу, несущую золотые яйца? Да и дома у него Шанталь наверняка не бывала. Девиц из кабаре знатные мужчины к себе не приводят.

– Где вы встречались?

– Альд Броктонвуд снимал для нас квартиру. Я живу с другими девушками, так что... А в свой особняк он меня не приглашал, – подтвердила его догадки Шалини.

– Вы знали, что Финнеас Броктонвуд любил пить шнапс с золотыми опилками?

– Да, видела, как он его пил.

– Он рассказывал вам что-нибудь о себе, своих заботах... может быть, опасениях?

– Нет. Он считал, что женщины ничего не понимают в мужских делах. А я и не стремилась.

– Вам, должно быть, знакома настойка из семян дерева чилибухи... раз уж вы из Хинду?

– Чилибухи? – удивилась она. – О, они такие горькие! Могут вызвать рвоту.

– Доктора приписывают её как стимулирующее средство.
– Но к чему вы задаёте все эти вопросы?
– Видите ли... Альд Броктонвуд убит. Отравлен настойкой чилибухи, добавленной в его любимый напиток.

Шанталь изумлённо ахнула, прижав ладонь к губам, и её тёмные, как безлунная ночь, глаза, казалось, стали ещё больше.

– Вы уже знаете, кто...

– Пока нет. К сожалению. Но я непременно выясню.

Уточнив адрес квартиры, где проводили время любовники, Альберран уже собирался уходить, когда вдруг заметил, что один из массивных золотых браслетов на руке девушки сдвинулся, открывая крупный синяк на запястье.

– Что это?

– Ничего, – быстро ответила она, поправляя украшение. – Не обращайтесь внимания. Моя работа порой бывает опасной.

Но Стефан задумался.

Повсюду золото. Золото в напитке, который пил Финнеас Броктонвуд. Золотые браслеты на смуглых руках танцовщицы кабаре. Золотое кольцо на пальце убитого. Но почему же тогда?..

Стефан вдруг понял, что его смущало, когда он смотрел на руки Летиции Мортон.

Она не носила помолвочного кольца.

Возможно, сняла его, когда услышала, что её жених убит, но ведь утром... Утром альда Мортон ещё не знала о случившемся. Однако и тогда кольца на ней не было.

Как и вечером, в их вторую встречу.

Глава 9

– Совершенно убийство! Убийство! Свежие новости! – выкрикивал чумазый мальчишка, продающий газеты на углу.

Проходя мимо, Стефан Альберран поморщился. Меньше недели прошло со смерти Финнеаса Броктонвуда, и вот, пожалуйста, известие о случившемся уже в прессе. Пронюхали-таки. Хорошо ещё, что никто из газетчиков не знал, что именно он ведёт расследование. А вот к Летиции Мортон уже наверняка подобрались...

Он не видел Летицию с их вечернего разговора у неё дома и с тоской думал о том, каково сейчас приходится ей. Подозревать девушку в убийстве её жениха хотелось всё меньше, но обстоятельства складывались не в её пользу. Она приезжала в особняк Броктонвуда в день, когда он был отравлен, и оставалась одна в гостиной, а именно там и стояли бутылки с алкоголем. Такая самостоятельная и независимая девушка, как альда Мортон, прекрасно обходилась без компаньонки, а лучше бы та у неё имелаась. Хоть кто-нибудь, чтобы подтвердить алиби невесты убитого.

Что же касается мотива, то Стефан исходил из личности Финнеаса, который представлялся ему малоприятным типом. Избалованный богач, живший на деньги, оставленные родителями, и привыкший незамедлительно получать всё, что пожелается. Редкий напиток – пожалуйста. Красивая танцовщица кабаре – к вашим услугам. И, хотя Летиция утверждала, будто в качестве будущего мужа альд Броктонвуд её вполне устраивал, Альберран очень сомневался в том, что она не покривила душой. Потому что ну никак не мог представить, чтобы из столь разных людей получилась бы хорошая пара. К тому же, он помнил, что говорила альда Мортон о своих родителях, которые любили и уважали друг друга.

А разве уважал Финнеас Броктонвуд свою будущую жену, за её спиной вовсю развлекаясь с Шанталь?..

С продавцами золотого шнапса, которые организовывали его доставку в королевство, Стефан уже успел встретиться. Те в один голос утверждали, что никаких подозрительных покупателей у них не появлялось, все сплошь солидные и богатые – или выглядели таковыми. Списков любителей экзотической выпивки торговцы не вели, а те расплачивались с ними преимущественно наличными.

Ещё сложнее оказалось с докторами, лечившими настойкой чилибухи.

Те понимали, что со Службой Правопорядка не спорят, однако заявляли, что выдавать имена своих пациентов не имеют права. Дескать, из-за неких деликатных обстоятельств.

– И каких же? – нахмурился Альберран.

– Видите ли, – сказал ему один из медиков, – настойка чилибухи действительно стимулирует организм. Как бы вам объяснить... Весь организм, понимаете?

– Нет.

– Ну да, вы же ещё молодой человек, и вам дополнительная стимуляция ни к чему. Пищеварение в порядке, слух и так острый, мышечной слабости нет. И... гхм... проблем с женщинами тоже.

– С женщинами? – растерялся Стефан, которому показалось, будто он упустил нить разговора.

– Что ж, скажу напрямую. Половое бессилие. Его также лечат с помощью настойки чилибухи, и многие мои пациенты, страдающие этим недугом, будут против, если я назову вам их имена.

– Но поймите – речь идёт об убийстве! Возможно, кто-то из них солгал вам, чтобы получить средство, которое использовал как отраву. Это опасный человек, и вы тоже рискуете, утаивая от меня его имя!

– Хорошо, принесите соответствующую бумагу от вашего начальства, и я подумаю, что можно сделать.

Примерно так же отвечали ему и аптекари, с умным видом повторяющие: «Всё яд и всё лекарство».

Бертран занимался опросом прислуги в доме Финнеаса Броктонвуда и составил отчёты. Слова Летиции о том, что она приезжала дважды, подтвердились. Слуги заверили, что не подслушивали разговор хозяина с девушкой, но выглядела альда Мортон удручённой и ничуть не походила на счастливую невесту. А ведь она сказала Альберрану, будто приезжала поговорить с женихом о свадьбе! Впрочем, возможно, перед столь важным событием в жизни любой молодой особы у каждой полно забот и хлопот, а у неё ещё и нет родителей.

«Понятно, что ничего не понятно», – со вздохом сказал себе Стефан, вспоминая свои беседы с Летицией Мортон. Он знал, что им предстоит встретиться снова. А также с её адвокатом, который должен будет защитить интересы девушки, даже если дело дойдёт до суда.

Поверенный альда Броктонвуда сообщил, что завещания у его клиента не имелось. Таким образом, всё имущество унаследовали дальние родственники, живущие в колониях. Им отправили письма, но ещё до того, как они достигли адресатов, один из них в сопровождении семьи появился

на пороге особняка убитого, и сейчас Альберран ехал туда для разговора с – он сверился с записью в блокноте, чтобы уточнить имя – Берландом Броктонвудом, кузеном покойного Финнеаса.

Вид дома, лишившегося хозяина, всколыхнул воспоминания о первом визите сюда. Дверь открыла молоденькая горничная, которой позволили задержаться на некоторое время. Некоторые из слуг уже успели найти новые места, оставив адреса, по которым их можно было бы найти.

Берланд Броктонвуд оказался мужчиной лет сорока с уже заметной проседью в тёмных волосах, жилистым и загорелым после долгой жизни под горячим солнцем колоний. Вместе с ним приехал его сын Анайрин пятнадцати лет и супруга Фабиана, беременная вторым ребёнком. С ними Стефан также изъявил желание побеседовать.

– Что я могу сказать? – развёл руками кузен убитого. – Мы с Финнеасом давно не виделись. Очень давно.

– Однако вы приехали ещё до того, как получили письмо о его смерти, – заметил Альберран.

– Да... Но... Я ничего не знал! Мы приехали сюда только ради Фабианы! Она стала плохо переносить жаркий климат, и мы побоялись, что потеряем и этого ребёнка...

– Значит, вы надеялись, что кузен разрешит вам пожить у него?

– Только первое время! Затем мы непременно купили бы дом. Небольшой, разумеется, но чтобы хватало на семью.

– Понимаю. Скажите, у вас сохранились билеты, по которым вы прибыли в королевство? Меня интересуют даты на них.

– Понятия не имею, куда они подевались, да я и не думал, что их нужно непременно сохранить. Неужто вы меня подозреваете? – изумлённо уставился на него собеседник. – Думаете, я порешил кузена... ради его наследства?

– Деньги – весьма распространённый мотив, – произнёс Стефан. – Прощу меня извинить, но я подозреваю всех. Мне за это платят.

– Вон оно как, а я и не предполагал, что, едва ступлю на родину, меня первым же делом запишут в душегубы! Только супруге ничего не говорите! Ей нельзя волноваться.

Альберран не сказал. Пухлощёкая светловолосая Фабиана Броктонвуд меньше всего походила на особу, способную принять участие в заговоре с убийством. Больше всего её заботил будущий ребёнок и гнездо, которое женщина собиралась свить для него в столице. Кроме того, она никогда не встречалась с Финнеасом и не могла ничего про него сказать. Следующим явился их сын. Анайрин оказался хмурым тощим подростком, на удивление

похожим на убитого, если судить по портретам. В королевстве ему не нравилось.

– Здесь холодно и туманно, – заявил он.

– Не так уж и холодно, – возразил Стефан.

– Это вы в тёплых краях не бывали. Зачем вам со мной говорить? Я даже не знал своего дядю.

– Расскажи о вашем путешествии сюда.

Паренёк почти слово в слово повторил рассказ его родителей. Сначала плыли, потом ехали в карете. Корабль попал в шторм, маму сильно мутило, да и ему самому не слишком-то хорошо пришлось. Нет, с другими родственниками покойного ему видаться не доводилось. Но теперь встреча наверняка не за горами, им ведь тоже отправили письма.

Про настойку чилибухи Анайрин ничего не знал, про золотой шнапс тоже, но, услышав о таком, тут же загорелся желанием попробовать.

– Не советую, – вспомнив беседу с врачом в морге, проговорил Альберран.

– Будто сами не хотите!

– Не хочу.

Отпустив нахального мальчишку, Стефан устало откинулся на спинку кресла. Опять ничего. Никаких зацепок. Казалось, будто он топчется на месте. Уже всю траву вытоптал, а убийцу не нашёл. Королева заинтересована в успешном исходе расследования. Альд Кирхилд снова напоминал, что ждёт результатов.

– Будете чай? – отвлёк его от тягостных размышлений приятный девичий голосок.

Открыв глаза, Альберран увидел ту самую горничную, что открывала ему дверь. В его первый визит сюда они тоже встречались. Тогда она испуганно жалась к стене, не рискуя войти в гостиную, где лежало тело владельца особняка.

Он и не заметил, когда она здесь появилась – настолько был погружён в свои мысли.

– Герти, верно?

– Запомнили, как меня зовут! – обрадовалась она. – Сидите пока! Я вам мигом принесу чай!

Девушка упорхнула, мелькнув подолом форменного чёрного платья с белым фартуком. Стефан раскрыл лежащий перед ним на столике блокнот, который достал чуть раньше, собираясь записать туда заметки о разговоре с Берландом и его семьёй. На первый взгляд, эти люди выглядели искренними, и всё же тот факт, что у них не оказалось билетов,

настораживал.

Обнаружив, что его карандаш куда-то подевался, Альберран наклонился, рассматривая пол. Может, упал и закатился? Как не вовремя!

Раздались шаги, и вошла Герти с подносом.

– Что-то потеряли?

– Карандаш не могу найти, – с досадой отозвался Стефан, выпрямляясь.

Руки девушки дрогнули под тяжестью подноса, и она водрузила его на столик.

– Я поищу, когда буду подметать.

– Ты уже подыскиваешь себе новое место? – поинтересовался он.

– Да, но... Мне сложно. Может, эта семья, что приехала, останется здесь. Им ведь понадобятся слуги, так? Особенно когда маленький родится.

– Наверняка понадобятся. Спасибо за чай, Герти. Скажи, а ты... не замечала ничего странного в доме в последнее время... пока альд Броктонвуд был ещё жив?

– Ваш спутник... как его... Бертран меня про это уже спрашивал. Смотря что считать странным. К хозяину приходили его приятели, много пили, шумели.

– Они не... не приставали к тебе?

– Посмотрите на меня, господин! Я ж не красотка какая-нибудь! Кто будет ко мне приставать?

Альберран едва не сказал, что после определённого количества выпитого любая могла бы показаться развязным аристократам привлекательной, но промолчал. На его взгляд, Герти выглядела не так уж плохо. Не самые правильные, но приятные черты лица, рот великоват, щёки усыпаны веснушками цвета ржавчины, однако сама она вроде бы славная девушка. Даже чай ему принесла. И смотрела с таким интересом, что он чувствовал себя кем-то значительным.

Да и чай оказался вкусным. Но с тем, который подавался в чайной Летиции Мортон, должно быть, не сравнить. Вот бы попробовать...

А, впрочем, почему бы и нет?..

Глава 10

Летиция, услышав стук в дверь, подняла взгляд от бумаг, которые изучала, сидя в своём кабинете в «Чайе и сладостях». Кое-какие цифры не сходились, и у девушки уже начала побаливать голова от всех этих бесконечных расчётов. Хорошо ещё, что у неё есть управляющий, на которого можно положиться.

А вот и он.

– Что-то случилось, Говард? – спросила Летти. Теперь, когда всем стало известно о случившемся с Финнеасом, она стала поводом для разговоров в гостиных столицы. Арестовывать её пока никто не пришёл, но настоящего убийцу так и не нашли.

– К вам князь Чаудхари, – сообщил ей управляющий.

– Вот как? – удивилась внезапному визиту Летиция. – Что ж, пригласи его войти. И распорядись о чае!

Когда Говард вышел, она невольно потянулась за зеркальцем. В стеклянной глади отразилось бледное лицо в обрамлении чёрной ленты, удерживающей непокорные светлые пряди. Новую одежду Летти, как и собиралась, приобрела в лавке готового платья, однако та с каждым днём удручала всё больше. Не столько из-за унылой мрачности, сколько из-за того, что носить траур по человеку, о котором не выходило пролить и слезинки, казалось лицемерием. Выглядеть скорбящей невестой, не ощущая себя таковой, или, нарушив устои королевства, начать снова надевать платья других цветов?..

За последние дни Летиция настороженно ожидала новых визитов своих мучителей – Стефана Альберрана с очередными вопросами или постановлением взять её под стражу, шантажиста Джерома Эрделлина или же кузена, вздумавшего предпринять ещё одну попытку уговорить пожениться. Однако они, похоже, решили взять передышку и на некоторое время оставили её в покое. А Финнеас Броктонвуд...

Он, к её облегчению, не приходил к ней даже во сне.

Поправив выбившийся из-под креповой ленты локон и покусав губы, чтобы стали не такими бледными, Летти залилась краской. Почему ей так важно выглядеть красивой в глазах Рохана Чаудхари? Ведь они всего лишь деловые партнёры!

Вот ведь глупости!

Рассердившись на себя, Летиция отложила зеркальце, но не смогла

ничего поделаться с тем, как сильно забилося её сердце, когда скрипнула, открываясь, дверь, и в кабинете появился князь. Сегодня одежда на нём была серебристо-белая, резко контрастирующая с платьем самой владелицы чайной. Рядом с этим мужчиной она наверняка выглядела чёрной вороной.

– Доброе утро, альда Мортон! Я оказался поблизости и решил заглянуть к вам. А также лично отдать вам приглашение на приём.

Летти, поприветствовав визитёра, взяла у него гладкую карточку, на которой значились дата и время, а также адрес, по которому жил князь Чаудхари. При этом их руки слегка соприкоснулись. Ощувив тепло его смуглой кожи, девушка вздрогнула и едва не выронила приглашение.

Отчего-то в его присутствии она, привыкшая уже вести дела наравне с мужчинами, чувствовала себя как-то странно и, что ещё непонятнее, не могла найти ответа, почему именно рядом с ним. С этим следовало что-то делать. Но что?..

– Я не уверена, имею ли право принимать ваше приглашение... Ведь я в трауре. Прилично ли будет...

– Вы ведь не умерли, альда Мортон, – не сводя с неё внимательного взгляда тёмных глаз, проговорил он. – Вы живы. Так к чему хоронить себя заживо? Или гибель жениха означает, что и ваша жизнь тоже кончена? Я думал, в королевстве люди считают себя цивилизованными.

– Вы правы, – ощущая всё возрастающую неловкость от их беседы, пробормотала Летиция. – Я действительно жива. И я... приду на ваш приём.

– Буду очень рад.

Летти слишком долго подбирала приличествующий ситуации ответ, и пауза в разговоре грозила затянуться, но, к счастью, вошла Доркас с подносом.

– Чаю, князь Чаудхари? – выдохнув, предложила Летиция. – На сей раз я взяла на себя смелость угостить вас чем-то новым. Но, если хотите, могу распорядиться, чтобы приготовили такой же, как в прошлый раз.

– Не нужно, альда Мортон, я с удовольствием попробую тот, что нам принесли.

Чай с засахаренными лепестками фиалки, нежный и сладковатый, но без приторности, был заварен в белом фарфоровом чайничке. Отпустив Доркас, Летти разлила его самостоятельно, стараясь вести себя уверенно и ничем не выдавать того смятения, что охватывало её, когда этот мужчина находился так близко. К чаю прилагались также ванильные пирожные, баночка апельсинового мармелада и марципановые фигурки лебедей.

Не зря же заведение носило название «Чай и сладости»!

Летиция, пододвинув угощения к гостю, решила ограничиться напитком.

– Как идут дела в ваших чайных лавках? – любопытно спросил князь Чаудхари.

– Всё хорошо. – Летти вспомнила, что планировала открыть ещё одну – прямо перед тем, как её жениха убили. Тогда, ещё не зная, что с ним произошло, она продолжала надеяться, что сумеет откупиться от него и обрести наконец-то желанную свободу от брака, о котором когда-то договорился её отец.

На мгновение промелькнула вдруг мысль, а как бы всё складывалось, если б Финнеас оказался не таким, каким он был, а совсем другим человеком? Пусть даже не слишком привлекательным внешне, но умным, великодушным, честным. Если бы он хоть немножко любил её и предлагал бы настоящее партнёрство, а не глянцевою супружескую жизнь напоказ с её изменной и неприглядной изнанкой.

Задумавшись, Летиция не сразу расслышала, что ей задали вопрос – как назло, именно о женихе.

– Вы любили альда Броктонвуда? – спросил Рохан Чаудхари, глядя на неё поверх чашки. – Я прочёл в газете о его смерти. Простите, что не выразил свои соболезнования сразу.

– Это слишком личный вопрос, – отозвалась Летти.

– Но на него просто ответить, не так ли? Всего лишь одно слово – «Да» или «Нет». Однако, если вы затрудняетесь с ответом, выходит, что ближе ко второму варианту.

– Люди моего круга редко женятся по любви.

– Но не потому, что не умеют любить.

Летиция промолчала и, чтобы занять рот, откусила кусочек пирожного, хотя и не собиралась ничего есть. Умела ли она любить? Она не знала. В академии этому не учили. Но она видела отношения её родителей и втайне мечтала, что когда-нибудь её собственная семья будет такой же счастливой и любящей... Может быть, даже крепче, чем у Витториуса и Елены Мортон. Ведь его подолгу не бывало дома, а жене и дочери оставалось только скучать по нему.

– Сейчас нет смысла поднимать эту тему, – сказала Летти, прожевав. – Финнеаса Броктонвуда больше нет. А моя жизнь, как вы верно заметили, продолжается.

– Достойный ответ. Мне приятно слышать, что вы не поставили на себе крест. Было бы досадно, если б такая девушка, как вы, ушла в

монастырь.

От его слов «такая девушка, как вы» глупое сердце снова затрепыхалось, как пойманная в силки птичка.

– Не извольте беспокоиться, в монастырь я точно не собираюсь, – заверила собеседника Летиция.

– Вот и отлично. – Его чётко очерченные губы дрогнули в улыбке. – Общество понесло бы большую потерю, вздумай вы от него отдалиться.

Раздался стук в дверь, и в кабинет робко заглянул управляющий.

– К вам Стефан Альберран, – сообщил он. – Сказать ему подождать? Предложить чаю?

– За счёт заведения, – быстро ответила Летти. Он пришёл снова? Может быть, у него наконец-то появились новости?..

– Пожалуй, не стану вас задерживать, – поднялся князь. – Это ведь что-то важное? Вы прямо в лице переменились, когда услышали имя пришедшего.

– Он из Службы Правопорядка, – пояснила она. Чай уже был допит, но тепло чашки согревало ладони, и Летиция неохотно выпустила её из рук. – Ведёт дело об убийстве альда Броктонвуда.

– Вот как... Тогда я пойду. Проводите меня?

Летти согласно кивнула и вышла из кабинета в общий зал вместе с Роханом Чаудхари. Говард, чтобы не мешать, ушёл вперёд. Её управляющий умел быть незаметным и расторопным, выполняя все её пожелания – иногда ещё до того, как она успевала их озвучить.

Альберран стоял у прилавка, разглядывая выставленные там изысканные сладости. Его лицо казалось непроницаемым, но, увидев Летицию в сопровождении князя, он уставился на них с удивлением, быстро переходящим в выражение смущения. Казалось, будто его расстроило её появление в компании мужчины.

С чего бы?..

– Здравствуйте, господин Альберран, – ответила на его приветствие Летти и снова повернулась к своему спутнику, чтобы попрощаться с ним.

– Было приятно провести с вами время, альда Мортон. Не забудьте о моём приглашении! – проговорил он, целуя её руку. – До скорой встречи!

– До свидания, – ответила она, чувствуя, что все взгляды сейчас обращены на них. И Стефана Альберрана, и стоящей за прилавком Доркас, и немногочисленных в этот час посетителей чайной. – Я не забуду, обещаю.

Когда князь Чаудхари вышел, Летиция обернулась к представителю Службы Правопорядка.

– Я к вашим услугам, господин Альберран. Прошу вас, пройдёмте в

мой кабинет. Доркас, принеси, пожалуйста, нам чай... на твой выбор.

– Да, альда Мортон.

Мимолётно подумав, что, если будет чаёвничать с каждым визитёром, то наверняка лопнет, Летти провела молодого человека в кабинет и указала ему на кресло, в котором некоторое время назад сидел князь. В воздухе всё ещё витал его запах, уже казавшийся знакомым. Так же пахло и его письмо.

– У вас есть для меня новости? – прямо спросила Летиция, когда они расселись по местам.

– Приехали родственники альда Броктонвуда.

– Им уже сообщили?

– Они не знали, что он убит. Приехали потому, что супруге Берланда Броктонвуда перестал подходить жаркий климат. Она в положении.

– Берланд Броктонвуд, – повторила Летти. – Не знаю такого. Вы... их подозреваете?

– Менястораживает, что у них не сохранились билеты, даты на которых свидетельствовали бы, что эта семья прибыла в королевство уже после убийства.

– Полагаете, они могли приехать раньше и избавиться от Финнеаса... ради его наследства? Но если они действительно давно не виделись, то откуда знали, что он не писал завещания? И как им удалось отравить напиток в бутылке, которая стояла в его гостиной?

– В том и загадка, альда Мортон, – вздохнул собеседник. – Кажется, я зашёл в тупик. Делаю всё возможное, но...

– Но самой вероятной подозреваемой по-прежнему остаюсь я? – Летиция посмотрела ему в глаза. – Поверьте, я не убивала своего жениха. И я очень хочу, чтобы вы нашли настоящего преступника. Готова помочь всем, чем смогу, чтобы это случилось поскорее.

Вошла Доркас, поставила на чайный столик новый поднос и унесла тот, что приносила раньше.

– Угощайтесь, господин Альберран. Вы сейчас так напряжённо работаете. Вам не помешает немного отдохнуть и подкрепиться.

– Вы очень добры, – пробормотал он. Доркас не пожалела закусок, а чай – Летти принялась – заварила с перечной мятой, шиповником, листьями мальвы и другими травами, благодаря которым напиток приобретал свежий аромат летнего луга. – Я спрошу ещё раз – есть у вас какие-нибудь соображения о том, кто мог убить вашего жениха?

Глава 11

Стефан Альберран пытливо смотрел на собеседницу, ожидая её ответа на свой вопрос, а сам невольно вспоминал мужчину, с которым видел альду Мортон некоторое время назад. Судя по экзотической внешности и одежде, это и есть тот самый князь – поставщик чая из Хинду. Должно быть, он лично владел чайными плантациями и другими богатствами, позволяющими ему так смело и независимо держаться рядом с Летицией.

Увидев их вместе, Стефан ощутил нечто неприятное, что – как бы ни тяжело признавать – больше всего напоминало укол ревности. Владелица «Чая и сладостей» нравилась ему, несмотря на то, что являлась подозреваемой в деле об убийстве. Он хранил верность Службе Правопорядка, но никак не желал верить в то, что эта девушка действительно могла бы хладнокровно отправить на тот свет Финнеаса Броктонвуда.

– Поверьте, господин Альберран, я... – вымолвила она, глядя на него так, что его сердце будто сжала невидимая рука. – Я очень хочу помочь, но... Видите ли, Финнеас... его избаловали. Деньги и высокое положение давали ему ощущение вседозволенности. Может быть, однажды он перешёл кому-то дорогу, и теперь тот человек пожелал отомстить?

– Мечь – блюдо, которое подаётся холодным, – процитировал всплывшую в памяти фразу Стефан. – Это вы хотите сказать, альда Мортон? Убийцу нужно искать в прошлом вашего жениха либо в его ближайшем окружении?

– Вполне вероятно, – кивнула Летиция. – Он не работал, однако у него было много знакомых. В мужских клубах, среди других аристократов... Разумеется, могли быть и завистники. Думаю, вам нужно опросить тех, с кем он особенно близко общался.

– Здравая мысль, – согласился с ней Альберран. Мысль о том, что ему придётся беседовать с напыщенными альдами, которые будут смотреть на него, как на кучу мусора, не слишком-то радовала, однако другого выхода не имелось. – Так и сделаю.

– У вас есть ещё вопросы? – подливая ему чай, спросила собеседница.

– Скажите, альда Мортон, почему вы не носили помолвочное кольцо?

– Я сняла его, когда узнала о том, что Финнеаса больше нет в живых.

– Простите, но нет. Ведь утром, когда мы встретились на кладбище и проследовали к вам в дом, вы ещё ничего не знали. Но кольца на вашей

руке уже не было.

В лицо ей бросилась краска, и девушка закусил губу, выдавая своё смятение. Стефану захотелось взять её за руку, ласково погладить дрогнувшие пальцы, согреть их своим дыханием. Или, может быть, набравшись смелости, даже обнять её, прижать к себе, утешая её тревогу.

Но нельзя. Ничего нельзя. Ведь он – живущий на одну зарплату сотрудник Службы Правопорядка весьма скромного происхождения, а она – не просто барышня из хорошей семьи, но богатая наследница с собственным делом. Они словно на разных берегах. И никогда не окажутся на одном.

– Я... не слишком-то хотела выходить замуж, – проговорила она наконец. – О браке когда-то договорились наши родители. Но, почувствовав вкус независимости, я не стремилась с ним расставаться.

– Вы ведь, помнится, говорили, что альд Броктонвуд полностью устраивал вас в качестве будущего мужа.

Летиция Мортон вскинула на него взгляд, в котором, как в темнеющем перед грозой небе, вспыхивали молнии.

– А что я должна была сказать, господин Альберран? Что не желала становиться его женой? Чтобы ещё больше подтвердить ваши подозрения?

– У вас имелись причины избегать брака с ним? Какие-то ещё, помимо той, что вы мне назвали? Может быть, альд Броктонвуд дурно с вами обращался? Говорил оскорбительные вещи? Или... считал, что уже имеет на вас права?

Ему вдруг вспомнился синяк на руке танцовщицы, который Шанталь поспешно спрятала, когда он заметил. А что, если Финнеас бил её? Раз так, то он вполне мог обижать и невесту, которую, к тому же, некому было защитить, ведь она осталась без отца. Стефан почувствовал, как в нём закипает гнев. Окажись сейчас перед ним Финнеас Броктонвуд, тому бы не поздоровилось.

Похоже, Летиция оказалась перед дилеммой. Она долго молчала, стискивая руки и глядя куда-то в пустоту, словно видя перед собой лицо мужчины, о котором они говорили. Альберран не торопил её.

– Что ж, я отвечу вам... – произнесла она. – Альд Броктонвуд порой действительно... вёл себя не слишком благородно. И да, это являлось ещё одной причиной, по которой мне не хотелось выходить за него.

– Но вы сказали, будто приезжали к нему поговорить о свадьбе.

– Не о свадьбе. – Летиция протяжно вздохнула. – А об её отмене.

Стефан Альберран молчал. Теперь он понимал всё, что раньше приводило его в замешательство. Спокойную реакцию альды Мортон на

известие о смерти жениха, её незаплаканные глаза, ту осторожность, с которой она отвечала на его вопросы.

Ведь нежелание выходить замуж – в том случае, если Финнеас отказывался решить всё миром – вполне тянуло на мотив убийства.

Летиция и Шанталь – Шалини – были такими разными, какими только могут быть две девушки. Одна образованная, безупречно воспитанная, полная достоинства аристократка. А другая училась урывками, ведь в деревне, где она родилась, не строили школ для девочек, и в приличном доме её не пустили бы даже на порог. Однако и той, и другой Стефан всем сердцем сочувствовал. Ведь обе они пострадали от мужчин и предрассудков их общества.

Подбирая слова для ответа, он увидел, как плечи собеседницы вдруг содрогнулись, и она закрыла лицо руками. По её щекам текли слёзы. Произошло то, чего он ожидал при их первой встрече, – Летиция Мортон разрыдалась.

– Альда Мортон...

– Я так устала! Так устала сдерживаться и притворяться... – всхлипнула она. Стефан растерянно привлёк её к себе, неловко обнимая и поглаживая по волосам. На ощупь они оказались мягкими, как пух одуванчика. Летиция вздрагивала, не отталкивая его, и он понял, что она давно нуждалась в том, чтобы выплакаться у кого-нибудь на плече.

Стефан Альберран впервые держал в объятиях девушку, о которой не имел права даже мечтать. Ощущение казалось восхитительным. Ещё никогда в жизни ему так сильно не хотелось, чтобы текущее мгновение продолжалось вечно.

Но спустя короткое время Летиция Мортон смущённо отстранилась, вытирая мокрое лицо сначала ладонями, а затем и батистовым платком, который извлекла из кармашка траурного платья.

– Простите, господин Альберран... – пробормотала она, отводя взгляд. Голос её звучал сдавленно. – Мне не следовало...

– Не извиняйтесь, альда Мортон, – остановил её Стефан. Он вдруг с пугающим осознанием подумал о том, что, если начальству станет известно о симпатии подчинённого к подозреваемой, его немедленно отстранят от работы над этим делом. – Я понимаю, как вам сейчас тяжело.

– Я напишу для вас имена приятелей и знакомых Финнеаса, – произнесла Летиция, пересаживаясь за свой рабочий стол. – Правда, не уверена, что смогу упомянуть всех. Вам лучше поговорить о них также с альдом Эрделлином.

Достав чистый лист бумаги, она принялась писать. Альберран

наблюдал за ней, её склоненной головой, чуть растрепавшимися волосами с чёрной лентой, уверенными движениями изящных рук. Вся она сейчас казалась ему совершенством – прекрасным, недостижимым, удивительным, как далёкие звёзды. Порой по ночам кажется, что до них можно дотянуться рукой. Вот и Летиция выглядела такой же близкой и недоступной одновременно.

Самое главное – чтобы о его отношении к ней не узнал альд Кирхилд. Стефан не собирался бросать и передавать начатое дело другому сотруднику Службы Правопорядка. Чего бы ему это ни стоило, он должен довести его до конца.

Ради справедливости. Ради поиска и наказания человека, который совершил преступление, хотя альд Броктонвуд, ставший его жертвой, не слишком-то вызывал сочувствие. Ради Летиции Мортон, в чью невиновность Альберран верил, несмотря на то, что многое в деле выступало против неё.

– Готово, – проговорила она, протягивая ему список. – Возможно, некоторые из них не пожелают говорить с вами. Очень уж они привыкли к тому, что весь мир вертится вокруг них и ничто в нём не создаёт им неудобств.

– Я буду упорен, альда Мортон, – заставив себя улыбнуться, пообещал ей Стефан. – Им придётся ответить на мои вопросы. Жаль только, что вопрос с алиби будет сложно решить, ведь мы не знаем, когда и каким образом яд попал в бутылку.

– А какие варианты?

– Кто-то был в доме Финнеаса Броктонвуда и подлил настойку чилибухи в золотой шнапс, открутить его крышку несложно. Или же бутылку подменили на другую – уже с отравой. Но в любом случае убийца побывал в особняке.

– А если нет?

– Нет?

– Если Финнеасу уже продали такую бутылку, подкупив торговца? Или же... подарили, например? Ведь многие знали о том, что он предпочитал именно этот напиток.

– И тогда...

– Тогда преступник мог и не приходить к нему, – подхватила Летиция. Её слёзы высохли, и сейчас на лице девушки отражалась заинтересованность. – Такой вариант вы не рассматривали, господин Альберран?

Стефан, устыдившись, покачал головой. О подобном он действительно

не думал. Вот так ей удалось выдвинуть версию, отличную от тех, которые прорабатывал он.

– Но тогда подозреваемых может быть больше, – сказал Альберран. – Если рассматривать тех, кто даже не бывал в доме убитого, то... Да, альда Мортон, вы способны составить мне конкуренцию в следственном деле.

– А ещё подкупить могли слуг, – предположила она, будто не расслышав его комплимент. – Их ведь многие аристократы считают кем-то вроде невидимок. Не стесняются обсуждать в их присутствии личные дела, а ведь можно ещё и подслушивать за дверью. Да и многое, из чего состоит наша жизнь, от прислуги скрыть не получилось бы, – добавила собеседница, поморщившись при этих словах, словно ей вспомнилось что-то неприятное. – Проверьте всех, кто служил у Финнеаса.

– В тот вечер у них, кажется, был выходной, – припомнил он отчёт Бертрана.

– Но вы ведь сами сказали, что яд мог попасть в бутылку и раньше.

– Вы, безусловно, правы. Я ещё раз поговорю со слугами – сам, не перекладывая эту обязанность ни на кого. Необходимо также выяснить, не угрожал ли кто вашему... альду Броктонвуду.

– Рада, если навела вас на верную мысль, господин Альберран, а теперь, если у вас больше нет вопросов, мне, пожалуй, следует вернуться к работе. Кстати, адвоката я нашла. Если потребуется, он, надеюсь, сможет защитить мои интересы.

Глава 12

Летиция заметила огорчение собеседника, когда она сказала про адвоката. Неужели Стефан Альберран действительно верил в её невиновность? Удивительно, но... до чего же приятно знать, что кто-то не подвергает её слова сомнениям!

Ведь не так-то просто оказалось признаться в том, что она приходила к Финнеасу поговорить об отмене свадьбы. Летти боялась и всё-таки не промолчала на сей раз, не стала ничего выдумывать, а сказала правду. И, не выдержав той тяжести, которая незримо лежала на её плечах всё это время, расплакалась прямо перед этим человеком!

А он – невероятно! – повёл себя так, что, несмотря на неловкость, она была ему благодарна. За тепло его рук, за участие в голосе, за то, что он не смотрел на неё свысока, будто желая сказать «Да что женщина может понимать в расследованиях?!» Вышло совсем наоборот – господин Альберран прислушивался к её словам, ему показались весьма дельными высказанные ею замечания, а также тот список с именами близких знакомых Броктонвуда, который Летиция ему написала.

Обсуждая возможные догадки и зацепки, Летти почувствовала себя нужной. Но затем, вспомнив о том, что она всё ещё вероятная подозреваемая, упомянула про адвоката. Тот пообещал оказать всю возможную помощь в случае, если дело дойдёт до ареста, а затем и до суда. Он даже предложил разговаривать с представителем Службы Правопорядка лишь в его присутствии, но девушка ответила отказом. И сейчас, беседа с Альберраном, ничуть не пожалела о своём решении.

– Надеюсь, вам это не понадобится, альда Мортон, – проговорил он. – Уверен, что теперь, с вашей помощью, я непременно отыщу настоящего преступника. Пожалуйста, верьте мне.

– А если его уже нет в городе? – с тревогой предположила Летиция. – Если он уехал, сбежал... Что тогда?

– Не волнуйтесь, я найду способ проверить.

Она сомневалась, но всё же кивнула. Вспомнилось вдруг, как её матушка всегда поддерживала отца, когда его дело переживало трудные времена. Она никогда не критиковала его и давала понять, что верит в него и в то, что он справится со всеми невзгодами.

Что и говорить, Елена Мортон была мудрой женщиной.

– Хорошо, – сказала Летти, натянув на лицо улыбку.

– Благодарю за чай! Всего доброго! – попрощался молодой человек и вышел за дверь. Сразу же за этим в кабинет заглянул Говард.

– Вам пришло письмо, альда Мортон.

– Давай его сюда, – отозвалась Летиция. На конверте не обнаружилось имени отправителя. – Спасибо, можешь возвращаться к своим делам.

Отпустив управляющего, она распечатала письмо, начала читать и нахмурилась, увидев, что его автором оказался Джером Эрделлин. Тот всё-таки внял её просьбе и решил высказать свои требования в письменном виде. Грязный шантажист!

Письмо было написано в крайне оскорбительной манере. Альд Эрделлин угрожал ей оглаской того, что происходило между ней и Финнеасом. Похоже, приятель Броктонвуда искренне верил во все те выдумки, которым её покойный жених его потчевал.

Послание завершалось словами «Моему другу благоволила сама королева, а ты – всего лишь торговка чаем!»

«Торговка чаем?! – Летти гневно отбросила листок бумаги, словно тот мог испачкать ей пальцы. – Да как он смеет?»

Она ударила рукой по столу, не почувствовав боли. Из-под ладони вырвался сноп искр. Фарфоровая чашечка, из которой недавно пил Стефан Альберран, с треском раскололась.

«Нужно успокоиться». В жизни Летиции уже случались моменты, когда она теряла контроль над магией, но это происходило давно, ещё во времена обучения. Нельзя, чтобы такое повторилось.

Отыскав среди бумаг письмо и упорно борясь с желанием немедленно его сжечь, Летти спрятала доказательство шантажа в ящик своего рабочего стола и тщательно заперла на ключ. А затем задумалась, как ей быть дальше. Показать эту возмутительную писульку господину Альберрану? Что он сможет сделать, ведь Эрделлин наверняка станет отпираться? А если тот выполнит угрозу и пустит слух обо всех тех низостях, которые сочинял Финнеас? Кто-то, может, и не поверит. Но нельзя гарантировать, что люди будут на её стороне, и тогда чайная империя её отца окажется под угрозой.

Представив, что никто больше не станет покупать у неё чай и заглядывать в «Чай и сладости», чтобы приятно провести время, а ей станет нечем платить работникам, Летиция передёрнулась. Это главное – она отвечала не только за себя. Говард, Доркас и всё остальные, кто на неё работает... Им придётся искать другие места, если все отвернутся от особы со скандальной репутацией. Такого нельзя допустить!

Обхватив голову руками, Летти стиснула в пальцах край чёрной ленты,

напоминающей о том, с чего всё началось. А вернее – с кого. С альда Финнеаса Броктонвуда, который даже из могилы умудрялся портить ей жизнь.

А если бы они всё-таки поженились...

Представив себе подобную перспективу, Летиция поёжилась, словно в кабинете вдруг резко похолодало.

А ведь когда-то он ей даже нравился. Казался настоящим аристократом, воплощением девичьих грёз. Такой красивый, надменный, точно принц крови, уверенный в себе. Её приятельницы завидовали ей, уверяя, что Летти повезло с женихом. Да и она сама какое-то время думала так же. Воображала, будто сумеет перевоспитать его своей любовью, что он непременно пожалеет о словах, сказанных ей при знакомстве, и не будет больше считать её всего лишь охотницей за богатством. Но постепенно от её наивных фантазий не осталось и следа, а теперь они и вовсе оказались погребены под пеплом обиды и горечи.

Так же, как скоро будет погребён и сам Финнеас.

Должно быть, за организацию похорон взялся его родственник, приехавший из колоний. Ведь ему достанется наследство покойного. Это не её забота, и всё же Летиции придётся там присутствовать, принимать соблезнования, ловить на себе взгляды, полные жгучего, как крапива, любопытства. И это испытание она должна выдержать с честью. Хотя бы ради памяти отца, который когда-то выбрал ей жениха. Витториус Мортон, будучи хорошим человеком, привык судить других по себе. Он даже предположить не мог, что блестящий молодой человек, имевший отличное происхождение и образование, окажется отъявленным мерзавцем.

Был бы отец сейчас рядом... Обнять его, рассказать обо всём, что у неё на сердце. Он бы наверняка понял и сумел дать верный совет, а ещё – несмотря ни на что, встал бы на её сторону.

Но что же всё-таки делать с Джеромом Эрделлином? Пусть пока он требовал с неё небольшую сумму, но вскоре – Летти не сомневалась – его аппетиты вырастут. И что тогда, платить ему до конца жизни?

А если он пожелает не только денег?..

Если он...

Летиция резко поднялась с места и уже собиралась позвать кого-нибудь, чтобы убрали то, что осталось от чаепития, как вдруг услышала громкий крик ужаса. Кричала Доркас. Едва не споткнувшись на пороге, девушка выбежала из кабинета и столкнулась в коридоре с Говардом, который тоже спешил на помощь. Крик повторился, и теперь не приходилось сомневаться, что он доносится из кладовой. Управляющий

поспел туда первым.

Когда Летти подошла, то обнаружила работницу, которая сидела на полу в ворохе юбок и тяжело дышала, прижимая ладони к вздымающейся груди.

– Что случилось?! – воскликнула Летиция. – Доркас, ты не ушиблась? Говард, да помоги же ей подняться!

– Я кого-то видела! – Доркас позволила управляющему поднять себя на ноги. Она больше не кричала, но говорила быстро, захлёбываясь, а на лице всё ещё отражался страх. – Похоже на маленького человечка! Или не человечка, не знаю, не разглядела толком! Он дважды пробежал мимо меня! Или их двое!

– Или у тебя двоится в глазах, – вздохнула Летти. – Доркас, ответь, ты ничего не подливала себе сегодня в чай? Я не буду ругаться, если скажешь правду.

– Конечно, нет, альда Мортон! Ещё ведь слишком рано! И я помню, что я на работе! – оскорбилась та.

– Хорошо, прости.

– Мне это не померещилось, альда Мортон, уверяю вас!

Летиция скользнула взглядом по кладовой. На первый взгляд, всё оставалось в полном порядке. Здесь хранили чай и другие запасы, а за тем, чтобы сладости не залёживались, тщательно следили. Да и раскупались те быстро. Обычно недостатка в клиентах у чайной не было.

Однако, если её обвинят в убийстве или Джерому Эрделлину удастся испортить её репутацию, всё изменится...

Прогнав беспокоящую, как зубная боль, мысль, Летти попыталась утешить женщину.

– Пойди отдохни немного! Вместо тебя пусть Ивонн за прилавком постоит. А хочешь, отправляйся домой!

– Не хочу, альда Мортон, я вас не брошу!

Поправив на полке баночку абрикосового джема, которая грозила свалиться на пол, Летиция погладила Доркас по плечу, туго обтянутому белой тканью крахмаленной блузки.

– Спасибо, но я не желаю, чтобы ты работала в таком состоянии.

– Я только чуточку отдохну, а потом вернусь к делам!

Проводив её, Летти обернулась к Говарду.

– Как думаешь, о чём она говорила?

– Ума не приложу, альда Мортон! Может, причудилось что-то? Доркас точно не в себе с тех пор, как о смерти вашего жениха услышала, а, может, и раньше.

– Может, и раньше, – задумчиво повторила Летиция. Ей ведь в тот день показалось, что её служащая чем-то озабочена, но тогда было не до того, чтобы придирчиво выяснять. – Будь к ней внимателен, ладно?

– Прослежу, будьте спокойны! Выдумала тоже – маленькие человечки! Ещё скажет, что они сладости воруют! – фыркнул Говард.

– А что, сладости уже пропадали?

– Да по мелочи, альда Мортон, ничего серьёзного! Вы же не думаете, что у нас тут вор завёлся? – отозвался собеседник. – Может, кому-то лишнее подали по ошибке!

До вечера больше никаких событий не происходило. Несмотря на то, что мысли были далеки от работы, Летти усердно трудилась. Перебирала и подписывала нужные бумаги, подсчитывала прибыль и убытки, то и дело возвращаясь взглядом к ящику стола, где лежало послание от альда Эрделлина. Тот не пришёл лично, и всё же она могла представить, с каким нетерпением он ожидал её ответа. Похоже, приятель Финнеаса, в самом деле, нуждался в деньгах, раз не погнушался вымогательством. Это Броктонвуду обычно везло на скачках и в азартных играх, а Джером вечно оказывался среди проигравших. Его бы спас выгодный брак, вот только надолго ли хватит даже щедрого приданого, если всю его транжирить?

Когда за окном начали сгущаться вечерние сумерки, и загорелись огоньки фонарей, Летиция, всё ещё не решив, как ей поступить с письмом шантажиста, вернулась домой, приняла долгую расслабляющую ванну и легла спать, предвкушая завтрашний выходной.

А наутро после завтрака к ней явился Стефан Альберран.

С известием о том, что произошло новое убийство.

Глава 13

Вечером, готовясь ко сну, Берланд Броктонвуд стоял перед зеркалом в ванной комнате, сбривая щетину. Прежде это была личная ванная Финнеаса, и тот обставил её со всем удобством и роскошью, не забыв и о технических новшествах, весьма упрощающих жизнь в быту. Что и говорить, аристократишка привык не отказывать себе ни в чём.

Сколько лет Берланд мечтал о том, чтобы жить в таком же доме!

Но Финнеас Броктонвуд родился с серебряной ложкой во рту, чего нельзя сказать о его бедных родственниках.

А вот теперь, когда мечта Берланда осуществилась, всё складывалось не так, как ему представлялось. Во-первых, на него свалилась обязанность хоронить покойного. Во-вторых, поблизости отирался представитель Службы Правопорядка – слишком молодой и лощёный, чтобы выглядеть настоящим специалистом, но кто его знает. В-третьих, Фабиана и Анайрин, ради которых Броктонвуд делал всё, что мог, не казались довольными. Они слишком привыкли к жизни в колониях. Оба скучали по жаркому солнцу и беспрестанно жаловались на хмурое небо и туманы столицы королевства. Впрочем, у этих двоих то и дело находились и другие поводы для жалоб, помимо погоды.

Вот и сейчас за дверью слышались шаги, и появилась вечно недовольная супруга, облачённая в просторный домашний халат, уже не скрывавший её интересного положения.

– Ты скоро? – осведомилась она, заглядывая в ванную.

– А что? – обернулся к ней Берланд.

– Я думаю, нам нужно нанять новую прислугу! – выпалила Фабиана.

– Дорогая, мы пока не владеем этим домом! Потребуется время на то, чтобы разделить наследство между родственниками Финнеаса! – попытался вразумить её муж. – И потом, чем тебя не устраивает Герти? Она не ушла, как другие. И кажется довольно старательной!

– Кажется старательной! – фыркнула жена. – Сразу видно, ты не разбираешься в людях! Не доверяю я этой горничной! Она мне не нравится! И лучше бы нам избавиться от неё!

– А платить новому штату прислуги ты из нашего кармана будешь? – спросил с тягостным вздохом Берланд. Похоже, беременность шла не на пользу характеру его супружницы. Отложив опасную бритву, он подошёл к благоверной и примирительно обнял её за располневшую талию. – Потерпи

немного. Похороним сначала альда Броктонвуда, как полагается, дождёмся приезда прочих наследников, а затем наконец-то заживём по-человечески, как нам всегда хотелось.

Фабиана, присмирив, уткнулась в его плечо, и мужчина подумал, что ему нужно быть с ней поласковее. И с мальчишкой тоже. Им сейчас непросто. Они ведь оба родились в колониях, за много миль от большого шумного города под названием Телл, куда привёз их он, чтобы начать новую жизнь. И они – все вместе, одной семьёй – непременно её начнут, чего бы им это ни стоило.

Его жена всегда мечтала иметь много детишек, однако после рождения Анайрина ей не везло. Беременности оканчивались неудачно. Фабиана страдала, доктора разводили руками и сваливали всё на климат.

Может быть, хотя бы теперь всё наладится, и его сын – или дочь – благополучно появится на свет.

А та тёмная история, что могла бы бросить тень на будущее младенца, останется наконец-то в прошлом...

– И всё-таки с горничной что-то не так, – произнесла супруга, заглядывая ему в лицо.

– Да что не так-то? – Он вспомнил вечно опущенную голову Герти, её бросающиеся в глаза веснушки. – Обычная девушка.

– Почему она не стала искать новую работу, как другие слуги?

– Бедняжка не красавица и не слишком опытна, да и рекомендации некому дать, Финнеас ведь умер.

– А ещё она невкусно готовит!

– Учитывая, что повариха тоже ушла, мы должны быть благодарны и за такую стряпню, – заметил Берланд. – К тому же, ты ещё не привыкла к местной кухне. Со временем...

– Конечно, не привыкла! Все эти жирные пудинги да пироги с почками! – поморщилась Фабиана. – То ли дело у нас... – вздохнула она.

– Во всём нужно видеть положительную сторону. Будь Герти смазливой девицей, ты бы опасалась, что Анайрин увлечётся ею. А сейчас такой опасности нет.

– Разумеется, нет! У моего сына хороший вкус! Как и у тебя, – льстиво улыбнулась ему жена, и он поцеловал её в лоб.

– Не тревожься. Когда вопрос с наследством решится, и мы получим то, что нам причитается, ты сможешь самолично набрать прислугу по своему вкусу. Я тебе обещаю.

– Второе убийство?! – ошеломлённо проговорила Летиция, выронив из

рук незаконченную вышивку. У неё нечасто находилось время на рукоделие, однако это занятие успокаивало и подходило для выходного дня лучше, чем праздное безделье.

– Увы, альда Мортон, – вздохнул Стефан Альберран, вытирая платком пот со лба. Вид у сотрудника Службы Правопорядка сейчас был не такой приглаженный, как в их первую встречу. Волосы взъерошены, да и одежда уже не в безукоризненном порядке. Должно быть, ему стало не до того, чтобы франтить. – И, боюсь, оно может быть связано с первым, потому я и пришёл к вам.

– Но как... как они связаны? – Летти нахмурилась, чувствуя, что ею всё сильнее завладевает плохое предчувствие. – Кого убили?

– Джерома Эрделлина.

Летиции показалось, словно из её груди вышибло весь воздух. Ещё вчера, да и сегодня, едва проснувшись, она напряжённо размышляла о том, как ей быть с шантажистом, который не желал оставлять её в покое. А теперь его больше нет в живых!

Как и Финнеаса.

– Его... тоже отравили?

– Нет, альда Мортон, его смерть была несколько более... кровавой. Его ударили по голове. Орудие убийства тоже нашлось – бронзовая статуэтка, которая стояла на каминной полке в доме убитого.

– И слуги ничего не видели?

– У него всего двое слуг, поскольку финансовое положение альда Эрделлина, как выяснилось, оставляло желать лучшего. Они приходящие, в доме не ночевали, а убийство произошло как раз ночью. Рано утром, придя на работу, слуги обнаружили тело хозяина и незамедлительно обратились к нам.

– Вы считаете, что его смерть может быть связана с тем, что произошло с Финнеасом?

– У меня есть такое подозрение, альда Мортон. Ведь они приятельствовали, знали друг друга много лет, и Джером находился рядом с Броктонвудом, когда того отравили. А теперь мы находим убитым и самого Эрделлина. Очень уж странное совпадение, не находите? Вот и мне так кажется.

– Полагаете, убийца в обоих случаях один?

– Да, – кивнул Альберран.

– Пожалуйста, обещайте, что расскажете мне всё. Может, я сумею о чём-то догадаться. Ведь... вчера я вам неплохо помогла, не правда ли? – добавила Летти.

– Так и есть, альда Мортон, да и ваш список мне очень пригодится – полагаю, близкие знакомые у обоих мужчин общие.

– Если хотите, я могу попытаться что-нибудь выяснить... для вас, – предложила ему Летиция, стараясь не думать о том, что и в данном случае она вполне может оказаться подозреваемой. Потому что у неё снова имелся мотив. Да ещё какой! Если Стефан Альберран узнает про вчерашнее письмо, надёжно запёртое в ящике стола в её кабинете... – Хоть я и в трауре, но могу наносить визиты, а ещё меня пригласили на приём, и там, думаю, будет кто-нибудь из моего списка.

Летти старалась казаться спокойной, насколько это возможно в такой ситуации, однако её ощутимо потряхивало. Мысль о том, что её желание избавиться от вымогателя исполнилось так буквально, не отпускала. Она ведь не желала ему смерти!

Но ведь, если Джером Эрделлин шантажировал её, то вполне мог требовать деньги подобным образом и с кого-нибудь другого? Например, с настоящего убийцы! Может быть, приятель Финнеаса каким-то образом узнал или догадался, кто подлил яд в бутылку золотого шнапса, но не отправился с этими сведениями в Службу Правопорядка, а решил получить деньги за молчание?

Такая версия вполне заслуживала внимания, и Летиция изложила её господину Альберрану, умолчав однако о том, что и она стала жертвой шантажа со стороны убитого.

– Вполне возможно, – согласился с ней собеседник. – Альд Эрделлин не показался мне... человеком выдающихся моральных качеств. Он наверняка не погнушался бы вымоганием денег, особенно если учесть, что нуждался в них и, должно быть, завидовал своим более обеспеченным друзьям. Но есть кое-что ещё, очень странное. В его доме мы обнаружили вот это.

Он протянул Летти открытку с изображением пасторального пейзажа. На обратной стороне оказались слова, написанные не обычным способом, а составленные из букв, вырезанных из какой-то книги. И слова эти содержали в себе угрозу.

*«Мальчик из рода ослов
На всё ради денег готов.
Смерть беспощадна, увы –
Ему не сносить головы».*

Летиция прочитала вслух, после чего с недоумением уставилась на Стефана Альберрана.

– Кто-то отправил эту открытку Джерому Эрделлину, – пояснил он. –

Но кто, мы не знаем. Похоже, он решил, что над ним подшутили, и не придал посланию должного значения.

– Вот как... Вы чувствуете, от неё чем-то пахнет? – принялась к картонному прямоугольнику Летти. – Кажется, лавандой... лавандовой водой.

– В самом деле? – Альберран подошёл ближе, чтобы понюхать открытку, а, поскольку девушка всё ещё держала её в руках, ему пришлось наклониться, слегка задев её запястье волосами, которые оказались неожиданно мягкими. Летиция вздрогнула. – Вот теперь замечаю. Может быть, её отправила женщина?

– Почему женщина?

– Ведь, кажется, среди представительниц вашего пола – и круга – принято отсылать надушенные письма.

– Однако перед нами не простое письмо, господин Альберран! Кто станет поливать духами открытку, в которой угрожает адресату? Это... было бы глупо!

– Возможно, тот, кто её отправил, рассуждал иначе, – заметил он, выпрямляясь. Его лицо оказалось слишком близко. Летти даже смогла разглядеть маленький шрам на брови, который ничуть его не портил. – Но почему в стихотворении мальчик, а не мужчина? Странно как-то. И почему из рода ослов? Я пока не могу понять, – отступая на прежнее расстояние, добавил собеседник.

– На второй вопрос я могу вам ответить – Финнеас как-то рассказывал, что предки его приятеля по матери жили на ферме и разводили ослов. Сам Эрделлин этим, конечно же, не гордился, а предпочитал скрывать, хотя, получается, когда-то всё же проболтался. Ведь каждый альд желает иметь безупречную родословную, – сказала Летиция.

– Что ж, в аристократах вы разбираетесь лучше меня. Альда Мортон, а у вас не найдётся чаю? Или опять скажете, что ещё не время?

– Найдётся, – отозвалась Летти. – Разумеется. Для вас у меня всегда есть чай.

Глава 14

Летиция под предлогом того, что ей нужно непременно лично распорядиться насчёт чая, выскользнула из малой гостиной, в которой её остался дожидаться сотрудник Службы Правопорядка. Зашла на кухню – тут хозяйничала дородная повариха Томассина – и дождалась, когда вода в большом чайнике закипит, ворчливо булькая. После чего потянулась к шкафчику, где стояли жестяные баночки с чаем.

– Я сама заварю.

– Снова ворожить будете? – полюбопытствовала Томассина.

– Ты ведь и так знаешь, – вздохнула Летти. «Простите, господин Альберран, но я должна знать о ваших мыслях и планах больше, чем вы захотите мне рассказать, – добавила она про себя. – Вам это никак не повредит».

Кухарка уже не боялась того, что делала Летиция, а наблюдала с интересом. Особые секретные ингредиенты владелица особняка держала отдельно, под замком, и сейчас извлекла кое-что из плотно завязанного хлопкового мешочка. Тщательно отмерила дозу и насыпала в подогретый заварочный чайничек – вместе с чёрным чаем, в который добавила немного засушенной апельсиновой цедры и бергамотового масла.

– А вы разве не будете? – спустя несколько минут поинтересовался Стефан Альберран, увидев на подносе всего одну чашку. Если он и удивился тому, что хозяйка принесла поднос самостоятельно, то ничего не сказал. Всё его внимание занимала открытка, которую он вертел в руках, снова и снова перечитывая.

– Я недавно пила, – отозвалась Летти. Наполнила чашечку ароматным напитком и придвинула ближе к гостю вазочку с отколотыми от сахарной головы кусочками сахара, затейливыми марципановыми фигурками и кофейными зёрнами в шоколаде. – Угощайтесь!

– Вы меня балуете, альда Мортон, – пробормотал себе под нос молодой человек, покосившись на сладости.

Она отвела взгляд, чтобы не смутить собеседника ещё больше, и подняла с пола забытую вышивку. Мысли путались, как разноцветные нитки. Летиция думала о неизвестном убийце, пытаясь разгадать его мотивы. Этот человек, кем бы он ни являлся, избавил её сначала от жениха, осложняющего ей жизнь, а затем и от шантажиста. Но ведь не ради неё же он убивал!

Эта мысль заставила передёрнуться. Будто разом стало холодно. Летти даже пожалела о том, что не приготовила для себя чай отдельно – сейчас не отказалась бы чем-нибудь согреться.

– Я вот чего не могу понять, – произнёс, сделав большой глоток, представитель Службы Правопорядка. – Допустим, как я и думаю, убийца один. Если перед тем, как расправиться с жертвой, он отсылает им открытки, то почему в доме Финнеаса Броктонвуда мы ничего подобного не обнаружили?

– А вы его обыскивали?

– Не сказать, чтобы досконально, однако никакой открытки с угрозами я там не видел. У Эрделлина, к примеру, она лежала на видном месте. Может быть, он всё-таки размышлял над тем, не написать ли жалобу?

– А почтового штемпеля на открытке нет? Нам ведь нужно найти отправителя. Вернее, вам нужно, – смущённо поправила Летиция.

– Увы, нет. Может, её принёс какой-нибудь мальчишка-посыльный, да и бросил в щель для писем. Слуги только руками развели, когда я спросил их, не видели ли они, откуда взялась открытка.

– А Финнеас... Если он получил такое же послание, то, возможно, попросту избавился от открытки? – выдвинула предположение Летти. – Или... всё же не получал.

– Будь у него в особняке такая же открытка, я бы мог с полной уверенностью утверждать, что убийца один, – произнёс Альберран. – Но мне нравится ваша версия о том, что Джером Эрделлин мог шантажировать преступника, и тот расправился с ним. Вообще – простите, что говорю с вами о подобных вещах – убийства такого рода зачастую бывают непредумышленными. Просто повздорили люди, один схватил попавшийся под руку тяжёлый предмет или нож и... Но тут явно другой случай. Угрозы в открытке могут означать только то, что расправиться с альдом Эрделлином решили заранее. Продуманно и хладнокровно.

Летиция поёжилась.

– Он кому-то мешал, – продолжал собеседник. – Вымогал деньги в обмен на то, что будет молчать? Или дело в чём-то другом? А если они оба – и Броктонвуд, и Эрделлин – вместе кому-нибудь насолили? Что скажете, альда Мортон, могло быть такое?

– Думаю, да, – ответила ему Летти. Она снова подумала про Финнеаса, её покойного жениха, которого она давно таковым не считала, всеми силами стараясь отменить нежеланную свадьбу. Он умел казаться безупречным и правильным, блестящим аристократом, которому благоволила сама королева, однако на самом деле был совсем другим

человеком – холодным и жестоким.

Уж ей ли не знать?..

Летиция, не в силах усидеть на месте, подошла к окну. Там светило солнце, редкое для здешнего климата и потому особенно приятное. Но она всё равно чувствовала сковывающий её озноб.

– А родственники Броктонвуда? – спросила Летти. – Вы ведь встречались с ними? Они так и не смогли объяснить, почему у них нет билетов?

– Встречался и ещё встречусь, – отозвался Альберран.

– Если допустить, что они приехали до убийства Финнеаса, но скрыли данный факт от всех...

– Тогда их вполне можно записать в подозреваемые.

«Как и меня», – мысленно добавила Летти, не отрывая взгляда от колышущихся под порывами западного ветра изумрудно-зелёных листьев на деревце за окном. Но сейчас казалось, будто Стефан Альберран больше не считает её возможной убийцей. И дело не только в том, что добавленный в чай безвкусный порошок повышал в нём откровенность и располагал к доверию.

Он верил ей. Просто верил. Необъяснимо и искренне.

И при мысли об этом становилось теплее.

Но о том, что Джером Эрделлин её шантажировал, ему всё же лучше не знать.

Задумавшись, Летиция вздрогнула, когда в комнату вошла горничная и сообщила, что к ней пришли.

– Кто? – обернулась Летти.

– Ваш кузен – альд Саймирен Мортон.

Пока она размышляла, не распорядиться ли, чтобы ему предложили где-нибудь обождать, тот, как обычно, отбросив правила приличия, собственной персоной появился в дверях и, оттеснив с дороги горничную, шагнул к Летиции. Вид у него был какой-то помятый, даже шейный платок повязан криво. Бросив неприязненный взгляд на Стефана Альберрана, кузен взял девушку за обе руки, неловко пожимая их.

– Правда, что Джерома Эрделлина тоже убили?

– Вижу, новости в нашем городе распространяются быстро, – поморщился сотрудник Службы Правопорядка, которому Саймирен, похоже, тоже не пришёлся по душе.

– Кто он? – требовательно осведомился родственник.

– Господин Альберран ведёт дело об убийстве. Вернее, теперь два дела, – вздохнула Летти. – Но мы ещё не договорили, так что не мог бы

ты...

– Я должен тебя защитить! – не слушая её возражений, произнёс кузен. – В конце концов, теперь – после случившегося с Финнеасом – ты осталась совсем одна. И я не теряю надежды на то, что ты согласишься на моё предложение.

– Какое предложение? – снова вмешался Стефан Альберран.

– Я сказал Летиции, что хочу на ней жениться. А вы к чему интересуетесь? Это наше семейное дело! – рассерженным котом фыркнул на него Саймирен.

– Я всегда всем интересуюсь. Такова уж моя работа. Однако странно... альда Мортон не говорила мне, будто вновь собирается обручиться, – глядя на неё, проговорил молодой человек.

– И вовсе я не собираюсь! – воскликнула Летти, чувствуя себя героиней какой-то дурной театральной постановки. Хорошо ещё, что горничная вышла и прикрыла за собой дверь. А иначе повода для сплетен среди прислуги хватило бы надолго. – Просто... семья моего кузена что-то там себе надумала. Но решать мою судьбу без моего на то согласия я больше никогда и никому не позволю, – сказала твёрдо, отнимая руки и отходя в сторону – к креслу, на котором лежала вышивка. Дядя и тётя могут воображать что угодно, вот только ей они не родители. Да и сама она уже не та наивная девочка, что не стала прекословить, когда отец решил подыскать ей жениха среди аристократов.

– Можно подумать, тебе предлагают что-то непристойное! – Саймирен напустил на себя обиженный вид. – Хочешь быть второй тётушкой Пруденс?

Летиции подумалось, что лучше уж действительно остаться старой девой, чем выйти замуж за кого-то вроде её кузена, но промолчала.

– Даже чаем не угостишь? – бросил он взгляд на чайник и чашку, из которой пил Альберран.

Оставлять мужчин наедине не хотелось. Пришлось вызывать горничную звонком и отдавать распоряжение принести чай для Саймирена. А заодно и для себя – от досады, вызванной появлением воспрепятствовавшего её разговору со Стефаном Альберраном кузена, у неё пересохло во рту.

– Зачем ты пришёл? – спросила она.

– А что, мне требуется уведомлять о своём желании навестить тебя заранее? Мы ведь родственники. Если ты находишь приличным беседовать наедине с этим человеком, то со мной и вовсе...

– Господин Альберран мне не докучает, – заметила Летиция. – Он

пришёл по делу. Есть вероятность, что альда Эрделлина и Финнеаса Броктонвуда убил один и тот же человек.

– Но ты-то здесь чем можешь помочь? – вздёрнул рыжеватые брови Саймирен.

– Неважно, – не желая ничего ему рассказывать, отмахнулась Летти. – Как бы то ни было, ты помешал нашей беседе. Или... может быть, ты что-то знаешь? Кто тебе рассказал об убийстве Джерома Эрделлина? В газеты эта новость наверняка ещё не попала.

– Зачем газеты, если есть слуги? Лакей Джерома приходится старшим братом камеристке моей матушки. Он предупредил её, чтобы поостереглась, ведь по столице бродит душегубец.

– Не думаю, что ей есть, чего бояться, – подумала вслух Летиция. – Кем бы ни являлся убийца, он охотится не на горничных, а на их хозяев. Впрочем, разумная осторожность не повредит никому.

– И я тебе о чём говорю! – встрепенулся кузен. – Ты совсем одна в этом огромном доме, если не считать слуг, которые едва ли смогут за тебя заступиться, если что! А потому ты должна переехать к нам!

Летти растерянно захлопала глазами.

– Не насовсем! Только на то время, пока преступник не найден! Но, если тебе понравится, ты знаешь, что нужно сделать, чтобы остаться в нашем доме навсегда... – проникновенно добавил Саймирен.

– Снова ты за своё!

– Если альда Мортон не желает выходить за вас замуж, не следует настаивать! – проговорил Стефан Альберран. – Кроме того, я могу о ней позаботиться. Например, договориться о том, чтобы вокруг особняка выставили охрану.

– Хорошая идея! – улыбнулась ему Летиция. Сама она не думала о том, что человек, хладнокровно убивший её жениха и его приятеля, может быть опасен и для неё. Но на душе было спокойно.

Глава 15

– Я займусь этим вопросом, – пообещал Стефан Альберран Летиции и вежливо поклонился. – Думаю, мне пора. Благодарю за чай.

Оставлять альду Мортон наедине с её нахальным рыжим кузенком Стефану не хотелось, но разговаривать о своём расследовании в его присутствии – ещё больше. Кроме того, уйти следовало из-за опасения не совладать с собой, наговорить лишнего. От едкого, горчащего на языке чувства – он наверняка не ошибся бы, назвав его ревностью.

Альберран и раньше понимал, что ему, как говорится, ничего не светит. Летиция Мортон – молодая, красивая, богатая девушка. Ничего удивительного в том, что она окружена поклонниками, и все они её круга. Но этот тип – Саймирен – совершенно не казался достойным руки своей кузины. Он не сможет сделать её счастливой!

Однако, судя по всему, его назойливое предложение выйти за него замуж претило Летиции, и она вовсе не выглядела готовой согласиться. Данное обстоятельство не столько обнадеживало, сколько успокаивало безответно влюблённого сыщика. Может быть, он и не подходит такой девушке, но Саймирен Мортон, несмотря на его высокое происхождение, тоже не тот, кто ей нужен!

Стефан Альберран направил стопы в дом Финнеаса Броктонвуда, где сейчас жили его родственники в ожидании, когда приедут остальные наследники, и завещание будет оглашено. Дверь сотруднику Службы Правопорядка снова открыла Герти. Её веснушчатое лицо озарилось улыбкой.

«Хоть кто-то рад меня видеть», – подумал Стефан, приветствуя горничную.

– Хозяева дома? – осведомился он.

– Они мне ещё не хозяева, – сморщила нос Герти. – Дома, куда им деваться. Сидят, как сверчки за печкой.

– Странно, – проговорил Альберран. – Ведь они совсем недавно приехали. Неужели не хотят посмотреть столицу, погулять, посетить знаменитую выставку?

– Вот уж не знаю, – пожала плечами горничная, сопровождая его в комнату, где он сидел в прошлый раз. – Говорю, что вижу. Сидят и носу из дому не высовывают!

– Герти, послушай, ты не нашла мой карандаш? – вспомнил он о своей

потере.

– Я... – замялась девушка. – Нет, господин, не нашла. Простите.

– Не извиняйся, я уже завёл новый. Просто успел привыкнуть к тому, и качество у него было отменное. Непонятно, куда же он подевался.

Выскользнув за дверь, горничная доложила о его приходе, и вскоре перед Стефаном появился недовольный его визитом Берланд Броктонвуд.

– Снова вы? Но... зачем? Я ведь уже всё сказал вам в прошлый раз, – проворчал мужчина, по-домашнему облачённый в широкие брюки с вышитыми подтяжками и светлую рубашку с расстёгнутым жилетом.

– Видите ли, убит ещё один человек. Его имя Джером Эрделлин. Он оказался нечаянным свидетелем смерти вашего кузена.

– Знать не знаю такого.

– Он не приходил в дом, когда вы тут поселились?

– С чего бы ему приходиться? Или... он тоже наследник? – нахмурился Берланд. – Финнеас ему что-то обещал?

– Не могу знать, – развёл руками Альберран. – Ещё один вопрос. Вы не нашли ваши билеты?

– Не нашёл! Наверняка Фабиана их случайно выбросила или отдала на растопку камина вместе с другими ненужными бумагами. Она очень рассеянна.

– Горничная Герти сказала, что вы практически не выходите из дома.

– Сплетница! – процедил сквозь зубы собеседник. – Ну и что тут такого? Мы разве нарушаем какой-нибудь закон?

– Вовсе нет, что вы. Просто это кажется мне немного странным. За то время, что вы прожили в колониях, город сильно изменился, да и вашей жене и сыну наверняка интересно увидеть его собственными глазами.

– Им не нравится здешний климат.

– Может быть, вы стеснены в средствах? А прогулки по столице предполагают определённые траты. Магазины, кофейни, да и на выставку бесплатно не попасть.

– Как проводит время моя семья – не ваше дело, господин Альберран. Если ко мне больше нет вопросов, я, пожалуй, попрошу вас уйти. Ваше присутствие беспокоит мою жену, а ей сейчас нельзя волноваться.

– Хорошо. Я уйду, но не могу обещать, что не вернусь. Не забывайте – убийца Финнеаса Броктонвуда ещё не найден.

– В таком случае вы можете прийти на его похороны.

Покидая дом, принадлежавший жениху Летиции, Стефан напряжённо размышлял. Почему Берланд и его семья настолько не рады его визитам? Что за этим стоит – обычное предубеждение против Службы Правопорядка

или что-то иное? И почему они ни в какую не хотят выходить из дома? Уж несколько-то монет на то, чтобы прогуляться, найти можно, даже семьи невысокого класса себе такое позволяют. Не по душе климат? Возможно, но ведь они, кажется, решили перебраться в Телл насовсем.

Сплошные вопросы. Эта семейка всё больше казалась Альберрану подозрительной. Он привык доверять собственной интуиции, а за бегущим взглядом Берланда Броктонвуда явно читалось желание что-то скрыть от собеседника.

Возможно, его тайна и не связана с убийствами, но пока с уверенностью утверждать нельзя – он вполне может быть причастен.

Мысли Стефана вернулись к Летиции. Услышав новость о случившемся с Эрделлином, она сильно встревожилась, но ведь это вполне естественно. Однако на известие о смерти жениха альда Мортон отреагировала куда спокойнее. Из её слов Альберран знал, что их отношения оставляли желать лучшего, но ведь с Джеромом она, кажется, была не слишком близко знакома. И всё же слова о том, что его убили, произвели на неё значительное впечатление.

А ещё открытка...

Если убийца заранее угрожал своим будущим жертвам, отправляя им этим послания, то почему в доме Финнеаса не нашли такой же открытки с вырезанными из книги буквами?..

Следовало бы спросить у Герти, не попадалась ли ей на глаза открытка для покойного хозяина, но Стефан запомнил. Вспомнил лишь, уже выйдя из особняка. Если он сейчас же вернётся, Берланд его чего доброго с лестницы спустит. А горничную тот наверняка отчитал за излишнюю откровенность перед сотрудником Службы Правопорядка. Не следовало ему так её подставлять.

Но есть ведь и прочие слуги, не только Герти! Они поселились в других местах, но оставили свои адреса на случай, если их снова понадобится допросить. Решено – этим он и займётся в ближайшее время!

Однако сначала необходимо заглянуть к соседям Эрделлина, спросить, не видели ли и не слышали ли они кого ночью. Удар по голове – не то же самое, что яд в бутылке. Убийца должен был лично присутствовать в доме Джерома.

А затем предстояло самое сложное – беседы с людьми из списка, который составила Летиция Мортон. Альберран заранее представлял, как отреагируют на его появление у них на пороге благородные альды. Все они жили в другом мире, отличном от того, в котором протекали дни Стефана и большинства его коллег. Ему доводилось заглядывать за изнанку общества

– в работные дома и лачуги нищих, в кварталы, где любого приличного одетого человека так и норовили обчистить до нитки. Но в сверкающей глянец благополучной жизни аристократов также могли иметься тёмные тайны, скрытые от посторонних глаз, и его дело – сдёрнуть с них покровы, чтобы докопаться до правды.

Взять хотя бы альда Эрделлина. За его плечами дорогая частная школа и университет, куда его устроили покойные родители, но тот промотал деньги на азартные игры и наверняка отчаянно завидовал своим более успешным приятелям, тому же Финнеасу. Может, он его и убил? Но кто тогда расправился с самим Джеромом? Неужели сыскался желающий отомстить за Броктонвуда?

«Кажется, мои мысли забрели куда-то не в ту сторону», – сказал себе Альберран. Но следовало записывать все версии, и он, присев на лавочку у бакалейного магазина, достал блокнот. Старого карандаша не хватало – Стефан был человеком привычки.

Судя по тому, что он успел выяснить про обоих мужчин, образцами добродетели они не являлись. Беспринципные, заносчивые, привыкшие, что всё вокруг к их услугам. Наверняка нажили себе немало врагов, но как угадать, что подтолкнуло кого-то из них пойти на крайние меры?

А если всё же Летиция? Альберран доверял ей, рассказывал о ходе следствия. Ему казалось, что в её прекрасных синих глазах отражается её чистота, порядочность, великодушие. Неужели ошибся? Могла ли она оказаться убийцей и хладнокровно расправиться сразу с двумя мужчинами, а затем сыграть роль невинной девушки перед Стефаном Альберраном, потерявшим голову от её красоты?

Если альд Кирхилд прознает про сердечные чувства его подчинённого, расплата не замедлит себя ждать. Стефана тут же отстранят от расследования. Могут и в должности понизить, а ещё – расскажут всем про его оплошность, чтобы она стала уроком для остальных.

А где гарантия, что другой сотрудник Службы Правопорядка не уцепится за Летицию Мортон как за самую подходящую кандидатуру на роль преступницы? Она находилась в доме жениха – в той самой гостиной – накануне того, как он умер, отравившись настойкой чилибухи. Ей ничего не стоило подлить яд, ведь слуги оставляли её одну в комнате, и никто не мог подтвердить, что она не прикасалась к бутылке золотого шнапса.

При мысли о том, что девушка, разбудившая в нём доселе не испытанные эмоции, может намеренно обманывать его, Стефану стало не по себе.

Что ж, если это окажется правдой, он будет сполна наказан за свою

глупость.

Но пока его выбор – продолжать работу над делом и доказать невиновность Летиции.

Соседи Джерома Эрделлина оказались такими же напыщенными, как он сам, и чуть ли не хором утверждали, что ничего не видели, ничего не слышали и ничего не знают. Слуги держались куда проще. На их лицах читалось острое любопытство, ведь не каждый же день в доме по соседству происходит убийство.

– Я слыхала какого-то мужчину в его саду! – сообщила ему повариха семьи, проживавшей совсем рядом, – от владений Эрделлина её особняк отделял лишь высокий забор с причудливыми завитушками. – Вышла вечером подышать – за день так утомишься на кухне, эдакая жарница! А по ночам не спится, бессонницей маюсь!

– Мужчину? – заинтересованно отозвался Альберран, записывая показания женщины, то и дело утиравшей лицо фартуком. – Очень любопытно... И что же он говорил?

– Он не говорил, господин! – она энергично покачала головой. – Ни слова не говорил! Он свистел.

– Свистел? – удивился Стефан.

– Насвистывал какую-то мелодию. Я ещё удивилась – кто бы это мог быть? Едва ли сам хозяин дома!

Альберран задумался.

– А вы уверены, что мужчина? Женщины ведь тоже могут свистеть, – заметил он. – Хотя обычно они не свистят, а напевают.

– Я заглянула в дыру в заборе и увидел мужской силуэт! – прижав ладони к полной груди, воскликнула собеседница. – Он и есть убийца, да? Страсть-то какая!

– Вы помните, как он выглядел? Высокий, низкий, худой, полный? Во что одет?

– Обыкновенный вроде. Я ж только мельком глянула, что там за свистун выискался. Тут же отпрянула, чтоб не обвинили в том, что за соседями шпионю. Да и темно было. Фонари только на улице горели, во дворе у альда Эрделлина их нет.

– Спасибо, вы мне очень помогли, – искренне сказал Стефан, пожав её пухлую руку, и распрощался.

Глава 16

Когда Стефан Альберран ушёл, Летиция вдруг ощутила тень сожаления. Как странно – ведь совсем недавно ничуть не радовалась его визитам и хотела, чтобы они случались как можно реже. А теперь казалось, что она с большим удовольствием осталась бы с представителем Службы Правопорядка, чем с кузеном.

Зато Саймирен воодушевился после ухода господина Альберрана. Похозяйски расположился в кресле, смерил заинтересованным взглядом стройную фигуру подававшей чай горничной, затем спохватился, что не следует столь явно глазеть на другую девушку в присутствии той, на ком собирался жениться. Повернулся к Летти и одарил её широкой улыбкой.

– Ты что, в самом деле помогаешь ищейке в его работе? С чего бы? Что ты можешь понимать в таких вещах?

– Видишь ли, я заинтересована в том, чтобы убийцу Финнеаса отыскали как можно скорее.

– Ты ведь, кажется, не пылала к нему сердечными чувствами. Да, Финн был не самым хорошим парнем из тех, что родились в королевстве. Помнится, в школьные годы он...

– Я не желаю ничего про него слушать! – Летиция резко поднялась с места, выпустив из пальцев тоненькую ручку хрупкой чайной чашечки. – Не надо...

– Прости... – Кузен тоже встал и, подойдя, примирительно обнял её за плечи. Хотелось бы верить, что по-братски, но Летти отстранилась. – Я не думал тебя огорчать. Слушай, а поехали на конную прогулку? Я как раз прибыл верхом. А тебе нужно немного развеяться.

С полминуты подумав, Летиция согласилась. В конце концов, сегодня выходной, а она давно не бывала на свежем воздухе. От сидения в комнате мысли не проветрятся.

Оставив Саймирена допивать чай, Летти поднялась в свою комнату и сменила домашнее траурное платье на амазонку, тоже чёрную. Уложила волосы и дополнила наряд шляпой-цилиндром с вуалью. Отражение в зеркале являло, что костюм для верховой езды ей к лицу.

А взгляд кузена, когда Летиция спускалась навстречу ему по лестнице, говорил об этом ещё более красноречиво.

– Рад, что ты не отказалась, – произнёс он. – Я думаю, нам нужно больше времени проводить вместе. Может быть, тогда ты тоже придёшь к

выводу, что лучшего мужа, чем я, тебе не сыскать...

– Не слишком ли ты самонадеян? – усмехнулась в ответ Летти.

– А что, тебе уже понравился кто-нибудь другой? – насторожился Саймирен.

Она промолчала, но перед мысленным взором промелькнуло лицо. Необычное для здешних мест, смуглое, но чувственное, красивое и мужественное. Лицо Рохана Чаудхари.

Сердце пропустило удар, а к лицу прилила кровь. Летиция стиснула в ладонях перчатки, которые ещё не успела надеть, и поспешила к выходу. Думать о том, почему ей при словах кузена вспомнился князь из Хинду, было волнующе и жутко – точно в детстве, когда заглядываешь в тёмный чулан.

Это безрассудство – испытывать какие-то чувства к мужчине, прибывшему издалека. Князь Чаудхари производил впечатление образованного человека, умеющего вести себя в обществе, но Летти не могла не осознавать, что он принадлежит не её миру, а далёкой диковинной земле, что стала однажды одной из множества колоний королевства. У них нет и не может быть ничего общего, кроме делового сотрудничества.

Но отчего же тогда её сердце трепетало при мысли об их следующей встрече?..

Летиция покосилась на Саймирена, шагавшего вместе с ней к конюшне. Его лицо, рыжие волосы, дерзкая ухмылка – всё такое знакомое и привычное. Да, он повеса и разгильдяй, не умеет копить и не хочет работать, но он свой – в отличие от князя, чьи тёмные глаза словно завораживали её каждый раз, когда он на неё смотрел.

Разумеется, эти мысли не означали, что Летти решила дать кузену шанс на брак с ней. Ей не нужен никакой муж. Она вполне справляется и сама. И с домом, и с чайной, и с лавками, разбросанными по всему королевству. Отец мог бы ею гордиться.

На душе, как всякий раз, когда она вспоминала об отце, стало светло и печально – так бывает, когда смотришь на закат.

Конюх приготовил для них лошадей. Летиция, погладив ласково свою любимицу – белую Звёздочку, легко вскочила в седло. Саймирен сел на своего коня, и они выехали за ворота особняка, направляясь к просторному парку Грантэма, где обычно совершали верховые прогулки все здешние аристократы. Парк отличался не только внушительной площадью, но и близостью к настоящему лесу. Этим Летти и нравилась жизнь в пригороде – тут всё ещё не было отравлено копотью, дымом фабрик и прочими веяниями цивилизации.

– Как же мне любопытно, что у тебя на душе, – проговорил вдруг Саймирен. – Ты – вся будто сплошная загадка. Разве мы не родные тебе?

– Самыми родными людьми для меня навсегда останутся отец и матушка, – отозвалась она. – Прости, но ты... и твоя семья... Разве вам не деньги мои нужны?

– Нельзя же быть такой прямолинейной! – сердито засопел кузен. – Мы ведь заботимся о тебе! А ты...

– О чём ты заботаешься, так это о собственном кошельке, – сказала Летиция. – Ты ведь не влюблён в меня, правда? Так к чему тогда разыгрывать спектакль?

– Браки далеко не всегда заключаются по любви.

– Но у моих родителей было именно так – я видела и знала, что они любили друг друга.

– Однако для тебя такого же счастья они не захотели.

– Они не могли знать, что Финнеас окажется... – запнулась она, не договорив фразу.

– Увы. Он тебя не оценил. А я мог бы...

Не желая слушать подобные речи, Летти поскакала вперёд, обгоняя Саймирена Мортонна. В лицо бил ветер, едва не срывая с головы шляпу. Девушка сделала глубокий вдох, наслаждаясь движением, лёгкостью и свободой.

Свободой, которую у неё никто не отнимет.

А стоило ей остановиться, чтобы перевести дух, как навстречу попался другой всадник, которого она никак не ожидала здесь увидеть, хотя и сама совсем недавно о нём думала.

– Князь Чаудхари?..

– Альда Мортон? – он тоже узнал её и чуть приподнял шляпу, здороваясь. Летиция впервые видела князя одетым не в национальный костюм его страны, а по мужской моде королевства, и та ему на удивление шла. Если бы не его необычная внешность, он вполне мог бы сойти за местного, учитывая, что и светские манеры ему удавались даже лучше, чем тому же Саймирену.

Вспомнив про кузена, Летти обернулась, но не обнаружила его. Далеко же она успела ускакать, рассердившись из-за всех этих разговоров про её помолвку с Финнеасом и докучливых предложений стать невесткой в семье дядюшки. Зато, может, этот урок Саймирен усвоит и больше не станет заводить подобных речей.

– Вы выглядите удивлённой, – заметил Рохан Чаудхари.

– Я не ожидала вас здесь увидеть. Грантэм – такое тихое место. Мне

казалось, вам больше по вкусу центр города, – произнесла Летиция, осознавая, что сыпет банальностями, которые оказались бессильны сгладить неловкость встречи и вызванное ею замешательство.

– Хотите сказать, вы мне не рады, альда Мортон?

Летти растерянно заморгала. Зачем он это сказал? Задавать такой вопрос попросту неприлично!

А ответить на него?..

– Вы предпочли бы со мной не встречаться? – проговорил он настойчиво.

– Я полагала, что теперь мы увидимся только на приёме, – призналась Летиция. – Но я... Я думала о вас, – добавила и запоздало прикусила язык, осознав, что сболтнула лишнее.

– Вот как? Рад слышать, альда Мортон. Каждому было бы приятно знать, что он присутствует в мыслях красивой девушки, – промолвил он чуточку насмешливо, и к щекам Летти прилила кровь, наверняка сделав её лицо красным, как спелый томат.

– Пожалуйста, князь Чаудхари, не нужно так говорить! Вы меня смущаете! – попросила она, отводя глаза от собеседника. Кокетничать и флиртовать, а также с лёгкостью принимать комплименты из мужских уст Летиция никогда не умела, попросту не придавая значения этим изошрённым женским искусствам, а вот сейчас пожалела о собственной неискущённости в такого рода беседах с противоположным полом. Подходящие ситуации слова не шли на ум, а предательская краска выдавала её с головой. До чего же легче вести деловые переговоры!

Она знала, что хороша собой, но одно дело – признавать сей факт наедине с собой, глядя в зеркало, и совсем другое – слышать от мужчины, который ей небезразличен...

Летти сделал глубокий вдох, пытаясь скрыть охватившее её смятение.

– А, может, мне того и хотелось, – проговорил князь.

– Чего же?

– Смутить вас.

Летиция ничего не успела ответить, когда её наконец-то догнал Саймирен.

– Познакомься – князь Рохан Чаудхари. Он поставляет мне чай из Хинду. Саймирен Мортон, мой кузен, – отдала долг вежливости Летиция.

Мужчины без особого энтузиазма поприветствовали друг друга, а затем князь, напомнив о том, что ждёт её на приёме, оставил их.

– Где-то я его видел, – глядя ему вслед, задумчиво проговорил кузен. – Он мне кажется знакомым. Но откуда?..

– Князь Чаудхари – частый гость в королевстве, и его, должно быть, приглашают к себе многие альды. Наверное, вы виделись у кого-то в гостях или на балу, – рассеянно отозвалась Летти. Её сердце после этой нечаянной встречи всё ещё стучало так громко, что биение пульса отдавалось в ушах.

– Возможно. Почему ты меня так бросила? – возмущённо произнёс Саймирен. – Ты ведёшь себя некрасиво.

– А ты? То навязчиво предлагаешь мне себя в мужья. То напоминаешь о том, что я больше всего хочу забыть.

– Но должна же ты когда-нибудь выйти замуж!

– Кто сказал? И почему именно за тебя? К тому же, не забывай, что я могу сама себя обеспечить, и для этого мне муж не требуется.

– Мужья нужны не только для того, чтобы давать деньги на хозяйство, – пробормотал кузен. Уши его покраснели. – Как же продолжение рода?

– Появление на свет детей – большой риск для жизни и здоровья женщины, – высказала вполне резонное замечание Летти. Ей приходилось слышать, что даже королева опасалась умереть при родах, хотя к её услугам лучшие врачи королевства. – Да и вообще – мне пока рановато думать о материнстве.

– Когда войдёшь в возраст тётушки Пруденс, будет уже поздно! – тут же возразил ей, выдвинув свой излюбленный аргумент, Саймирен.

– Ну и ты и загнул! До неё мне ещё далеко! – отмахнулась она. Их общая родственница приближалась к пятидесятилетнему юбилею в то время, как сама Летиция и половины этих лет не прожила. – Пожалуйста, передай родителям, что им не стоит волноваться за меня... Если, конечно, они действительно волнуются, – добавила с ноткой горечи, вспомнив, как тягостно и одиноко ей было после смерти родителей, чьи жизни оборвал несчастный случай – рухнул с высоты наполненный горячим воздухом огромный шар с прикрепленной к нему большой корзиной, в которой матушка и отец решили покататься, отдав дань модному тогда развлечению.

– А всё-таки я не теряю надежды на то, что ты выйдешь за меня замуж, – заявил кузен. – И что за приём, на который тебя пригласили? Разве ты не в трауре?

– Но я не вдова, – взглянув ему в глаза, твёрдо проговорила Летти. – И, даже будь я вдовой, всё равно помнила бы, что моя жизнь продолжается. А на твоём месте приглядела бы себе какую-нибудь хорошенькую девушку на выданье, раз уж тебе так неймётся жениться. За многими из них дают неплохое приданое. Чем не вариант?

Глава 17

Бывшие слуги Финнеаса Броктонвуда, успевшие после его смерти подыскать другие места, встречали Стефана не слишком довольны, но со смирением. Понимали, что, пока преступник не найден, есть вероятность, что их будут расспрашивать снова и снова, а затем, может, и на суд вызовут. Никто из них не походил на убийцу или исполнителя заказа за деньги, во всяком случае, ни один из этих людей внезапно не разбогател, все продолжали работать, как и прежде, только теперь в новых домах. Одна лишь Герти задержалась в особняке альда Броктонвуда. Должно быть, в самом деле, надеялась, что его кузен с семейством останутся там насовсем, а она будет и дальше трудиться на их благо.

На вопрос представителя Службы Правопорядка о том, не попадалась ли им открытка с вырезанными буквами, все опрошенные им лишь разводили руками. Не видели, не знают. То же последовало и тогда, когда он спросил, не заглядывал ли к их бывшему хозяину какой-нибудь мужчина, которому нравилось свистеть.

После бесплодных поисков уставший Альберран вернулся в контору. Тело убитого нынешней ночью Джерома уже отправили на вскрытие, но результатов ещё не было. Впрочем, тот факт, что именно бронзовая статуэтка послужила орудием убийства, и так не вызывал сомнений, однако Стефана интересовало кое-что иное – наличие или отсутствие у Эрделлина такой же татуировки, как у его приятеля.

Если таковая обнаружится, можно сделать вывод, что они действительно состояли в каком-нибудь тайном обществе.

Объединить два дела очень хотелось. Вот если бы ещё одна открытка нашлась... Тогда будет совершенно очевидным, что обоих мужчин отправил на тот свет один и тот же человек.

Альд Кирхилд выглядел сердитым и хмурым, как сыч, и Стефан Альберран, стараясь лишней раз не попадаться начальнику на глаза, решил ещё раз изучить все отчёты и другие бумаги по делу Броктонвуда. Ему всё казалось, что он что-то упустил, проглядел, и нужно лишь быть повнимательнее, чтобы ухватиться за нужную ниточку. Но в голову ничего не лезло, а духота в помещении не способствовала плодотворной работе.

А ещё то и дело вспоминалась Летиция. Взгляд, которым она проводила его, когда он уходил. Почудилось даже, будто ей не хотелось его отпускать, но Стефан решил, что он всего лишь принял желаемое за

действительное. И всё-таки до чего же не вовремя заявился её кузен! Наглый аристократишка, ничего не добившийся собственными силами, однако вовсю задирающий нос перед ним, человеком, который, между прочим, работает не только в будни, но и в выходные.

При мысли о том, что альда Мортон может стать женой своего кузена, у Альберрана вскипала кровь. Так и тянуло совершить какое-нибудь безумие, например, отправиться к ней снова и рассказать о своих чувствах. Но он одёргивал себя, сдерживая отчаянный порыв и напоминая собственному сердцу о том, что такие девушки созданы высшими силами не для него. Ему наверняка предназначена невеста попроще, его круга. А в сказки о принцессах, которые выходят замуж за свинопасов или трубадуров, Стефан давно не верил.

Трубадуры, кстати говоря, хотя бы развлечь способны, а что ей может предложить он? Компанию супруга, проводящего большую часть своего времени за ловлей преступников? Скромное жалование? Квартирку по соседству со свечной лавкой? Бессмысленно даже представлять, что они могут быть вместе, и всё же окончательно смириться с этим у Альберрана не получалось.

Он полюбил впервые в жизни – упал в любовь, как обычно пишут в книгах. Полюбил, прекрасно осознавая, что такой, как он, не пара Летиции Мортон. Чувства оказались сильнее всех доводов рассудка.

Когда расследование останется позади, Стефан никогда больше её не увидит. Он понимал это со всей очевидностью. Пока тянется работа над делом, имевшим все шансы стать одним из самых сложных в практике столичной Службы Правопорядка, у него есть возможность видеться с Летицией. Говорить с ней. Украдкой следить за тем, как она поправляет светлые локоны, как порой, задумавшись, покусывает нижнюю губу, с каким изяществом двигаются её руки, когда она разливает чай.

Дальше ему останется лишь хранить эти воспоминания до тех пор, пока они не потускнеют, как старые серебряные украшения.

Взъерошив волосы, Альберран снова погрузился в бумаги. Перед ним лежал отчёт Бертрана о его беседе с горничной Герти после убийства её работодателя. Тогда ещё все слуги оставались в доме. Об открытке девушка не упомянула. Как бы узнать, получал ли Финнеас Броктонвуд послание с угрозами или нет?

Нужно встретиться с его знакомыми из списка альды Мортон. Возможно, кому-нибудь известно что-то важное. Вот только едва ли аристократы захотят откровенничать и сотрудничать со Службой Правопорядка.

Но выбора нет. Интересно, дома ли они в выходной? Впрочем, для большинства из них любой из дней является таковым. И каждый заполнен светскими делами и церемониями, у дам – заботой о собственном гардеробе и составлением меню на день, у альдов – мужскими клубами, где они отдыхают от семьи. В таких клубах, как приходилось слышать Стефану, даже ночевать можно.

На мгновение он представил себя одним из этих людей. Ровней Летиции. Но тут же отогнал эти невозможные мысли и, поднявшись с места, надел шляпу.

Пора наносить визиты.

– Что? – изумлённо заморгал Саймирен. – Жениться на другой? А не пожалеешь потом, что дала такой совет?

– Только порадуюсь за тебя, – искренне заверила его Летти.

– Нет уж, я, пожалуй, всё-таки обожду. А вдруг, ты изменишь своё мнение? Всё может быть.

Летиция хотела ответить, что ей совершенно не до этого, голова занята совсем другим, но тут же снова вспомнился князь Чаудхари. Ведь о нём она думала. Даже сама того не желая, то и дело оживляла в памяти его лицо, глубокие, как омут, тёмные глаза, волнующий бархатистый голос.

Возможно, так происходит лишь потому, что он ни на кого не похож? Ни на мужчин, родившихся в королевстве, ни на прежнего поставщика из Хинду, хоть и с теми, и с другим у него есть что-то общее. Особенно это сходство стало заметным сегодня, когда князь впервые появился перед ней не в своём национальном костюме, а в чёрном сюртуке с брюками, жилетом и подчёркивающей смуглость кожи белой рубашкой – всё высшего качества.

«Он не такой, как все, – подумала Летти. – Не такой, как Саймирен. Не такой, как Финнеас».

Погрузившись в собственные мысли, она не сразу услышала голос кузена, который спрашивал, продолжат ли они прогулку.

– Я продолжу, – отозвалась Летиция. – Ты – как пожелаешь. Только, пожалуйста, не поднимай больше темы, на которые мне не хочется говорить.

Она стронула с места Звёздочку и та, успевшая заскучать на одном месте, послушно зашагала вперёд. Саймирен со вздохом последовал примеру Летти. Но теперь он помалкивал, очевидно, размышляя над тем, что же с ней обсудить, раз она запретила говорить про покойного жениха и возможную помолвку с кузеном, в браке с которым ей даже не пришлось

бы менять фамилию.

– Ищейка снова к тебе явится? – поинтересовался он хмуро.

– Наверняка, – пожала плечами Летиция. Опять подумалось про новое убийство. Некий неизвестный – или знакомый ей? – человек освободил её от шантажиста... или подставил? Стефан Альберран ещё не знал, что у неё имелся серьёзный мотив избавиться от Джерома Эрделлина. Тот угрожал опорочить её на всю столицу, столкнув в грязь из той лжи, которую выдумал Броктонвуд.

В грязь, из которой не так-то просто отмыться. Даже если бы она получила свидетельство от врача о том, что никогда не была с мужчиной, всем и каждому эту бумагу не покажешь. Да и в том, что она поддельная, тоже могут обвинить.

А ещё Летти как-то случайно услышала, что бывают такие доктора, которые тайно проводят операции, возвращая невинность падшим женщинам. Разумеется, прямо о таком не говорилось, и объявления в газетах они не давали. Но обращались к ним обычно совершившие ошибку аристократки, втридорога расплачиваясь за услуги медиков и – что ещё важнее – за их молчание.

При мысли о том, что её имя стали бы трепать в связи с подобными вещами, Летиция передёрнулась, и кобыла, почувствовав состояние хозяйки, тоже занервничала.

Интересно, кому ещё Финнеас рассказывал про неё эти скабрёзные истории? Поверили ли они? Не последуют ли примеру Эрделлина?

– Ты всю дорогу будешь молчать? – спросил Саймирен.

– Как думаешь, что на душе у того человека? Убийцы. Почему он совершил такое? – проговорила Летти.

– Да кто ж его знает? Я в твою-то голову заглянуть не могу, а ты про убийцу. Может, он душевнобольной?

– Я так не считаю. Очень уж продуманно он действовал, – заметила она. Не каждый сумеет отыскать возможность подлить отраву так, что его даже не заподозрят. А вырезанные из книги буквы? Преступник явно потрудился, чтобы его не обнаружили по почерку.

– Вот и я говорю – дело ясное, что дело тёмное. Сомневаюсь, что твой знакомый – как его, Альберран? – сумеет в нём разобраться. Не похож он на гениального сыщика.

– Зато он старается, – вступилась за Стефана Летиция. Почему-то ей стало обидно слышать такие слова в его адрес. – Господин Альберран себя не пожалеет, чтобы выяснить правду. А ещё он предложил мне поставить у дома охрану. Весьма благородно с его стороны, не находишь?

– А не обхаживает ли он тебя?! – воскликнул собеседник.

– Вот ещё что выдумал! – фыркнула Летти. Но почему-то на память пришла вдруг та чашка, из которой Стефан Альберран пил у неё дома. Она ведь ощутила в его эмоциях проблески сердечного интереса к кому-то, о ком он думал во время их разговора.

Если её кузен оказался прав... Если Альберран равнодушен к ней... До чего же всё непросто!

Меньше всего Летиции хотелось разбить чьё-то сердце. Но от неё мало что зависело. Она ведь не поощряла его, да он за ней и не ухаживал. Просто делал своё дело. Всего лишь навещал её по работе.

Может, он всё-таки о другой девушке тогда мечтал и был не в силах перестать о ней думать, несмотря ни на что?..

«Нужно напоить его чаем ещё раз, – твёрдо решила Летти. – Только так, чтобы никто не помешал. А то сегодня Саймирен явился и всё испортил».

– А что такого? – не отставал кузен. – Ты женщина, он мужчина. У него есть глаза, а ты красавица.

– Он – порядочный человек! И сейчас ему совсем не до того, чтобы... чтобы... – запнулась, подбирая слова, Летиция. Саймирен глядел на неё с усмешкой.

– По-твоему, порядочный человек не может влюбиться? Ты ведь читаешь книги. Наверняка попадались и про любовь.

Летти, поборов желание снова пустить лошадь в галоп, строго нахмурилась.

– Не говори глупостей! – отчеканила она, вовсе не чувствуя той уверенности, с которой прозвучали её слова.

Глава 18

Стефан Альберран давно уяснил для себя – внешний вид имеет значение. Получив привилегию ходить не в форменной одежде, он немало внимания уделял своей одежде и обуви, причёске и бритью. Хотелось выглядеть прилично, несмотря на то, что поддержание всего этого требовало хлопот и вложений. Ведь стоило только побывать в бедном районе, как ботинки тут же оказывались заляпанными грязью, как и штанины брюк. А прачечная и чистильщики обуви бесплатно не работали.

Сейчас, с головой окунувшись в дело, Стефан не всегда находил время на то, чтобы привести себя в должный порядок. О чём пожалел, едва перешагнув порог аристократического дома, куда явился, следуя списку Летиции Мортон. Дворецкий, окинув его чересчур высокомерным для слуги взглядом, сначала велел подождать, затем надолго оставил визитёра в прихожей, а позже с некоторым удивлением объявил, что хозяева готовы его принять.

Альд Эльгрэн и его жена являлись сливками общества и производили именно такое впечатление, впрочем, как и их помпезный, роскошно обставленный особняк, который мог бы соперничать с королевской резиденцией. Владелец дома – мужчина за сорок – носил густую чёрную бороду и бакенбарды. Его полноватая, но привлекательная супруга с забранными в высокую причёску каштановыми волосами выглядела моложе, а её отделанное кружевом лимонно-жёлтое платье явно стоило больше, чем Альберран зарабатывал за полгода.

– Разумеется, я в курсе, что Финнеаса Броктонвуда убили, – похожим на звучание трубы голосом проговорил Эльгрэн. – Её величество, кажется, этим крайне расстроена. Но не понимаю, почему вы пришли ко мне.

– Видите ли, я опрашиваю знакомых убитого. Тех, кто знал его самого и его семью. Кроме того, это, к сожалению, не единственное убийство.

– Не единственное? – переспросил удивлённо собеседник, а его жена, ахнув, прижала к лицу надушенный носовой платок.

– Убили ещё одного человека – Джерома Эрделлина. Он дружил с альдом Броктонвудом и стал свидетелем его смерти. Таким образом, у меня имеются основания подозревать, что преступник в обоих случаях один и тот же.

– Вы должны немедленно его отыскать! – воскликнула альда Эльгрэн.

– Джером Эрделлин, – задумчиво пробормотал её муж, строго

взглянув на неё. – Насколько мне известно, он многим задолжал. Полагаю, его имущество пойдёт с молотка. Броктонвуд – совсем другое дело. Этому молодому человеку удалось сохранить родительское состояние и даже приумножить его, поскольку ему всегда везло на скачках.

– Скажите, подозреваете ли вы кого-нибудь? – произнёс Стефан. Он ни на что особо не рассчитывал и всё же не мог не спросить. – И, если да, то не могли бы поделиться своими мыслями?

– Я не могу никого огульно обвинять, – отозвался альд Эльгрэн. – К тому же, подозрения – ваша работа. И неужели вы думаете, что их убил аристократ?

– А почему нет?

В ответ Альберрана смерили таким взглядом, что, будь он повпечатлительнее, наверняка затрепетал бы.

– Разве то был не какой-нибудь грабитель? – осведомилась альда Эльгрэн.

– Уверен, что нет. Кроме того, вор едва ли стал бы подмешивать яд в бутылку хозяина особняка. Слишком сложно.

– Эрделлина тоже отравили?

– Ударили по голове, но слуги утверждают, что из дома ничего не пропало. Да у него и воровать-то особо нечего было. Вы ведь сами сказали, что он погряз в долгах.

– И что вы обо всём этом думаете? – поинтересовался альд Эльгрэн.

– Есть версия, что приятель Финнеаса Броктонвуда мог догадаться, кто убийца, но не сообщить нам в Службу Правопорядка, а отправиться к нему лично и попытаться получить от него деньги за молчание.

– За что и поплатился жизнью.

– Именно, – кивнул Стефан. – Шантажисты обычно очень рискуют. А тот, кто уже убивал, может снова пойти на преступление.

– Как ужасно! – хозяйка дома нервно обмахнулась платочком. – Они оба были так молоды! И альда Мортон... невеста Финнеаса... кто теперь возьмёт её в жёны?

– Её отцу следовало бы смириться с тем, что высшие силы не дали ему сыновей, и оставить своё дело племяннику, – заметил её супруг. – Девица, управляющая чайной и лавками! Женщины появляются на свет, чтобы быть спутницами своих мужей!

– Увы, её такой возможности лишили! – вздохнула альда Эльгрэн. – Финнеас Броктонвуд считался настоящим красавцем, обладал и деньгами, и статусом. Она его не заслуживала.

«Не она его, а он её не заслуживал!» – хотелось закричать Альберрану,

но приходилось молчать, сжимая в руках шляпу.

– Кажется, мы отошли от темы. Альд Эльгрэн, скажите, не состояли ли эти молодые люди в каком-нибудь тайном обществе? Видите ли, на руке альда Броктонвуда обнаружилась необычная татуировка.

– Татуировка? Что-то неблагопристойное? – нахмурился мужчина и посмотрел на жену. – Если так, то лучше не говорите.

– Нет, вовсе нет! Просто странный символ. Вот такой, – продемонстрировал ему Стефан сделанный врачом рисунок.

– Понятия не имею, что эта загогулина может означать.

– Хммм... – с любопытством склонив голову, заглянула в рисунок альда Эльгрэн. – Что-то знакомое... Пойдите-ка!

Она позвонила в колокольчик, и в комнате тут же появилась горничная.

– Принеси книгу, которую Лукас забыл, когда приезжал на каникулы, – распорядилась хозяйка. – Она лежит на столе в его комнате. Лукас – наш сын, – пояснила, повернувшись к Альберрану.

Девушка справилась быстро, и скоро перед Стефаном оказался немного потрёпанный школьный учебник.

– Откройте, там есть закладка, – сказала альда Эльгрэн.

Между страницами находился сложенный в несколько раз листок бумаги, на котором обнаружился точно такой же символ, что и на рисунке.

После конной прогулки Саймирен не ушёл. Напросился на обед. Сидя за столом напротив него, Летиция продолжала напряжённо размышлять об их разговоре и высказанном собеседником предположении, которое на какое-то время потеснило даже тревоги, касающиеся случившихся одно за другим двух убийств.

Неужели кузен догадался верно, и Стефан Альберран... влюблён в неё?

Несмотря на свою красоту, Летти не была окружена поклонниками. Родители договорились о помолвке с Финнеасом Броктонвудом достаточно давно, так что все знали о том, что она обручена. Кроме того, не являлся секретом тот факт, что Витториус Мортон, мир его памяти, позаботился о финансовом состоянии дочери, которое она могла бы сохранить даже в супружестве, хотя в обычном порядке вся собственность жены переходила к мужу. А её решение самостоятельно продолжать отцовское дело также породило множество кривотолков в аристократической среде, где подобное не одобрялось. Таким образом, Летиция Мортон оказалась чересчур самостоятельной и независимой для своего времени, и наверняка не каждая семья захотела бы принять её как невестку.

Об этом и заявлял Саймирен, но подобная перспектива не слишком беспокоила Летти.

А вот то, что он сказал про господина Альберрана...

Без аппетита принимаясь за вкусные блюда, Летиция вспоминала его лицо – с правильными чертами, живое, довольно приятное. Его одежду, которая показалась ей поначалу слишком уж франтоватой. Его умный взгляд.

Да, она не могла не признать, что представитель Службы Правопорядка, которого она некоторое время назад впервые встретила на кладбище, весьма симпатичный молодой человек. Несмотря на своё скромное происхождение и род занятий, он умел держаться с достоинством. А порой казалось, будто, погрузившись в беседу, они становились почти на равных, что Летицию совершенно не смущало, потому что...

А почему, кстати?..

Задумавшись, она машинально отправила в рот ложку только что поданного кушанья и жадно глотнула воздух, поразившись остроте блюда.

– Ты что, карри никогда не ела? – заметил её реакцию кузен.

Летти немедленно вспомнилось, как Рохан Чаудхари расписывал ей достоинства своего повара, который отменно готовил карри. И снова перед внутренним взором князь появился как живой, и её словно обожгло его тёмным взглядом. Вздвогнув, она отложила вилку.

– Мне не хочется есть.

– Неужели кончина Джерома Эрделлина настолько тебя расстроила?

– Вовсе нет. Просто... Мне не по себе, когда я думаю обо всём, что случилось.

– Ты что-то знаешь?

– Если бы я могла... действительно могла помочь следствию, то уже давно всё бы рассказала.

Да, факт о шантаже Летиция утаила, но зато выдвинула предположение, будто убитый мог вымогать деньги у преступника. И эта мысль Альберрану понравилась. Возможно, она укажет ему путь к разгадке.

– Послушай, ты снова скажешь, что я забочусь только лишь о деньгах, но это не так, – серьёзно произнёс Саймирен, отодвинув тарелку. – Ты дорога мне, Летти. У нас не слишком-то много родственников, так что нам надо держаться вместе.

«Не только родство по крови делает людей близкими, – мысленно ответила Летиция. – Иногда оно и вовсе ничего не значит. Но, если бы ты

был мне просто братом и не предлагал то и дело себя в мужа, всё стало бы гораздо проще».

Вслух однако Летти ничего не сказала, понимая, что едва ли кузен поймёт, а погружаться в очередной бесплодный спор не хотелось. Она чувствовала себя усталой, будто минуло не полдня, а целая вечность. Стефан Альберран сейчас наверняка бегаёт по городу, опрашивая людей и не давая себе ни минуты передышки. Вот бы помочь ему... Но как?

Сказав, что у неё разболелась голова, Летиция наконец-то выпроводила задержавшегося гостя и поднялась в свою спальню. Виски действительно точно обручем сжимало, и пришлось распустить волосы. Несколько раз проведя по ним расчёской, девушка прилегла на край кровати и сама не заметила, как заснула.

Во сне она видела Броктонвуда, который кружил её по огромному бальному залу под звучащий из ниоткуда траурный марш. Остекленевшие глаза Финнеаса смотрели на неё, тонкие губы кривились в усмешке, и с них капала пена. Оттолкнув его, Летти со всех ног бросилась прочь и столкнулась с Джеромом Эрделлином – из его разбитой головы сочилась кровь, но он, будто не замечая, широко улыбался и протягивал ей письмо, говоря: «Как вы и просили, изложил все свои условия».

Вскрикнув, Летиция метнулась на поиски выхода из зала, но со всех сторон её окружали люди со страшными искажёнными лицами, и каждый с глумливым смехом повторял: «Альда Броктонвуд, альда Броктонвуд, альда Броктонвуд!»

Проснувшись, Летти с облегчением обвела взглядом знакомые светлые стены комнаты. Сердце бешено колотилось, руки дрожали, бросило в холодный пот. Сон оказался пугающе реалистичным – даже пробудившись, девушка словно чувствовала, как прикасаются к ней холодные пальцы покойного жениха.

Вспомнилось, как в детстве, когда ей снились кошмарные сны, матушка, не доверяя в этом няням и гувернанткам, сама заглядывала в комнату дочери, гладила по волосам, напевала колыбельную, и страх уходил. Но сейчас некому было прийти и утешить, отгоняя навеянную сновидением зябкую дрожь во всём теле. Летиция укуталась в шаль и обхватила себя за плечи.

Глава 19

Выходной день подошёл к концу, а на следующий Летиция снова отправилась в чайную. За окошками кареты мелькали знакомые с детских лет улицы столицы. Дома горожан, выстроенные в разные годы и отчётливо свидетельствующие о том, как менялась за прошедшее время архитектурная мода, высокие шпили храмов, зелёные парки, согретые непривычно ярким солнцем. Цветочницы продавали букеты, газетчики разносили свежую прессу, откуда-то звучала мелодия шарманки. Жизнь текла своим чередом.

Летти ощущала неясную тревогу, которая становилась с каждой минутой всё сильнее. Хотелось куда-нибудь спрятаться, чтобы хотя бы ненадолго позволить себе поверить в то, что ничего страшного не произошло, и она в безопасности. Но после вчерашнего дневного сна девушка чувствовала себя лисицей, бегущей по лесу, в котором расставили охотничьи капканы.

Кто он, убийца, который отправил на тот свет сначала Финнеаса Броктонвуда, а затем и Джерома Эрделлина? Двух молодых аристократов, двух приятелей, практически неразлучных друг с другом ещё со школы. Связан ли этот неизвестный человек с ней, Летицией Мортон? Знала ли она его? Видела ли хоть однажды?

Ответов не было. И у Стефана Альберрана пока тоже. Впрочем, Летиции не хотелось его упрекать – представитель Службы Правопорядка старался выяснить истину, не жалея себя, и не его вина, что преступник оказался хитроумным, ловким и незаметным, как тень.

Почему-то нынче её не порадовала даже вывеска «Чая и сладостей». Работать Летти нравилось, но сегодня отчего-то она с трудом неохотно переступила порог принадлежащего ей заведения. Её встретили Говард и Доркас, да и всё остальное выглядело как обычно, но девушка поприветствовала служащих рассеянно и заспешила в кабинет, куда её гнала безотчётная тревога.

Оказавшись наконец-то на месте, Летиция направилась к столу. Села в кресло, сжимая в руках связку ключей, среди которых имелся и тот, что открывал ящик стола. Пальцы её почему-то дрожали, попасть в маленькую замочную скважину удалось не сразу. А, когда открыть замок всё же получилось, письма Эрделлина в ящичке она не обнаружила. Несколько раз перетряхнув все лежащие там бумаги, вынуждена была признать, что оно

бесследно исчезло.

Летти ощутила вдруг, что ей не хватает воздуха. Казалось, будто кабинет начал сужаться, со всех сторон её обступали стены, а потолок медленно опускался вниз, грозясь раздавить её, как муху. Кое-как взяв себя в руки, она смочила водой из графина носовой платок, провела по лицу прохладной тканью и сделала несколько глубоких вдохов, убеждая себя в том, что ещё может дышать, а стены и потолок над головой остались на месте.

Перебирая в памяти события того дня, когда ей пришло письмо от шантажиста, Летиция вспомнила, как услышала крик Доркас и помчалась в кладовую. Заперла ли она тогда дверь? Где оставались ключи? Они слишком тяжёлые, потому носить их на шатлене оказалось неудобно. Но тогда...

В коридоре Летти столкнулась с Говардом. Ни он, ни Доркас не могли войти сюда и забрать письмо, поскольку находились рядом с ней. Да и к чему бы они стали так делать? Повар практически никогда не отлучался с кухни, а другая работница по имени Ивонн наверняка в то время находилась в общем зале, который не разрешалось оставлять пустым. Ведь, отправившись в кладовую, Доркас должна была оставить кого-то вместо себя на случай, если заглянут клиенты.

Дверь в кабинет Летиция лишь прикрыла в спешке, но ящичек в столе заперла накрепко, это помнилось хорошо. К тому же, никто не видел, как она прятала письмо. Никто не видел и того, как она читала его – даже управляющий, который принёс запечатанный конверт.

Летти поднялась с места, подошла к двери, выглянула, размышляя о том, как у кого-то могло бы хватить времени войти в её кабинет, отыскать среди множества ключей нужный, открыть ящик стола и украсть письмо.

Да ещё и повернуть всё достаточно быстро – за то время, пока она успокаивала перепуганную Доркас, заявлявшую, будто видела в кладовой маленьких человечков, и уверенную, что они ей вовсе не почудились!

Но зачем забирать конверт? Кто мог знать, что в том письме? Как кто-то увидел бы, куда она его спрятала? Она ведь совсем одна находилась в кабинете. И никому, ни единой живой душе не рассказывала о том, что альд Эрделлин вымогал у неё деньги!

Летиция отчаянно пожалела о том, что не сожгла сразу отвратительное послание шантажиста, как ей того хотелось. Напрасно, ох напрасно сохранила его! Если бы имелась возможность вернуться в прошлое, она ни минутки бы не колебалась, а немедленно уничтожила бы письмо, оставив от бумаги лишь горстку пепла.

Но кто знал, что Джерома тоже убьют, как и Финнеаса? Вернее, убили его по-другому, но результат-то один. Ни тот, ни другой никогда больше не появятся на её пороге.

– Альда Мортон, вы здесь? – услышала знакомый голос Летти, снова низко наклонившись над ящиком, который уже несколько раз успела обыскать. Даже из пазов его вынула, чтобы проверить, не завалился ли конверт каким-то образом за него. – Доброе утро! Альда Мортон... Простите, что я решился войти, не поговорив сперва с вашим управляющим, но я ведь не первый раз к вам прихожу.

– Здравствуйте, господин Альберран! – ответила она, поднимая голову.

Как бы ни спешил Стефан Альберран к Летиции, а привести себя в порядок всё же постарался. Чтобы предстать перед ней в чистой и выглаженной одежде, в начищенных ботинках, тщательно выбритым и причёсанным. Вот только она, кажется, не обратила ни малейшего внимания на его внешний вид и приложенные к тому старания.

Владелица чайной выглядела бледной и обеспокоенной. Стефан даже заподозрил, что кузен вчера чем-то её огорчил. Или она волновалась из-за новости, которую он ей принёс, рассказав про второе убийство?

Будь на то его воля, Альберран оберегал бы Летицию Мортон от любых тревог. Сделал бы всё возможное, чтобы хмурая складка не ложилась на её гладкий лоб, розовые губы не вздрагивали, как у ребёнка, который кривит рот перед плачем, но пытается сдержаться, а слёзы появлялись в синих глазах только от счастья. Но, увы, сын простого башмачника, работающий за скромное жалованье в Службе Правопорядка, не имел на такое ни права, ни возможности.

– Что-то случилось, альда Мортон? – спросил он.

– Нет, я... Я просто ищу... одну вещь... Это может подождать, – отозвалась она, сиюсь возвратив на место ящик стола.

– Позвольте, я вам помогу!

Летиция не успела возразить, когда Стефан, приблизившись, аккуратно вернул ящик туда, где ему и надлежало быть. Там лежали бумаги, но, похоже, нужной на месте не оказалось. Неужели именно данное обстоятельство послужило причиной её расстройства?

– Что вас сюда привело? – осведомилась она, запирая ящик на ключ. Альберран заметил, что её руки слегка дрожат. Ему вдруг так сильно захотелось взять эти нежные ладони в свои, припасть к ним губами, согревая дыханием, что даже пришлось отойти в сторону, чтобы ненароком не воплотить столь дерзкое желание в жизнь.

– У меня есть новости, альда Мортон! – воскликнул он. – Вчера я весь день бегал, опрашивая народ. Заглянул и к тем людям, что в вашем списке.

– И что же вам удалось выяснить?

– Во дворе Эрделлина в ночь, когда его ударили статуэткой по голове, находился какой-то мужчина, и он свистел! Представляете себе такую картину – убийца приходит к своей жертве и всюю насвистывает?! До чего нужно быть отчаянным человеком, чтобы так себя вести?

– Может быть, он не думал, что его кто-то услышит. Ведь время было уже позднее, да? Когда уже все обычно спят в своих постелях?

– Да, нам повезло, что у прислуги из соседнего дома бессонница. Но это ещё не всё! У семьи из вашего списка – альда и альды Эльгрэн – есть сын Лукас. Он учится в закрытой школе-пансионе. В частной школе для мальчиков, одной из старейших в королевстве. Как многие аристократы, я полагаю. Будучи дома на каникулах, он оставил там свой учебник, а в нём закладку, на которой обнаружился рисунок – точь-в-точь такой, как тот, что на татуировке Финнеаса Броктонвуда.

– На татуировке? – переспросила Летиция Мортон, и Стефан спохватился, что не успел рассказать ей о том раньше. Разумеется, собственными глазами она татуировку не видела! Не закатывал же покойный жених перед ней рукава рубашки.

– У него имелась татуировка, значения которой никто не мог понять. Сегодня я забежал в морг, чтобы взглянуть на руку альда Эрделлина и обнаружил там точно такую же! Понимаете, что это значит?

– Они сделали одинаковые татуировки? Но причём тут мальчик Эльгрэнов... Лукас? Он ведь гораздо моложе Финнеаса и Джерома.

– Разумеется, моложе, но у меня появилась одна мысль. Вы знаете, какую школу окончили эти двое? От альда Эльгрэна мне удалось выяснить, что Эрроу – ту же самую, где сейчас учится его сын!

– Вот как? – Летиция взглянула на него с интересом. – Но тут нет ничего удивительного. Хороших школ не так много, им требуется время, чтобы заслужить репутацию, и многие аристократы, решая, куда отправить своих отпрысков, зачастую делают выбор в пользу школы, в которой уже учились какие-то знакомые или их дети. Вот и альд Эльгрэн наверняка поступил так же.

– Понимаю, что вы хотите сказать, альда Мортон, но одинаковая татуировка и в точности повторяющий её рисунок... Такое не может быть простым совпадением! Я чувствую, что попал на след!

Альберрану подумалось, что сейчас он, должно быть, выглядит совсем как восторженный щенок, скачущий вокруг хозяйки с палкой в зубах.

Промелькнула ещё одна мысль – о том, что не следует рассказывать подозреваемой о том, как идёт расследование. Альд Кирхилд ни за что бы подобного не одобрил. Но его подчинённый уже нарушил незыблемые правила их конторы, позволив себе потерять голову от девушки, с которой встретился по долгу службы. От него требовалось лишь найти убийцу её жениха, а не влюбляться в неё.

Всё так. Однако сейчас уже поздно. Колёса его судьбы уже завертели и привели Стефана Альберрана к Летиции Мортон. К той, что могла в итоге оказаться как жертвой, так и преступницей. Несмотря на своё нежелание верить в её вину, он не мог забыть о том, что у неё имелись и мотив, и возможность расправиться с Финнеасом Броктонвудом, за которого ей не хотелось выходить замуж.

А Джером Эрделлин, тоже ныне покойный, убеждал Стефана не верить альде Мортон. Впрочем, он и сам был лгуном. Говорил ведь, будто понятия не имеет о значении татуировки, хотя сам, как выяснилось, сделал себе точно такую же.

– Я собираюсь отправиться в эту школу и побеседовать с Лукасом Эльгреном, несмотря на то, что его родители против, – сказал Альберран.

Глава 20

– Но так будет неправильно! – воскликнула Летиция. Всё это время она выслушивала собеседника, стараясь сосредоточиться на его словах, а не на беспокойстве о том, куда же подевалось письмо шантажиста. – Вы не должны встречаться с Лукасом без разрешения его родителей. Думаю, вам не позволят поговорить с ним, ведь он несовершеннолетний. И тогда получится, что вы только зря потратите время на поездку в школу.

– Вы правы, альда Мортон, но бездействовать я тоже не могу, поймите! Рисунок с татуировки кажется мне подозрительным. Почему Джером Эрделлин не рассказал мне о нём, если и сам когда-то сделал такую же?

– Не могу сказать, господин Альберран, – пожалала плечами Летти. У приятеля Финнеаса могли иметься для молчания свои мотивы, о которых он умалчивал. Сама она никогда эту татуировку не видела. – Я не бывала в той школе. Она, как вам уже известно, только для мальчиков. Знаю лишь, что учиться в ней очень престижно. Мой кузен окончил её же.

– Вот как? Будь ваш кузен поговорчивее, я, пожалуй, мог бы попросить его стать моим проводником – может же он заехать в школу навестить учителей и воспитателей? Но сомневаюсь, что он захочет помогать следствию.

Летиция вздохнула, собираясь с мыслями.

– Я могу попробовать убедить Саймирена, – сказала она, надеясь, что не пожалеет об этом. Кузен действительно упрям. Но, если предложить ему денег...

– Буду очень благодарен, альда Мортон! – воскликнул Стефан Альберран, глядя на неё так, что сердце девушки вдруг на какое-то мгновение сжалось, и сразу вспомнилась вчерашняя беседа о том, что молодой человек может питать к ней нежные чувства, о которых она сама даже не догадывалась.

– Я ещё не угостила вас чаем, – улыбнулась ему Летти. – Пока мы его пьём, я отправлю посыльного с запиской к Саймирену... Надеюсь он сейчас дома.

Необходимые распоряжения и ожидание, пока напиток будет готов, заняли всего несколько минут. Разливая чай, Летиция с удовлетворением обнаружила, что её руки уже не дрожат. Она всё ещё не могла ничего поделаться с исчезновением письма, однако старалась не поддаваться панике и надеялась, что всё образуется.

К чёрному чаю с жёлтыми цветками бессмертника Доркас прислала вересковый мёд, засахаренный миндаль и свежие булочки. Летти не считала себя сладкоежкой, однако с удовольствием намазала ложку густого мёда цвета тёмного золота на булку и откусила кусочек. Поймав на себе взгляд компаньона по чаепитию, смущённо опустила глаза. Неужели кузен оказался прав в своём наблюдении? Он ведь всего-то раз и видел Альберрана!

– Вы сегодня очень молчаливы, альда Мортон, – произнёс сотрудник Службы Правопорядка, последовав её примеру. Похоже, угощение пришлось ему по вкусу. – У вас точно ничего не случилось?

– Кроме того, что моего жениха и его друга убили, а на мне настойчиво хочет жениться двоюродный брат? – усмехнулась она. – Причём я даже не уверена, что таково его желание. Скорее родители давят. Они до сих пор не могут простить моему отцу, что его наследником не стал их сын. В любой другой семье так бы всё и сложилось, и тогда моя судьба была бы незавидной.

– Значит, ваш отец всё предусмотрел и даже пошёл на юридическую уловку, чтобы не отдавать своё имущество племяннику и защитить ваши интересы?

– Да. Многие его решения не одобрили... Говорили, что он возомнил, будто желает сделать меня равной королеве, которая имеет куда больше прав, чем другие женщины. Пытались отговорить. Но отец успел написать завещание, в котором позаботился обо мне, а не о Саймирене, несмотря на то, что он его родственник мужского пола.

– Но ведь Саймирен Мортон – сын старшего брата вашего отца, следовательно, и так не останется без наследства? Единственный сын? – поинтересовался собеседник, и Летиция кивнула. – А вы унаследовали то, чего ваш отец добился собственным трудом, да и сами не сидите без дела.

– Что тоже порицается в обществе, – заметила она. – Альда Эльгрэн и её супруг наверняка что-нибудь вам сказали по этому поводу. Не так ли?

– Вы очень проницательны, – смешавшись, отозвался молодой человек. – Но я не согласился с ними. Уверяю вас!

– Просто я их знаю. Но вовсе не обижаюсь. К чему? Они никогда не изменят своего мнения, поскольку оно слишком прочно укоренилось в их головах. Девушка-аристократка не должна работать, она должна искать мужа и цепляться за него, как плющ, даже не имея прав на своих детей в случае развода. Есть, конечно, гувернантки, компаньонки. Их участь весьма нелегка, ведь они не могут в полной мере отнести себя к прислуге, хотя и ровней хозяевам тоже, само собой, не являются.

Посыльный вернулся с ответной запиской, когда чайные чашечки уже почти опустели. Прочитав, Летти посмотрела на Стефана. Как и ожидалось, её кузен сообщил, что готов оказать услугу, но не бесплатно.

– Вам повезло. Саймирен поедет с вами в школу. Вот только сомневаюсь, что без письменного согласия родителей на встречу вам будет позволено увидеть Лукаса.

– Я всё же рискну, альда Мортон.

– Тогда вам нужно сначала заехать к моему кузену, я напишу адрес.

– Ещё раз спасибо! Вы очень добры! – проговорил он. Когда Альберран вышел, Летиция обратила взгляд на его чашку.

Саймирен Мортон проживал в том же районе, что и Джером Эрделлин. Данное обстоятельство, впрочем, не казалось удивительным. В конце концов, они оба принадлежали к аристократии. Вот и школу окончили одну и ту же. А кроме того наверняка имели немало общих знакомых.

Следовало отдать ему должное – к появлению на его пороге Стефана кузен Летиции уже успел собраться и даже велел заложить карету.

– Что ж, выглядите вы вполне прилично, – заметил он, смерив Альберрана оценивающим взглядом. – Я представлю вас как своего друга. Не вздумайте говорить, что работаете в Службе Правопорядка! Я знаю школьное начальство. Они как огня боятся скандалов.

– Мне нужно всего лишь поговорить с мальчиком.

– Это вам так кажется, что всего лишь, а они мигом забеспокоятся. Убийство двух бывших выпускников! Будь вы на их месте, тоже захотели бы держаться подальше от таких дел.

Стефан вынужден был признать, что собеседник прав. Побеседовав с Эльгренами, он уже понял, что благородные альды обитали в собственном мире, стоящем на незыблемых основах, точно на вкопанных в землю столбах. Эти люди остерегались перемен и всячески оберегали себя и своих близких от неприятностей, которые мог принести им представитель Службы Правопорядка.

– Зачем вам вообще понадобился Лукас Эльгрэн? – любопытно спросил Саймирен, когда они заняли места в карете.

– Не могу сказать, – ответил ему Альберран.

– Однако моей кузине вы сказали, – произнёс молодой человек, недобро сощурился. Его слова прозвучали не как вопрос, а как утверждение. Но Стефан в ответ лишь пожал плечами.

Он действительно рассказывал альде Мортон о том, как идёт следствие, несмотря на то, что она всё ещё оставалась подозреваемой.

Потому что продолжал верить ей. Потому что любил её, даже осознавая всю безнадежность этого горько-сладкого чувства.

Но её кузену не следовало ничего о том знать.

– Простите, что говорю так откровенно... – не унимался тот. – Мне показалось, что Летиция нравится вам. Да о чём я? Она не может не нравиться. Ведь так?

– Не понимаю, о чём вы, – снова пожал плечами Альберран. – Я веду расследование. Уже произошло два убийства, и мой начальник будет очень недоволен, если я не принесу ему никаких результатов.

– Вот именно. Вы – ищейка. Просто пёс, который прибегает к хозяину с добычей. Так и делайте своё дело. Не отвлекайтесь.

– Хорошо, я не отрицаю, так и есть. А вы кто? Чем вы занимаетесь?

– Кто я? Я – Саймирен Мортон, потомок одного из древнейших родов королевства. И живу так же, как все, кто имеет на то средства.

– Средства, которые заработали не вы.

– А чего ради я должен зарабатывать? – изумлённо уставился на него молодой аристократ. – Среди альдов не принято трудиться за деньги. Но вам простительно незнание, вы ведь не нашего круга.

Стефану предпочёл промолчать. Не время ссориться – они пока до школы не доехали. Ещё не хватало, чтобы Саймирен раздумал его сопровождать и развернул карету обратно к столице.

Подумалось вдруг, что Летиция Мортон куда взрослее своего кузена, несмотря на то, что по возрасту он её старше. Её тоже обеспечивали всем с самого детства, но она упорно работала. Работала в то время, как Саймирен и подобные ему просиживали штаны в мужских клубах да проматывали родительские капиталы.

Вот что Альберран чувствовал к ней – нежность и желание беречь её от невзгод, а ещё глубокое уважение. Ни кузен Летиции, ни Финнеас Броктонвуд наверняка не замечали в ней той силы, которая так восхищала его. А, если и замечали, то чувствовали себя уязвлёнными тем, что она не похожа на тепличный цветок, как другие юные альды, а вполне независима и самостоятельна. Тем, что ей дана не только красота, но и живой пытливый ум. Тем, что она превосходила их, даже будучи девушкой.

Стефан вытащил из кармана блокнот и принялся перечитывать свои заметки. Он не смог бы объяснить, почему так прицепился к татуировке с непонятным знаком. Из-за того, что у Джерома Эрделлина была такая же, но он солгал, будто не знает про её значение?..

Погрузившись в размышления, Альберран даже не сразу заметил, что карета остановилась.

– Приехали! – Саймирен Мортон вышел первым и потянулся, разминаясь после неподвижного сидения в экипаже. – Вот и школа.

Стефан во все глаза смотрел на несколько старинных зданий, составлявших собой школу под названием Эрроу. Точно целый небольшой город в миниатюре! Казалось, даже камни здесь дышали вековыми традициями.

Учиться в этом месте он никогда не смог бы. Для сына простого ремесленника двери частной школы-пансиона под запретом. Его отцу пришлось бы вкалывать десять-пятнадцать лет, чтобы оплатить один лишь год обучения.

– Ну что, идём? – поторопил кузен Летиции. – Помалкивайте, покуда я буду разговаривать. И я вам не гарантирую, что нам разрешат свидеться с Лукасом, учтите.

– Идём, – сделал глубокий вдох Альберран. Что толку предаваться сожалениям о том, что невозможно? Необходимо делать свою работу и во что бы ни стало узнать, откуда сын альда Эльгрена узнал о знаке с татуировок убитых.

Возможно, поездка сюда окажется бесполезной, но он обязан всё проверить, уцепившись пусть за туманный, но всё-таки шанс.

Глава 21

Летиция неотрывно смотрела на чашку, из которой пил её недавний собеседник. Правильно ли она поступает, решив ещё раз прочесть его эмоции, чтобы подтвердить – или, как она надеялась, опровергнуть – догадку Саймирена? Ведь сейчас Стефан Альберран доверял ей. Чтобы это почувствовать, можно было и не обладать магией. Так вправе ли она предавать его доверие?..

От размышлений отвлекло появление Говарда. Управляющий выглядел взволнованным. Обычно он всегда держал себя в руках, и такая реакция казалась непривычной, а потому пугающей.

– Что случилось? – нахмурилась Летти.

– На минутку, альда Мортон! Один человек никак не желает уходить, не увидев вас! Я ему уже и Службой Правопорядка пригрозил!

Выйдя вместе с ним в общий зал, Летиция обнаружила там неприятного усатого типа, который, сидя за столиком, что-то строчил в блокноте.

– Он журналист, – сообщил ей Говард, неодобрительно глядя на незнакомца. – Наглый писака. Он же нам всех клиентов распугает!

– Что вам нужно? – холодно осведомилась Летти, приблизившись к посетителю.

– Хочу задать несколько вопросов о вашем покойном женихе альде Финнеасе Броктонвуде! – мигом поднявшись на ноги и услужливо поклонившись, выпалил мужчина.

– Я не собираюсь отвечать на ваши вопросы. Пожалуйста, не беспокойте нас больше. Или, как уже сказал мой управляющий, вам придётся иметь дело со Службой Правопорядка.

– Разве трудно немного поговорить со мной? Наши читатели хотят побольше узнать о человеке, которого убили! Я, разумеется, уважаю ваш траур, но всё же...

– Никаких комментариев.

– Но, альда Мортон! – воскликнул он, чуть ли не у неё перед лицом размахивая своим засаленным блокнотом.

– Не делайте вид, будто вы меня не услышали! – тоже повысила голос Летиция. – Я не намерена с вами разговаривать. Всего доброго!

Развернувшись, она зашагала обратно, ощущая мелкую дрожь во всём теле. Газетчик походил на стервятника, который искал, чем бы поживиться.

Нет никаких сомнений, что он и его коллеги заявятся и на грядущие похороны.

Когда Летти вернулась в кабинет, который не заперла перед тем, как выйти в общий зал, её ожидало ещё одно неприятное обстоятельство. Доркас убирала со стола после чаепития. Услышав шаги хозяйки, женщина, чего с ней практически никогда не случалось, выронила из рук чашку.

Ту самую, из которой пил Альберран.

– Простите, альда Мортон, пожалуйста, не сердитесь! Вы меня напугали! Вычтите её стоимость из моего жалованья! – причитала Доркас.

– Ничего страшного, – ответила Летиция, глядя на белые с золотистым рисунком осколки чашки. – Не беспокойся. Просто убери здесь всё.

– У вас усталый вид, альда Мортон! – вздохнула та. – Очень уж вы бледны! Отдохнуть бы вам!

– Ты снова видела тех маленьких человечков? – спросила у неё Летти.

– Н... нет, больше не видела, – замямвшись, отозвалась собеседница.

– А в тот день, когда они перед тобой появились, и мы с Говардом прибежали в кладовую, больше ничего странного не происходило?

– Не понимаю, о чём вы говорите.

– Пока ты находилась там, Ивонн заменяла тебя? Она не покидала зал? Вспомни!

– Конечно же, нет, альда Мортон! Она знает правила! Ведь в любой момент могут войти и заказать чай!

– Хорошо, Доркас, занимайся своими делами, но, если снова случится что-нибудь необычное, тут же говори мне, – наказала ей Летиция.

– Клянусь, что так и сделаю!

Девушка отвернулась, кусая губу. Жаль, что так вышло с чашкой, ведь она уже почти приняла твёрдое решение всё же проверить молодого человека ещё раз. Но постоянно запирает кабинет, выходя ненадолго, было бы неудобно. К тому же, посторонние сюда попасть никак не могли, а своим работником Летти привыкла всецело доверять. Они не первый год служили здесь и никогда её не подводили – даже если совершали ошибки, то немедленно их исправляли.

Вот, например, как сейчас. Собрав осколки, Доркас покинула кабинет. Летиция села за свой рабочий стол.

Интересно, как там господин Альберран и её непутёвый кузен? Уже добрались до школы? Позволят ли им встретиться с Лукасом Эльгреном, да и что может поведать этот мальчик, слишком желторотый для того, чтобы быть близким другом Джерома и Финнеаса? Впрочем, и хорошо, что так. Едва ли эти двое могли бы послужить ему хорошим примером.

Летти прекрасно осознавала, что наверняка являлась не единственной девушкой, обманувшейся привлекательной внешностью и утонченными светскими манерами молодого аристократа, и всё же каждый раз, когда она вспоминала о своей полудетской влюблённости в жениха, ей становилось тошно. Её ли вина в том, что не сразу удалось разглядеть его истинное лицо? Но ведь даже её отец, взрослый и опытный, считал Финнеаса Броктонвуда достойным юношей.

Если так легко принять человека за того, кем он не является, то как же вообще знакомиться с людьми, впускать их в своё сердце, доверяться?.. Неужели нужно постоянно ожидать удара в спину? Может, кто-то и выбирал именно такой путь, но Летиции жизнь, полная страхов и подозрений, казалась до крайности тяжкой и невесёлой. Ей бы не хотелось всегда быть настороже и не позволять себе положиться на того, кто окажется рядом. Она хорошо помнила, как любили и уважали друг друга её родители. Но им приходилось гораздо проще. Её отец, будучи младшим сыном, не имевшим прав на родительское наследство, женился на такой же бесприданнице.

А она, Летиция Энн Мортон, как ни крути, богатая наследница, владеющая собственным выгодным делом. Пусть её интересы в браке и защищены, внакладе будущий супруг всё равно не останется. Саймирен и его родители тоже это понимали, потому и ухватились за возможность сделать её невесткой в их семье.

В следующие минуты Стефан убедился, что язык у его спутника подвешен так, что тот вполне мог бы посоперничать с виднейшими ораторами. Саймирену Мортону удалось уболтать воспитателя, отвечающего за учеников, на позволение перекинуться несколькими словами с Лукасом Эльгреном под предлогом того, что им нужно передать им нечто важное от его родителей, но обязательно на словах, поскольку бумаге такую новость доверить ни в коем случае нельзя. Альберран только диву давался, как ловко у него это вышло.

– Вы не заметили, как в его карман из моего бумажника перекочевала банкнота? – усмехнулся молодой аристократ, пока они ожидали в пустой классной комнате. – Уверен, кузина всё возместит. Можете не смотреть на меня так удивлённо.

– Но вы... вы же дали ему взятку! – возмутился Стефан.

– А как ещё мы могли бы получить разрешение увидеться с мальчишкой? Деньги заменили записку от его родных. Вот и всё.

Лукас Эльгрэн оказался подростком лет пятнадцати-шестнадцати,

худым, нескладным и совершенно не похожим на своих родителей.

– Что вам нужно? – недоверчиво поинтересовался он, хмуро глядя на них из-под свисающей на глаза чёлки цвета лесного ореха.

– Ты меня не помнишь? – улыбнулся ему Саймирен. – Моя фамилия Мортон. Мы встречались в доме твоих родителей.

– Может, и помню, – буркнул собеседник.

– У моего друга есть к тебе вопрос.

– Мы можем поговорить наедине? – спросил Альберран, но кузен Летиции лишь помотал головой, наотрез отказываясь выходить. Вот ведь... паршивец! – Ладно. Я тоже был в доме альда Эльгрена и кое-что там обнаружил. Рисунок, который лежал в учебнике. Мне бы хотелось узнать, что он обозначает. Это очень важно.

– Мой рисунок? – ломающимся голосом переспросил Лукас, и Стефан показал ему листок, полученный от врача в морге. – Но это же не он! Хотя очень похож.

– Я не мог забрать тот, – пояснил Альберран. Перегнувшись через его плечо, Саймирен Мортон бесцеремонно глянул, что изображено на бумаге, и со свистом втянул воздух. – Но знак точно такой же.

– Мне неизвестно его значение, – пожал плечами ученик Эрроу. – Он случайно попался мне на глаза. А потом я его зарисовал.

– Случайно? – разочарованно отозвался Стефан. А он-то ожидал узнать куда больше! – Но где именно?

– Ну... – замялся мальчик. – Его вырезали ножиком на дереве. Кто это сделал, я не знаю, но, похоже, кто-то из тех, кто учился здесь до нас.

– Где-то в школе?

– На скамье для наказаний, – опустил глаза в пол альд Эльгрена-младший.

– Что? – заморгал Альберран.

– Практика телесных наказаний заведена с давних пор, – заметил Саймирен. – Или вас там, где вы учились, никогда не секли розгами? Полагаю, вырезать знак на скамье могли на спор.

– И я так подумал! – закивал Лукас Эльгрена. – Но он там давно. Те ребята, что учатся со мной, тоже его видели, но значения никто не знает.

– Давно, – повторил Стефан. Что ж, такое вполне соотносилось с тем, что ему известно. Вырезать знак на скамье для наказаний мог Финнеас Броктонвуд или его приятель в ту пору, когда они были учениками школы Эрроу.

Но к чему им понадобилось ещё и татуировку такую делать? Просто на память? Или же знак символизировал для них что-то особенное?..

– Мне необходимо поговорить с кем-нибудь, кто здесь работал, когда альд Броктонвуд и альд Эрделлин тут учились! – проговорил Альберран, когда Лукас, который больше ничем не мог им помочь, вышел из классной комнаты.

– Нет уж, дудки! – воспротивился Саймирен Мортон.

– Но разве вы не обещали мне посодействовать?

– Речь шла о том, что я провожу вас сюда и помогу встретиться с сыном Эльгренов, что я и устроил. На другое уговора не было. Мне некогда целый день торчать тут с вами! Кузине можете так и передать! – фыркнул молодой человек. – Вообще не понимаю, зачем ей помогать вам делать вашу работу!

– Я расследую два убийства!

– И что вам расскажут сотрудники школы, которую Финн и Джером давно покинули? Назовут имя убийцы? Не смешите меня!

– Однако они могут знать что-нибудь о знаке с рисунка!

– С чего бы? – бросил Саймирен. – Знак явно на спор вырезали на деревянной скамейке, где нас, потомков древних родов, подвергают унижительному наказанию! Откуда учителям и воспитателям, которые находятся по другую сторону баррикад, знать о том, что этим хотели сказать их подопечные?

Стефан с неохотой признал, что собеседник прав, и они покинули школу. На обратном пути Альберран хмуро смотрел в окно кареты и вдруг изумлённо приоткрыл рот. Пасторальный сельский пейзаж, который расстилался перед ним, он уже видел прежде – на открытке, которую незадолго до того, как его убили, получил Джером Эрделлин.

Глава 22

Следующая встреча Стефана и Летиции Мортон состоялась на кладбище. На похоронах Финнеаса Броктонвуда. Как невесте покойного ей надлежало присутствовать, и девушка выглядела такой хрупкой и одинокой в закрытом чёрном платье, что у Альберрана сердце сжималось. Как бы он хотел стоять с ней рядом, держа её за локоть! Но вместо него возле неё находился Саймирен Мортон, тоже облачённый в траурный костюм.

Стефан старался быть неподалёку и видел, как другие присутствующие здесь посматривали в её сторону. Как перешёптывались, наверняка упоминая её имя. Но она оставалась безучастной. Ни на кого не смотрела. Когда к ней подходили выразить соболезнования, отвечала односложно.

Речь священнослужителя была недолгой. Он говорил о молодости убитого, о несправедливости судьбы, забравшей его жизнь, а также о правосудии. Альберран почти не слушал.

Затем кладбищенские работники приступили к делу. Гроб из дорогого красного дерева опустили в развёрстную могилу, к которой начали подходить люди, чтобы бросить туда горсть земли. Летиция тоже подошла. Альберран не видел её лица за плотным кружевом вуали, но заметил, как дрогнула затянута в чёрную перчатку рука, когда девушка разжала пальцы. Но, когда она отходила, её спина оставалась, как обычно, прямой, а осанка гордой и несгибаемой.

Следующим к могиле приблизился её кузен. Глядя на него, Стефан вспоминал их недавнюю поездку в школу Эрроу. Что-то – кроме того, что таинственный знак обнаружили вырезанным на скамье для наказаний, а тамошний пейзаж оказался тем же, что и на открытке с угрозами – насторожило его тогда. Поведение его проводника? Неужели Саймирен мог быть как-то связан с убийствами?..

Разумеется, члены семьи Броктонвудов – Берланд, Фабиана и Анайрин – здесь тоже присутствовали. Родственников покойника, кроме них, не было. Должно быть, ещё не успели приехать из дальних колоний.

Фабиана и её супруг организовали также и поминки в особняке Броктонвуда, но Альберрана на них не пригласили. А альда Мортон и сама отказалась ехать. Он видел, как она покачала головой, отвечая на вопрос об этом, и направилась к своему экипажу. А затем поспешил за ней, надеясь успеть. Услышав его оклик, Летиция обернулась и откинула вуаль. Её лицо

выглядело бледным. Казалось, будто её что-то тревожит, и сотрудник Службы Правопорядка искренне пожалел о том, что не умеет читать мысли.

– Мы можем поговорить? – спросил он.

Когда они оказались в её карете, Стефан, поборов желание дотронуться до её руки, промолвил:

– Вот и похоронили альда Броктонвуда.

– Да, – откликнулась Летиция Мортон. – Но ещё ничего не закончено. Ведь убийца пока не найден.

– Не найден, – со вздохом согласился Альберран.

– Вам удалось что-нибудь выяснить, когда вы ездили в школу?

– Разве ваш кузен вам ничего не рассказал?

– Нет. Знаете, он даже обещанных денег не потребовал. Очень странно.

– Может, запомнил? – предположил Стефан, снова вспомнив, каким нервным был Саймирен Мортон, когда они покидали Эрроу.

Он вкратце рассказал Летиции о том, что услышал от Лукаса Эльгрена, а также о своих догадках.

– Так вы считаете, что разгадку этих двух убийств нужно искать в прошлом? В тех временах, когда Финнеас и Джером Эрделлин учились в школе? – удивилась собеседница. – Вам действительно не даёт покоя эта их татуировка?

– Но ведь неспроста же они её сделали!

– Возможно, это действительно всего лишь дань моде на татуаж.

– Тогда почему альд Эрделлин водил меня за нос, ничего не сказав о том, что и сам имел точно такую же?

Девушка пожала плечами.

– Вот и я не понимаю. Сейчас у него уже не спросишь. Увы, некромант и в его случае оказался бессилён. То ли покойные не захотели ничего рассказывать, то ли подходящий момент был упущен. Я в этих делах не разбираюсь.

– А в спиритические сеансы вы верите? – спросила вдруг Летиция.

– В спиритические сеансы?

– Меня недавно приглашала на такой сеанс одна знакомая. Весьма экзальтированная дама. Она собирается вызвать дух Финнеаса Броктонвуда и узнать у него имя его убийцы.

– Хммм... – Альберран в задумчивости почесал подбородок. – И что вы ей ответили?

– Пока ничего. Сказала, что подумаю. Мне пойти?

– Если посчитаете нужным. Спиритизм – не магия, официально его не признали. Среди тех, кто предлагает за деньги вызвать чей-то дух, множество шарлатанов. Некоторых мне даже приходилось арестовывать. Однако пока он в моде, особенно, как я слышал, в высшем свете.

– Вы правильно слышали, – улыбнулась в ответ альда Мортон. – Я, конечно, сомневаюсь, что Финнеас даст ответ на вопрос. Но на сеанс, пожалуй, всё-таки пойду – вдруг услышу что-нибудь стоящее внимания.

– А кто там ещё будет?

– Думаю, несколько человек, хорошо знавших его. Я бы могла взять вас, но, боюсь, мне не позволят. Будь это мой дом...

– Не волнуйтесь. Вы ведь мне расскажете, что там будет? Кстати, можете пригласить и своего кузена. Он ведь достаточно хорошо знал покойного, так? В школе Эрроу они обучались в одно время, я не ошибаюсь?

– Верно, – взглянула на него Летиция. – Саймирен ровесник Финнеаса. Он вам сам сказал?

– Нет, – хмыкнул Стефан Альберран, услышав подтверждение своей догадки. – Мне почему-то так подумалось. Но они не были близкими друзьями?

– Насколько я знаю, они дружили, однако только до моей помолвки. Кузен обиделся на то, что отец не захотел оставить ему своё наследство. Саймирен ещё тогда предлагал себя мне в мужа, но получил отказ от моего отца.

– Выходит, Финнеас Броктонвуд перешёл ему дорогу, из-за чего перестал быть другом вашего кузена?

– Получается, что так.

Стефан задумался и попросил высадить его у конторы Службы Правопорядка, мимо которой они как раз проезжали.

Там его ожидал внезапный сюрприз.

– К вам посетительница! – сообщили Альберрану, едва он переступил порог.

– Вы? – удивился Стефан.

Шалини – или Шанталь – казалась совсем другой в простой белой блузке с тёмно-серой юбкой весьма приличной длины и гладко забранными под шляпку волосами. Так её экзотическая внешность меньше бросалась в глаза, и всё же перепутать эту девушку с уроженкой королевства было бы невозможно. Даже без ярких румян и других женских ухищрений её лицо выглядело ярким и ошеломляло своей красотой.

– Вы хотите что-то мне рассказать? – спросил Альберран, садясь

напротив. Он всей душой надеялся услышать положительный ответ. – О Финнеасе Броктонвуде?

– Да, – кивнула Шанталь, покусывая пухлую нижнюю губу. Должно быть, эта её бессознательная привычка сводила мужчин с ума, но Стефан, будучи по уши влюблённым в другую, отреагировал совершенно спокойно. – Я кое-что вспомнила.

– Я весь внимание.

– Видите ли, я уже говорила, что альд Броктонвуд не слишком-то со мной откровенничал. Мы с ним встречались... не для разговоров. Но иногда что-то проскальзывало. Какие-то фразы, обмолвки. Ведь каждый человек нуждается в том, чтобы делиться с другими своими мыслями и новостями.

– Вы правы, – отозвался Альберран. Его собеседница изучала человеческую психологию не по книгам, а на личном горьком опыте, но неплохо разбиралась в ней. – И о чём же он вам поведал?

– Это было незадолго до... До того, что с ним произошло. Альд Броктонвуд рассказал, что недавно помирился со старым знакомым. Или со старым недругом. В общем, с кем-то, с кем ранее находился в плохих отношениях.

– Вот как? – Стефан подался вперёд, вглядываясь в тёмные, как ночное море, глаза девушки. Её слова показались ему очень важными для расследования – он точно уцепился за долгожданную ниточку, которая, сплетаясь с другими, могла привести к разгадке. – Но никаких подробностей вы от него не слышали? Ни имени, ничего?

– Нет. Имя он не назвал. Только ещё кое-что...

– Что?! – нетерпеливо поторопил её Альберран.

– Он сказал, что учился вместе с тем человеком в школе.

Стефан взволнованно вскочил на ноги. Вот оно! Все дороги вели в школу Эрроу!

Ещё в пору обучения кто-то вырезал на деревянной скамье таинственный знак. Один из убитых: Финнеас Броктонвуд или Джером Эрделлин? Или некий неизвестный человек, может быть, даже сам убийца? А ещё пейзаж на открытке – сейчас Альберран не сомневался, что это не являлось всего лишь совпадением. Отправляя будущей жертве открытку с угрозами, преступник не только текстом, но и изображением на ней хотел напомнить Эрделлину о чём-то, что имело отношение к школе.

Убийца всё тщательно продумал, выбрал подходящую открытку, потратил время на вырезание букв из книги. В этом деле не было совершенно ничего случайного за исключением разве что свиста в ночном

саду. Тот, впрочем, вполне мог оказаться условным сигналом. Но для кого? Неужели действовал ещё и сообщник?

Эти размышления снова возвращали к вопросу, почему такое же послание не обнаружено в особняке Броктонвуда, раз уж причина случившегося с ним лежала в прошлом.

– Я помогла вам? – спросила Шанталь.

– Да! – обернулся к ней Стефан. – Да, вы мне очень помогли. Благодарю вас!

– Рада, если так, – отозвалась она.

– Скажите... – он замялся, не зная, как правильно сформулировать вопрос, чтобы не причинить им ей ещё больше внутренней боли. – Тот ваш синяк... Альд Броктонвуд груб с вами обращался?

Девушка вскинула на него взгляд. На какое-то мгновение Альберран подумал, что она не станет отвечать. Однако собеседница ответила.

– Вы угадали, – проговорила та, которую когда-то звали Шалини. – Ему нравилось быть жестоким. Но альд Броктонвуд всегда щедро расплачивался за то, что делал. И умел вовремя себя останавливать. Ему не хотелось сломать свою игрушку... слишком быстро.

Стефан не знал, что сказать. Внутри него клокотала ярость, не находящая выхода. Казалось, если бы сейчас перед ним появился Финнеас Броктонвуд, он убил бы его ещё раз.

Подумалось о Летиции Мортон, помолвленной с ним. Альберран не сомневался, что, стань она супругой убитого, её ожидала бы такая же судьба. Ведь жена фактически становится собственностью мужа, обещая в брачной клятве повиноваться ему, а у неё нет ни отца, ни брата. Разве что кузен, на которого едва ли можно положиться.

Разумеется, поначалу она бы сопротивлялась изо всех сил, но как много времени понадобилось бы Броктонвуду на то, чтобы сломить её дух, сделать прежде независимую и сильную девушку покорной и ко всему безразличной? Он мог бы даже свести её с ума или объявить обезумевшей, запереть в клинике для душевнобольных. Мог бы шантажировать детьми, когда те бы у них появились, ведь после развода их чаще всего оставляют с отцом, а не с матерью.

– Пожалуйста, не позволяйте больше никому так к вам относиться, – сказал Стефан, надеясь, что для Шанталь ещё не всё потеряно в этой жизни, которая оказалась к ней так безжалостна. Ничего не ответив, она поднялась и направилась к двери. – И спасибо вам ещё раз.

Когда девушка вышла, его мысли вернулись к недавнему разговору с альдой Мортон. Не к словам о спиритическом сеансе, к которым Альберран

не питал доверия, а к тому, что она сказала про своего кузена и его отношения с её покойным женихом. В школе они дружили, а затем отец Летиции предпочёл племяннику Финнеаса, и тот, получив от ворот поворот, наверняка затаил злобу на удачливого соперника.

Достаточный ли мотив для убийства?..

А если ещё вспомнить слова Шалини про старого школьного знакомого, с которым якобы совсем недавно помирился Броктонвуд... Но почему именно сейчас? Если Саймирен Мортон убийца, отчего он ждал так долго и выбрал именно это время для того, чтобы нанести удар? А Джером Эрделлин? Устранили его из-за того, что он догадался об истинном виновнике и вымогал из того деньги, или же у преступника имелась и какая-то иная причина расправиться с приятелем Финнеаса?

Глава 23

Летиция стояла у окна, ожидая, когда за ней заедет кузен, с которым она заранее договорилась о встрече. Шёл мелкий дождь, привычный всем жителям столицы. Капли медленно скатывались по стеклу, мерный шелест казался негромкой музыкой.

Посетить вместе с ней спиритический сеанс в доме одной увлечённой этим светской особы Саймирен согласился без всяческих возражений. Летти почти не узнавала своего кузена – очень уж странно он себя начал вести. Неужели поездка в школу с господином Альберраном так на него повлияла? Но почему? Всколыхнула старые воспоминания о том времени, когда они с Финнеасом Броктонвудом ещё были друзьями?

Летиция вспоминала, как нелегко оказалось принять тот факт, что она – или её наследство? – стала камнем преткновения между этими двумя. Но тогда всё решал отец, а он не желал оставлять своё имущество племяннику, который и без того получал всё, что переходило от одного старшего сына семейства Мортон к другому. Да и доверия Саймирен не заслуживал, никакого интереса к коммерции не проявлял. Что же касается их отношений, то она всегда надеялась, что он станет для неё братом, поскольку родных братьев и сестёр у неё нет. Однако семья её дяди настаивала на том, что ему следует войти в её дом зятем, а не оставаться просто кузеном.

Со вздохом Летти коснулась ладонью прохладного оконного стекла. Мысли вернулись к письму Джерома Эрделлина. Она в отчаянии перерыла весь кабинет, горько сожалея о том, что не уничтожила послание шантажиста и не забрала его с собой, а заперла в ящике стола. Подозревать работников чайной не хотелось. Если они, много лет прослужив в «Чаях и сладостях», могли пойти на предательство, как однажды её камеристка, то кому тогда вообще можно доверять?

Слова Доркас о маленьких человечках в кладовой... Они ей наверняка попросту примерещились. А если нет? В голове забрезжило смутное воспоминание. О чём-то, что могло быть как художественным вымыслом, так и скрытой от людей правдой.

«Они тебе помогут, они совсем малы...» Кажется, это стихи из детской книжки, которую ей когда-то читали на сон грядущий. Продолжение Летиция не помнила. Что-то вроде «...ты щедро заплати». Будь у неё время, она могла бы поискать эту книгу прямо сейчас, но опаздывать на

спиритический сеанс тоже не следовало.

Появился Саймирен Мортон, и Летти, услышав его шаги, обернулась. Подумалось, что она с большим удовольствием составила бы компанию не ему, а Стефану. Но, увы, едва ли его приняли бы в том доме, где её ждали.

– Выглядишь усталой, – заметил он, смерив взглядом облачённую в унылое тёмно-фиолетовое платье фигуру девушки.

– Ты тоже, – отозвалась Летиция. Это не являлось просто парированием его слов. Вид у кузена действительно был не ахти. Шейный платок повязан криво, под глазами синяки, точно несколько ночей не спал. – Что ж, пойдём.

– Неужели ты веришь в то, что в самом деле получится вызвать дух Финнеаса? – спросил Саймирен.

– Нет, не верю, – призналась Летти. – Но мне любопытно, что из этого выйдет. К тому же, я прежде не бывала на таких сеансах.

– Спиритические сеансы – развлечение для аристократов, которым больше нечем себя занять, – криво усмехнулся собеседник. – А тебе развлекаться некогда, дорогая кузина. Ты ведь почти всё время проводишь на работе.

– Зато у меня есть дело по душе, – твёрдо проговорила она и, расправив плечи, зашагала к выходу.

В карете они оба молчали. Стараясь не думать, всплывёт ли когда-нибудь пропавшее письмо, о котором Стефан Альберран так ничего и не узнал, Летиция комкала в ладонях носовой платок. Кузен с ней больше не заговаривал.

Оказалось, что в дом альды Мэриан Хоули они прибыли самыми последними. Все остальные приглашённые уже собрались. Летти чувствовала на себе их полные любопытства взгляды так же, как и на похоронах. Она не думала, что все эти люди могли подозревать её в преступлении, но роль невесты убитого притягивала к ней неизбежное внимание. Оставалось лишь надеяться, что со временем они отвлекутся на что-нибудь другое и перестанут интересоваться ею.

– Альда Мортон, альд Мортон, как мы вам рады! – воскликнула хозяйка дома. Её кожа была смугловатой от природы, и женщина так старалась скрыть изъян, что переводила уйму пудры, делавшей её похожей на мима с белым лицом. Да и чёрно-красное платье на ней казалось скорее подходящим для театральных подмостков, чем вечерним нарядом. Видимо, она тщательно готовилась к этому вечеру и продумала каждую мелочь. – Позвольте угостить вас кларетом перед тем, как приступим к тому, ради чего мы все здесь сегодня собрались.

Летиция согласилась и вдохнула аромат дорогого красного вина из поданного ей бокала. В роскошно обставленной гостиной альды Хоули жарко протопили камин, и хотелось чем-нибудь обмахнуться, чтобы хоть немного разогнать духоту. С тоской покосившись на запертые окна, девушка взглянула на Саймирена, который выглядел так, будто находился не в своей тарелке, хотя обычно светское общество привлекало его, а не тяготило. Свой бокал он осушил одним глотком. Над его верхней губой поблескивали капельки пота.

«Почему он так сильно нервничает? – задалась вопросом Летти. – Неужто и вправду верит, что дух Броктонвуда откликнется на призыв? Если бы спиритизм признали официально, он и тогда вызывал бы немалые сомнения».

– Если хочешь, мы уйдём, – сказала Летиция кузену так тихо, чтобы больше никто не услышал.

– Нет уж, – отозвался он, упрямо закусывая нижнюю губу. – Мы останемся. Или боишься?

– Вот ещё! – фыркнула она. Духов Летти не боялась. Иначе наверняка предположила бы, что письмо из ящика стола в её кабинете выкрал сам Джером Эрделлин – вернее, его призрак. Но, несмотря на загадочность случившегося, она так не считала. – Идём!

– У нас есть говорящая доска! – торжественно провозгласила альда Хоули. – А потому мы вполне можем обойтись без медиума! – добавила она, и Летиция с облегчением вздохнула. – Справимся и своими силами, замечательно, не так ли?

Высокий голос хозяйки дома звучал назойливо, как писк комара. Поморщившись, Летти под руку с Саймиреном направилась к большому круглому столу, на котором уже лежала упомянутая доска. Выглядела она совершенно безобидно – вспомнилось, что изначально её изобрели как домашнюю игру, а вовсе не для вызова душ умерших. Такая идея пришла кому-то в голову позже, и её тут же активно подхватили другие заинтересованные в спиритизме, который, как и гипноз, становился всё более популярным. Заняв место рядом с кузенком, девушка сделала глубокий вдох и подумала, что от жары в комнате вполне можно потерять сознание.

Кратко объяснив правила для тех, кто не был с ними знаком, альда Хоули цепко ухватилась за ладонь Летиции, слегка царапнув её ногтями. Вторую руку взял Саймирен. Его влажные пальцы заметно подрагивали.

– Мы взываем к духу покойного Финнеаса Броктонвуда! – громко произнесла Мэриан Хоули, когда все расселись по местам. – Мы хотим

услышать ответы на наши вопросы! И мы их услышим!

«Я бы не была так уверена», – скептически подумала Летти и, повинувшись указаниям альды Хоули, протянула одну руку к планшетке-указателю. То же самое сделали и остальные. На их лицах читалось предвкушение, кто-то в волнении облизывал губы, кто-то часто моргал, не сводя взгляда с лакированной поверхности доски, на которую чёрной краской были нанесены буквы алфавита, цифры от нуля до девяти, а также слова «Да» и «Нет».

Мэриан Хоули как организатор спитиритического сеанса начала задавать вопросы, первым из которых, как и следовало ожидать, являлся «Здесь ли ты, дух Финнеаса?»

Когда планшетка под её пальцами шевельнулась, Летиция вздрогнула. «Кто-то наверняка её двигает, – решила она. – Должно быть, сама альда Хоули».

– Он отвечает нам! – возбуждённо зашелестели голоса. – Он говорит «Да»! Он здесь!

Острый конец планшетки, которая медленно заскользила по доске, указывал на утвердительный ответ. На лице хозяйки дома появилась торжествующая улыбка. Покосившись на кузена, Летти увидела, что он побледнел.

– А теперь мы просим тебя сообщить нам имя твоего убийцы! – экзальтированно вскричала альда Хоули. Летиция поморщилась. Похоже, та вообразила себе, что душа Броктонвуда, не задержавшаяся в его теле, чтобы поговорить с некромантами, выдаст все свои секреты здесь и сейчас.

Указатель двинулся к одной букве, затем к следующей, и каждую из них следовало повторить вслух и запомнить. Летти пыталась разобраться, кто сильнее нажимает на планшетку и двигает её в нужном направлении, но не выходило. Накалённого огнём камина воздуха не хватало, и девушке казалось, что она вот-вот задохнётся.

Третьей буквы не последовало. Их оказалось всего две, и те образовывали короткое слово. «Он».

– Так неинтересно, – разочарованно произнёс кто-то из присутствующих.

– Зато теперь мы знаем, что убийца мужского пола! – ответила Мэриан, улыбаясь уже не так довольной. – И это снимает все подозрения с альды Мортон! Вы сейчас чувствуете облегчение, верно ведь, дорогая?

Теперь все смотрели на Летицию. Смотрели открыто, не таясь. Смотрели так, будто ожидали, что она вот-вот начнёт оправдываться или расскажет что-нибудь непристойное.

Но Летти молчала, и пауза затягивалась всё сильнее.

А затем неизвестно откуда взявшийся – окна-то ведь так и не открыли – сквозняк налетел и погасил все свечи.

Раздались крики – больше взволнованные, чем напуганные. Девушка ощутила, как её схватили за локоть, но испугаться не успела. К уху почти прижались губы Саймирена.

– Поднимайся! Мы уходим! – шепнул он ей. – Хватит с меня этого фарса!

Кузен потянул её за собой к выходу, и она последовала за ним, понимая, что не желает ни оставаться здесь, ни официально прощаться с хозяйкой и прочими. Они спустились на первый этаж, пройдя мимо удивлённых слуг, и дворецкий распахнул перед ними тяжёлую дверь. На улице уже стемнело, а воздух, который Летиция жадно глотнула, вырвавшись из душного плена, показался свежим и сладким.

– Теперь ты можешь считать меня своим рыцарем! – проговорил Саймирен.

– Одного спасения недостаточно! – откликнулась Летти, и они оба рассмеялись. Почти беззаботно. – Я отвезу тебя домой.

– Может быть, ты хотя бы сегодня переночуешь у нас?

– Спасибо за приглашение! Но я хочу остаться одна и хорошенько отдохнуть. Завтра на работу.

– Конечно, ты ведь у нас занятая барышня, это я бездельник! – проворчал он.

На провокацию она не поддавалась и вскоре, миновав лабиринты тёмных улиц, оказалась в тишине родного дома.

Глава 24

Приём в столичном особняке Рохана Чаудхари как оказалось, назначен уже на следующий вечер после спиритического сеанса. Вспоминая, как там на неё смотрели, Летиция засомневалась, а стоит ли ей снова – второй день подряд – выходить в свет. Правильно ли она поступает? Может быть, лучше никуда не идти, сказавшись больной? Но она обещала, к тому же, он её поставщик, и отношения между ними исключительно деловые...

Исключительно?.. Летти вспомнила свои мысли о князе, которые казались почти неприличными, и почувствовала, что краснеет. Но ведь ему-то ничего об этих её тайных мыслях неизвестно!

Будто бы догадываясь об её колебаниях, князь Чаудхари отправил ей ещё одно прямо благоухающее письмо с напоминанием о приёме. Вполне благопристойное и сдержанное в выражениях, но отчего-то, когда девушка читала его, её сердце стучало непривычно-взволнованно. Так, словно она сжимала в пальцах первое в её жизни любовное послание.

«Я пробуду там недолго», – клятвенно пообещала себе Летиция. Для сегодняшнего вечера она решила немного разбавить ненавистный траур, остановив свой выбор на отделанном чёрным кружевом серовато-зелёном платье, которое ей очень шло. Волосы с помощью горничной убрала в высокую причёску и, стоя у зеркала, признала, что выглядит хорошо.

Пожалуй, даже слишком хорошо для молодой особы, которая лишь недавно потеряла жениха.

Но тут уж она не могла ничего поделать. Притворные страдания Летти разыгрывать не хотелось, они претили ей. Да и не обязана она делать вид, будто безумно горюет по Финнеасу Броктонвуду.

Особняк, которым владел – или арендовал – князь оказался великолепным. Расположенный в одном из самых респектабельных районов города, он был ярко залит огнями и казался настоящим дворцом. В сравнении с ним большой и причудливый дом самой Летиции выглядел довольно скромно.

Хозяин принимал гостей в огромном бальном зале, где звучала негромкая музыка и курились благовония из Хинду. Сам Рохан Чаудхари, как и на конной прогулке, предпочёл национальной одежде своей родины отлично сшитый костюм по здешней моде. И нельзя было не признать, что из всех присутствующих мужчин выглядел самым привлекательным и элегантным.

Когда он приблизился к Летти, и его взгляд одобрительно скользнул по её платью, она почувствовала, что краснеет.

– Я и не знала, что у вас столько знакомых в королевстве, – с изумлением проговорила Летиция.

– Как видите, – обезоруживающе улыбнулся князь.

– Мне казалось, что...

– Что такие, как я, не должны входить в столичное привилегированное общество?

– О, я вовсе не то хотела сказать... – Летти отчего-то почувствовала стыд и растерянность. – Я и не думала обидеть вас.

– Я не обижен. Что же касается всего прочего... Можно сказать, что я живу на две страны, причём с детства. Это долгая история. Возможно, когда-нибудь я вам её расскажу.

– Буду рада выслушать, – ответила она ему и отошла в сторону, когда поприветствовать хозяина поспешил только что прибывший гость.

В окружении столичных аристократов Рохан Чаудхари действительно был точно рыба в воде. Он держался непринуждённо в то время, как сама Летиция ощущала себя скованно и неуверенно. Ей казалось, будто все смотрят на неё, пронзая взглядами и обсуждая её платье, которое ничего общего не имело со строгим трауром.

– Я приготовил для вас сюрприз! – объявил князь, дождавшись, когда соберутся все гости. – Сегодня перед нами выступит прекрасная Шанталь – поистине жемчужина среди танцовщиц. Прошу любить и жаловать!

На округлое возвышение, возле которого играли музыканты, вышла девушка, облачённая в яркий наряд, не скрывающий гармоничного сложения и соблазнительных изгибов смуглого тела. Летти вздрогнула, обнаружив, что та кажется знакомой. Она видела её на фотографии, которую показывал Стефан Альберран.

На фотографии вместе с Финнеасом!

«Князь Чаудхари не мог этого знать, – подумала Летиция, глядя на девушку, чья безупречная, словно цветок лотоса, красота затмевала анемично-бледных молодых альд, которые нервно обмахивались веерами в то время, как взоры их спутников выражали одно лишь восхищение. Сейчас казалось очевидным, что танцовщица, несмотря на имя, которым её представили, соотечественница князя. – Он пригласил её не специально, а лишь для того, чтобы развлечь гостей».

Музыка стала громче, сменив мотив на более быстрый, и девушка начала танец, который притягивал и завораживал. Она двигалась с удивительной грацией, так быстро и плавно, что равнодушным не смог

остаться никто. Кроме, пожалуй, самого хозяина вечера, который казался скорее безучастным, нежели заинтересованным. Впрочем, для него подобное зрелище – не экзотика. Его танцовщицами из Хинду не удивишь.

Летиция Мортон тоже смотрела выступление, думая о том, что Шанталь – или как её на самом деле зовут – слишком хороша для такого, как Финнеас Броктонвуд.

– Надеюсь, вам понравилось, – проговорил Рохан Чаудхари, когда аплодисменты смолкли, и девушка, поклонившись зрителям, покинула зал. На его лице появилась улыбка. – А теперь настало время потанцевать и нам.

С этими словами он направился в сторону, где стояла Летти, и, чем ближе подходил, тем яснее ей становилось, что князь идёт к ней. Она даже оглянулась по сторонам в надежде, что заблуждается. Но не ошиблась.

– Позвольте вас пригласить! – Рохан Чаудхари протянул ей руку. Пауза грозила затянуться, и Летиция, в которой боролись желания согласиться и отказаться, вложила пальцы в его ладонь.

Он повёл её в центр зала и закружил в танце. Лица окружающих сливались в одно. Летти казалось, будто подошвы её туфель на невысоких каблучках вот-вот оторвутся от пола, и она взлетит к высокому потолку. Но руки мужчины держали крепко – крепче, чем держат нить воздушного шарика, боясь его отпустить. Они танцевали, и пышная юбка её платья вздымалась колоколом вокруг ног.

Когда музыка стихла, князь отпустил её и вежливо поклонился.

Тяжело дыша после танца, Летиция потянулась к подносу проходящего мимо официанта за стаканом холодного лимонада и услышала невдалеке шёпот «Тело жениха ещё не остыло, а она...» Это тут же спустило с небес на землю. Не стоило забывать о светских сплетниках, которые после случившегося с Броктонвудом никак не желали оставлять её в покое.

Жадно опустошив бокал прохладительного напитка и даже не почувствовав его вкуса, Летти покинула зал. Она не знала, куда идёт, но, наткнувшись на тяжёлую дубовую дверь, толкнула её. И очутилась в библиотеке. Тут было прохладно и тихо. Но так же, как и в зале, дымились благовония, а со стены смотрел портрет Рохана Чаудхари.

Совсем юного – таким Летиция его не знала.

А спустя несколько минут и он сам появился в дверях.

– Я чем-то вас обидел? – спросил он.

– Нет, – покачала головой Летти. Она не знала, как объяснить собственное замешательство, охватывающее её от одной мысли о

непозволительных чувствах, которые она испытывала к этому человеку, чьи тёмные глаза не отпускали её даже тогда, когда он смотрел в другую сторону. – Мне просто захотелось посмотреть на вашу книжную коллекцию.

– В таком случае предлагаю вам взглянуть на кое-что, – с усмешкой заметил он и провёл её к столу, на котором лежали книги и бумаги. Летиция раскрыла страницы внушительного с виду тома и приглушённо ахнула, увидев иллюстрации, на которых с поразительным вниманием к деталям были изображены обнажённые мужчины и женщины, слившиеся в вызывающе-непристойных позах, повторить которые наверняка не каждый акробат бы сумел. – Перед вами один из древнейших трактатов о любви.

Летти обернулась к нему.

– Вы нарочно подсунули мне эту книгу!

– Не мог удержаться от искушения полюбоваться вашими заалевшими щёчками.

– И вам это удалось! – Летиция закрыла лицо руками, чувствуя себя донельзя смущённой всем происходящим. Они тут наедине, в интимном полумраке, а совсем рядом танцуют и веселятся его гости, разносят напитки слуги, снова звучит громкая музыка.

– Тогда – помните? – я спрашивал у вас, любили ли вы своего жениха. Сейчас спрошу по-другому. Вы любили когда-нибудь? Не родителей или других родственников, не подруг и не домашних питомцев, а иначе, – произнёс князь Чаудхари, и сердце Летиции сбилось с ритма – так, будто они снова танцевали, а не стояли на месте.

«Сейчас он прикоснётся ко мне, – с пугающей ясностью осознала Летиция. – Может быть, даже поцелует. И я... я...»

Она не станет сопротивляться. Не оттолкнёт его. Отбросит приличия, как змейка старую кожу.

Как стыдно. И... как удивительно.

Летти зажмурилась так сильно, что выступили слёзы. Не открывая глаза, она почувствовала, как до её щеки дотронулись сильные длинные пальцы. Погладили нежную, не тронутую румянами кожу и спустились ниже, задев выбившийся из причёски локон, щекотно скользнувший по лицу.

Дышать становилось всё тяжелее. Сладкий аромат благовоний туманил разум, не оставляя ни единого просвета для здоровой мысли. Летиции казалось, что всё её тело плавится, как свеча, от жара, который исходил от князя.

Весь он был воплощённым огнём, а ей так давно хотелось согреться.

Его губы оказались нежными и настойчивыми. Они не спрашивали позволения, а уверенно брали своё, сметая даже малейший намёк на сопротивление. Летти разомкнула губы, неумело отвечая на поцелуй, который кружил голову и заставлял чувствовать себя хрупким цветочным лепестком, подхваченным ветром.

Рохан Чаудхари зарылся пальцами в её волосы, вытаскивая из причёски шпильки одну за другой, и те с негромким звоном падали вниз.

– Моя пэри, моя рани, – горячо зашептал он, опалая жарким дыханием её кожу, перемежая слова родного и чужого языка. Летиция не знала, что означают эти нежности, но они, как и его голос, звучали тягуче и сладко – точно мёд с корицей. И так просто оказалось поддаться соблазну, вверя себя на милость победителя... Его ладонь легла на её талию, тонкую даже без корсета. Губы коснулись мочки уха, скользнули ниже, и девушка невольно ахнула, когда ему удалось найти особо чувствительное местечко на её шее.

Сквозь ткань платья и нижнего белья она ощущала, как её грудь тесно прижимается к его груди, как его горячие руки поглаживают её спину и снова спускаются к талии, крепко обхватывая её, заключая в нежные оковы объятий. Ничего подобного Летти никогда в жизни не испытывала. Её давно минувшая полудетская влюблённость в альда Броктонвуда теперь представала лишь бледной тенью того, что она чувствовала сейчас. Тогда не было ни обжигающей страсти, ни иссушающей губы жажды, когда кажется, что она умрёт, если князь не поцелует её снова. И он целовал, щедро делясь с ней своим теплом, которое перетекало из его тела в её, так чутко и податливо откликавшееся на каждое прикосновение.

Глава 25

Алиби на ту ночь, когда убили Джерома Эрделлина, у Саймирена Мортонна не было. На вопрос, который Стефан Альберран ему задал, заехав по известному ему с недавних пор адресу, тот заявил, будто мирно почивал дома, но никто не мог этого подтвердить. Ни его почтенные родители, которые ушли спать раньше сына, ни живущая в том же доме его тётушка Пруденс, ни слуги. За завтраком он присутствовал, однако данный факт ещё не говорил о том, что не только утро, но и всю минувшую ночь кузен Летиции провёл в собственной постели. Увы, на роль подозреваемого он – с учётом того, что рассказала Шалини – подходил идеально.

Зачитывая молодому аристократу его права, Стефан с тоской думал о том, что теперь, когда он упрятал за решётку её родственника, у него и вовсе не осталось никаких шансов завоевать сердце любимой девушки. Но что поделаешь, если у того имелся мотив? Проверка текущего финансового состояния альда Мортонна не заняла много времени. Как выяснилось, он промотал почти всё фамильное состояние, да и отец его, тоже не на шутку увлечшись азартными играми, не отставал от сына. Им обоим невыносимо оказалось смотреть, как всё, чем после смерти родителей единолично распорядилась Летиция, уплывало в чужие руки – руки Финнеаса Броктонвуда. Пусть отцовское завещание и учитывало в первую очередь её интересы, выгоду от брака с ней сложно было переоценить. Ведь не бросила бы она семью мужа в бедственном положении?

Саймирен упорно всё отрицал. На вопрос, когда он в последний раз встречался с альдом Броктонвудом, пожал плечами и заявил, что требует адвоката. Дескать, пока тот не придёт, он больше не желает разговаривать с представителем Службы Правопорядка, который, следуя правилам, доставил его в контору – в специальную комнату для допросов, такую давящую и мрачную, что самому Альберрану тут становилось не по себе, что уж говорить об арестованных.

– Так вы утверждаете, что не являетесь тем человеком, с которым Финнеас Броктонвуд помирился незадолго до того, как его убили? – ещё раз осведомился Стефан, глядя на альда Мортонна, на лице которого, несмотря на прохладу в помещении, выступили капельки пота.

– Ещё раз говорю – нет, не я! Я даже не могу припомнить, когда его видел! Мне нужен адвокат!

– Гмм... Если не ошибаюсь, вам нечем ему заплатить. Не так ли?

– Отец что-нибудь продаст! – проворчал собеседник.

– Боюсь, вам придётся продать дом и перебраться в жилище поскромнее.

– Дом уже заложен!

Альберран невольно присвистнул.

– Прошу вас поднять рукава.

– Зачем?

– Хочу кое-что проверить.

Арестованный неохотно послушался. Стефан затаил дыхание, глядя, как Саймирен Мортон стягивает тяжёлый сюртук, как ползёт вверх ткань рубашки. На аристократически бледной коже знакомая татуировка выглядела чем-то неуместным и чужеродным.

– Почему вы мне раньше не сказали?..

– Вы не спрашивали! – буркнул в ответ кузен Летиции. – Да, она такая же, как у Джерома и Финна. Но это ведь не значит, что я убийца.

– Если не вы, то кто же тогда тот старый недруг, знакомый по школе Эрроу, что недавно встретился альду Броктонвуду?

– Думаете, только я – подходящая кандидатура? Он в школе многих доставал. Любой мог затаить на него обиду.

– Выходит, всё началось в школе, но почему же тогда преступник ждал так долго?

Альберран никак не мог окончательно утвердиться в мысли, что отравление настойкой чилибухи готовили с тех давних пор. Годы, прошедшие с окончания Эрроу, тот человек не виделся с Финнеасом, а затем вдруг помирился с ним, подобрался к нему близко и тогда же наверняка и узнал о любимом напитке бывшего однокашника. Ведь не пил же Броктонвуд золотой шнапс ещё в школьные годы, хотя кто их, богачей, знает. И всё-таки – почему именно сейчас? Убийцу должно было что-то подтолкнуть к действию.

Убийство – месть за школьные обиды? Неужели только в этом причина? Или есть что-то ещё, пока невидимое и тёмное, как скрывающаяся под водой часть айсберга?

– Я не могу вас пока отпустить, альд Мортон, – произнёс Стефан со вздохом. – Увы. Неопровержимых доказательств вашей невинности не имеется, но и вины тоже.

– Вот именно!

– Зато налицо мотив. Ведь сразу же после того, как Финнеаса Броктонвуда отравили, вы поторопились сделать предложение его невесте. Вы же не станете это отрицать?

- Я хотел позаботиться о репутации моей кузины!
- Вы хотели позаботиться о своём кошельке! – довольно жёстко проговорил Альберран. – Вы и не думали о её чувствах, о том, каково ей приходится в такую пору! Могли бы стать для неё братом, хорошим другом, а не тащить немедленно под венец!
- Думаете, таков мой выбор?! Вы не представляете, как на меня давят родители! Называют никчёмным, бесполезным!
- А разве это не так? Вы могли бы пойти работать. Ведь у вас есть образование!
- Альды за деньги не работают, – пробурчал Саймирен.
- Будь на вашем месте Летиция, она ни дня бы не сидела, сложа руки!
- Она и так не сидит! Разве ей жалко поделиться? Могла бы исправить совершенную её отцом ошибку, ведь я – его единственный племянник!
- Когда её отец, будучи вторым сыном в семье, не получил никакого наследства, он не ныл и не попрошайничал, а начал своё дело. И альда Мортон тысячу раз права, что не желает разбазаривать заработанное честным трудом на дармоедов! – припечатал Стефан. – Иначе вы и её без гроша в кармане оставите!
- Да как вы смеете?!
- Я всего лишь говорю вам горькую правду!
- А разве вас только красота моей кузины привлекает к ней? – прищурился собеседник. – Или её солидный банковский счёт тоже имеет значение, а? Особняк в Грантэме? Чайная? Приносящие недурную прибыль лавки по всему королевству?
- Я любил бы её, даже будь она нищей! – произнёс Альберран, впервые сказав вслух о своих чувствах к девушке из другого сословия.
- Все так говорят! – отмахнулся Саймирен, но на лице его вдруг отразилась тоска и боль, тщательно скрываемая до сего момента. Он будто на мгновение утратил над собой контроль, позволив своим настоящим чувствам, которые, как истинный аристократ, упорно сдерживал, прорваться наружу. – Вы не понимаете...
- Не я, а вы не понимаете, альд Мортон! Перестав надеяться на то, что однажды у вас получится отыгаться, вы могли бы найти другой выход, нежели пойти на поводу у родителей и взять в жёну вашу кузину. Вы не Джером Эрделлин, который наверняка не погнушался бы шантажом, и для вас ещё не всё потеряно. Если, конечно, вы не окажетесь убийцей, – добавил Стефан, вспомнив о том, с кем разговаривает и где они находятся. – А мне бы не хотелось, чтобы вы им оказались.
- Правда? – недоверчиво уставился на него собеседник. – Разве вы не

стремитесь закрыть дело? Вас ведь, должно быть, поторапливают найти преступника поскорее.

– Верно. Но я не желаю отправлять на виселицу невиновного человека. А потому помогите мне, альд Мортон. Сделайте всё возможное, чтобы вас перестали считать подозреваемым и выпустили из-под ареста. И для начала расскажите мне, пожалуйста, почему вы с альдом Броктонвудом и альдом Эрделлином решили сделать одинаковые татуировки. Это произошло после окончания школы, так? Но... такой же знак на скамье для наказаний...

– Его вырезал я. Финнеас заставил. Он среди нас троих стал лидером и постоянно подначивал остальных, брал на слабо, понимаете?

– Вот как? И что же он обозначает? Я пересмотрел несколько энциклопедий, но не нашёл.

– И не найдёте. Мы составили вензель из первых букв наших имён, сложив их вместе. Неплохо получилось, правда?

– Правда, – признал Альберран. – Значит, трое друзей. Так?

– Не просто друзей. Лучших друзей. Я и понятия не имел тогда, что мой дядя выберет Финна в мужа Летиции.

– Если вы знали, что он не был достойным человеком, то почему промолчали? Ведь помолвка состоялась ещё при жизни родителей альды Мортон. Значит, вы могли бы сказать её отцу, что Финнеас Броктонвуд – не тот, кому можно отдать руку молодой девушки с хорошим приданым.

– Не мог! – огрызнулся Саймирен. – Такие мысли приходили, конечно. Но Финн догадался, что я могу им наговорить, и начал угрожать мне. Сказал, что у меня и своих грешков хватает. Что мы все крепко повязаны.

– Повязаны чем? – насторожился Стефан.

Кузен Летиции молчал. Казалось, его взгляд – мутный, расфокусированный – был устремлён куда-то вдаль. Может быть, в прошлое, когда он дерзил воспитателям и вырезал на деревянной скамье знак, который они с друзьями придумали?

– Почему вы трое сделали одинаковые татуировки?

– Чтобы напоминала.

– О каком-то событии?

– Нет, – быстро ответил Саймирен Мортон. – Не о чём-то определённом. Просто о нашей давней дружбе.

– Вы чего-то недоговариваете.

– Почему я должен рассказывать вам всё о делах давно минувших дней?

– Потому что они, как я имею веские основания полагать, имеют самое прямое отношение к дню сегодняшнему. К моему расследованию. К двум

убийствам.

– К убийствам тех, о ком никто не заплачет.

– Неважно. Я всё равно должен найти истину. А вы, альд Мортон, можете мне в этом помочь, но отчего-то не хотите.

– Что теперь со мной будет? Узнав о том, что вы меня арестовали, Летиция даст окончательный отказ. Всё кончено.

– Расскажите ей правду. Попросите ссудить вам деньги, которые со временем вернёте. Устройтесь на работу.

– Но моё положение в обществе...

– Вам сейчас нужно думать о том, чем кормить пожилых родителей, а не о своём положении в обществе!

– Отец виноват не меньше меня!

– Вопрос, кто больше повинен в вашем разорении, будете обсуждать с ним. Меня интересует другое. Двое ваших школьных товарищей мертвы. Вы знаете, кого и как изводил Финнеас Броктонвуд в те времена. Кто из них кажется вам наиболее подходящей кандидатурой на роль мстителя?

– Вы думаете, я всех помню?! – изумился Саймирен. – Я о них и думать забыл. Учеников было много, обиженных Финном тоже немало, а с тех пор немало воды утекло.

– Придётся вспомнить. В камере у вас будет время. Не самое уютное место, конечно. Мягких диванов не предусмотрено. А я, пожалуй, ещё раз загляну в Эрроу и посмотрю архив с данными об учениках.

– Так вам его и покажут!

– Сейчас у меня есть основания считать, что убийства напрямую связаны со школьными годами Броктонвуда и Эрделлина, а в том, чтобы разыскать преступника, заинтересована сама королева. Я поговорю с моим начальником. Думаю, он сумеет найти возможность получить бумагу, с которой меня пропустят в святая святых школы Эрроу.

С этими словами Стефан Альберран поднялся, несколько раз прошёлся туда-сюда, разминая затёкшие мышцы, и направился в кабинет альда Кирхилда, по дороге отдав распоряжение отвести арестованного в камеру предварительного заключения.

Глава 26

Новый рассвет застал Летицию сидящей в кресле у окна. Она не сомкнула глаз всю ночь, вернувшись с приёма, откуда сбежала подобно сказочной замарашке с бала. Разве что хрустальную туфельку не обронила, убегая от князя Чаудхари.

Нет. Не от князя. От самой себя.

На его вопрос, любила ли она когда-нибудь, Летиция так и не ответила. Но её тело, глаза, губы всё сказали за неё. Он не мог не почувствовать её неопытности, как не мог не заметить и того, как сильно её влечёт к нему. Вопреки здравому смыслу. Вопреки всему.

Летиция Энн Мортон привыкла быть сильной. Привыкла быть одинокой. Смирилась с мыслью, что после смерти родителей ей не на кого положиться. Не на родственников же, которые хотели от неё только денег. Заботу и поддержку не купишь.

Привыкла, старательно отгоняя тоску о том, чего не имела. О шумной толпе братьев и сестёр, племянников и племянниц, которая оживила бы загородный особняк, слишком большой для неё одной. О человеке, которому можно было бы рассказать о том, как прошёл день, возвращаясь вечерами из «Чая и сладостей».

Но произошедшее на приёме всколыхнуло всё, подняло на поверхность желание разделить с кем-то своё одиночество, заставило мечты ожить и завладеть её мыслями.

А ведь она хотела пригладеться на приёме к другим гостям! Особенно, разумеется, к тем, которые знали Финнеаса Броктонвуда и могли быть причастны к его смерти. Но выступление Шанталь, танец с князем и то, что случилось в библиотеке, привели к тому, что Летти совсем забыла о своих планах.

Она коснулась кончиками пальцев губ, которые всё ещё казались припухшими от страстных поцелуев. Дурманящих и круживших голову, как напоённое жарким солнцем вино. Когда князь Чаудхари целовал её, Летиция не думала даже о том, что кто-то может войти в библиотеку и увидеть их. Но на улице вдруг взорвался фейерверк, и громкий звук заставил опомниться, отшатнуться, разрывая объятия. Она подошла к окну и почувствовала, как последовавший за ней мужчина встал позади, и его руки легли на её плечи.

В небе словно распускались огненные цветы. Всех цветов радуги,

огромные и яркие, они поражали воображение. Летти затаила дыхание, ощущая, как дыхание Рохана Чаудхари ерошит волосы на её макушке.

– Красиво? – спросил он негромко. – Это я устроил. Для тебя.

– Гости, наверное, вас уже потеряли, – отозвалась она. – А мне пора. Нельзя, чтобы кто-нибудь увидел меня... в таком виде, – добавила, вспомнив о том, во что превратилась её тщательно уложенная прическа.

– Останься, прошу...

– Нет, пожалуйста! – Летиция обернулась и упёрлась ладонями ему в грудь. Когда он стоял так близко, её мысли путались, а тело слабело и тянулось к нему, как вьюнок к опоре. – Отпустите меня... сегодня. Мы поговорим с вами позже.

– Обещаешь?

– Да. А теперь возвращайтесь к гостям. Только покажите, как мне уйти, чтобы никто не заметил.

Князь не стал настаивать, и вскоре она уже сидела в карете, которая по тёмным улицам увозила её домой в Грантэм. В небе догорали фейерверки. А на губах всё ещё чувствовался сладко-пряный вкус поцелуев.

Заснуть нынешней ночью не получилось.

Утром Летти, собираясь на работу, вспомнила о стишках, которые всплыли в голове, когда она думала о словах Доркас. Маленькие человечки... Чтобы не откладывать, пришлось позвать горничных – совместными усилиями они отыскали книжку, которую ей читали в детстве, и стихи, как выяснилось, запомнились верно.

*Они тебе помогут,
Они совсем малы,
Умны, шустры и юрки,
Как ветерок, быстры.
Но не забудь о главном –
Наградой одари.
За каждую услугу
Ты щедро заплати.
А коли не заплатишь,
Хорошего не жди.*

Рифмованные строки сопровождала иллюстрация, изображающая двух похожих на людей существ со смешными бесформенными личиками. У одного из них имелись перепончатые, как у летучей мыши, крылья, второй обходился без них. Прочитав подпись под картинкой, Летиция ненадолго задумалась и решила, что нужно найти ещё одну книгу, только уже не детскую.

В энциклопедии о пикси – а именно про них шла речь в стихотворении – говорилось, что человеку они по колено или чуть выше. Любят детей, помогают взрослым, а вот употреблять горячительные напитки им ни в коем случае нельзя, поскольку во хмелю те могут натворить дел. Обычно безобидны, однако их магию ничем нельзя отразить.

«Могла ли Доркас увидеть пикси? – спросила себя Летти. – Но что им делать в чайной? Кто-то их туда прислал или сами завелись, польстившись на сладости?»

Эту догадку следовало обдумать. Ещё одна внезапная мысль настигла Летицию, когда она уже направлялась к экипажу. Девушка даже остановилась, точно споткнувшись.

«Пикси могли украсть письмо Эрделлина даже из закрытого ящика! Но для чего они так сделали? И кому могли унести конверт? Кто им щедро заплатил за эту услугу? Неужели... тот, кто убил Джерома и Финнеаса?»

Поразмыслив о том, как ей быть дальше, Летти пришла к выводу, что должна рассказать о послании шантажиста Стефану Альберрану. Говорить о таком и признаваться, что утаивала факты об убитом, очень не хотелось, но другого выхода нет. Пусть лучше он из её уст узнает о том, что альд Эрделлин пытался тянуть из неё деньги, чем как-то иначе.

Летиция решила не откладывать и сразу же, как доехала до чайной, отправила посыльного с запиской в контору Службы Правопорядка, надеясь, что господин Альберран окажется на рабочем месте. Ответ от него пришёл через некоторое время. Он написал, что заедет в «Чай и сладости», чтобы встретиться с ней, а пока Летти вызвала к себе Доркас и продемонстрировала ей рисунок из книги, которую захватила с собой.

– Таких человечков ты видела в кладовой?

– Точно с них рисовали! – ахнула та.

– Послушай, а у нас там нет конфет с ликёром? – забеспокоилась Летиция, вспомнив сказанное в энциклопедии.

– Как же нет? Только сегодня появились! Раскупают хорошо!

– Немедленно спрячь их! Нет! Выложи пока все остатки на прилавок, чтоб находились на виду!

– Так там же их ещё много! – удивилась Доркас.

– Делай, как я говорю! – распорядилась Летти в надежде, что пикси до них ещё не добрались.

Надежда оказалась напрасной. Спустя несколько минут растерянная Доркас появилась в дверях кабинета, бормоча, что конфет было гораздо больше, она хорошо помнит. Увидев, как хозяйка от услышанного переменилась в лице, испугалась ещё больше.

– Вы думаете, у нас завёлся вор, альда Мортон?

– Я думаю, что нам лучше на сегодня закрыть чайную, – ответила Летиция, тяжело опуская голову на руки.

– Мы же никогда не закрывались в рабочие дни!

– А сейчас сделаем исключение! Лучше так, чем... Позови ко мне Говарда!

Управляющий, не заставив себя ждать, вопросительно уставился на Летти.

– Доркас вся переполошилась. Почему мы должны закрываться в начале рабочего дня? И причём тут конфеты с ликёром?

– Тебе приходилось слышать про пикси?

– Из детских книжек?

– Они существуют на самом деле, просто мало кто с ними встречался. Во всяком случае, так написано в энциклопедии. И, похоже, завелись у нас.

– Так тот случай в кладовой... – догадался Говард, наморщив лоб.

– Да, – кивнула Летиция. – Мало нам пронырливых газетчиков. Теперь ещё и эта проблема... А, учитывая, что пикси утащили конфеты с ликёром, можно всего ожидать. Потому я и велела закрыть чайную.

– Мудрое решение, альда Мортон, – согласился с ней управляющий. – Но откуда пикси вообще взялись? И как сделать так, чтобы они оставили нас в покое?

– Полагаю, что способ только один, – вздохнула она. Снова вспомнилось письмо, которое пропало из ящика стола. – Договориться с ними.

– Как вы считаете, получится?

– Хотелось бы верить. Ещё должен приехать господин Альберран. Его нужно будет впустить с чёрного хода.

– Да, альда Мортон.

Управляющий с поклоном вышел. Глядя ему вслед, Летти вдруг подумала, что почти ничего не знает про своего подчинённого. Он племянник прежнего управляющего, ушедшего на покой, и, кажется, для Говарда самое важное в жизни – «Чай и сладости». Его родителей давно нет в живых. Но есть ли у него друзья, любимая девушка, планы создать семью?

Если таковые и имелись, то он о них ничего не рассказывал, а Летиция не расспрашивала.

Что же касалось Доркас, то она овдовела несколько лет назад, и дети её уже почти достигли совершеннолетия.

«А ведь они – моя семья», – с теплотой подумала о работниках чайной

Летти. Теперь, когда предположение о пикси стало почти очевидным, девушка устыдилась того, что позволила себе усомниться в людях, которые верно ей служили. Не они, а кто-то другой подстроил эти неприятности с похищенным письмом.

Но кто мог такое сделать? Страшно даже представить, что всё это время убийца Броктонвуда и Эрделлина находился где-то поблизости. Наблюдал за ней, подослал пикси. Почему? Ей ведь ничего не известно. Ни о вытатуированном рисунке, о котором говорил Стефан Альберран, ни о каких-либо секретах её бывшего жениха. Должно быть, танцовщица из Хинду – Шанталь – и то знала о них больше.

Летиции вдруг стало страшно – показалось, будто её привычный безопасный мир внезапно повернулся другой стороной, и обнаружилось, что стены, прежде казавшиеся надёжными, точно скала, на самом деле были прозрачными, как стекло.

Услышав шаги за дверью, она вздрогнула и с облегчением вздохнула, когда в кабинет заглянул Альберран.

– Здравствуйте! Что-то произошло? Ваш управляющий сказал, что вам пришлось закрыть чайную на сегодня.

– Да, – отозвалась она, собираясь с мыслями. – Я даже не знаю, с чего начать... Пожалуйста, закройте дверь и присядьте.

– Мне тоже нужно кое-что вам сказать, альда Мортон, – произнёс он, и вид у него стал какой-то смущённый и одновременно решительный. Летти его таким никогда не видела. – Это касается вашего кузена.

– Саймирена? Что он опять натворил?

– Видите ли... Я... Мне пришлось арестовать его по подозрению в двух убийствах.

– Что?! – изумилась Летиция. Такого она никак не ожидала. – Неужто вы считаете, будто мой кузен и есть тот самый... Не может быть! Он даже вида крови боится, а Джерома Эрделлина ударили по голове!

– Кто знает, на что способен отчаявшийся человек? Вы ведь сами подали идею, что Эрделлин мог вымогать деньги у того, кто убил Финнеаса Броктонвуда, помните? Расплатиться с ним альду Мортону было нечем, вот он и выбрал другой способ навсегда заткнуть ему рот.

– Нет! – помотала головой Летти. То, что говорил собеседник, не укладывалось в голове. – Не верю! Бездельник и повеса – да! Но не убийца!

– Сожалею, пока мне нечем подтвердить вашу правоту, но, альда Мортон, я бы тоже хотел, чтобы эта версия оказалась ошибочной.

– Вы должны выслушать меня! – Летиция порывисто поднялась с места, едва не опрокинув стул, на котором сидела. – Выходит, у Саймирена

совсем не осталось денег?

– Увы – он и его отец проматывали состояние куда быстрее, чем предки его нажили.

– Тогда он не смог бы заплатить и за услуги пикси!

– Пикси? – удивлённо приподнял брови Стефан Альберран.

– Я всё расскажу. Да садитесь же! После убийства Финнеаса ко мне пришёл альд Эрделлин...

Глава 27

– Вы рассказали мне всё это, чтобы выгородить своего кузена? – нахмурился Стефан, когда девушка закончила говорить.

– Ничего подобного! – гневно сверкнула глазами Летиция. – Каждое слово – чистая правда! Неужели вы считаете, что я стала бы выдумывать... такое?

– Скажите, вы действительно не испытываете к альду Мортону... никаких романтических чувств? – спросил он вдруг.

От его предположения ей вдруг стало смешно. Но лишь поначалу. А если Саймирен тогда угадал верно, и она в самом деле нравится Альберрану?.. И, как назло, на чае проверить не получилось из-за разбитой чашки! А ведь есть ещё князь, и Летти пообещала ему новую встречу.

Как же всё запуталось!

– Уверяю вас, он для меня – только родственник, не более. Непутёвый двоюродный брат, – вздохнула она. – Мне известно, что её величество замужем за своим кузеном, но я не собираюсь следовать её примеру.

– Замечательно, альда Мортон, – быстро сказал Стефан Альберран и тут же заметно смутился. – То есть, я хотел сказать... Мне кажется, вы достойны лучшего, чем мужчина, который не желает и не умеет зарабатывать деньги, а лишь тратит их.

– Какие у вас есть основания считать Саймирена подозреваемым в убийствах? – поспешила сменить тему Летиция.

– Видите ли... Та татуировка... Помните рисунок, который я вам показывал? У вашего кузена есть такая же. Он, как и альд Броктонвуд с альдом Эрделлином, сделал её после окончания школы Эрроу.

– Но иметь татуировку – не преступление.

– Разумеется, однако мотив у альда Мортонна тоже в наличии. Он практически разорён, а брак с вами мог бы значительно поправить его материальное положение. После вашей помолвки они раздружились с Финнеасом, но мне удалось узнать, что незадолго до убийства альд Броктонвуд помирился с кем-то из тех, с кем учился в школе. Разумеется, им может оказаться и другой человек. Тем не менее... вашего кузена что-то связывает с этими двумя убитыми. Не только давняя дружба, но и какая-то тёмная история, случившаяся с ними в школьные годы. Вам что-нибудь об этом известно?

– Нет, – покачала головой Летти. – Тогда я была слишком мала... И с

кузеном виделась нечасто.

Ей подумалось, что даже его родители могли не знать всей правды, если дело касалось чего-то постыдного.

– Я намерен выяснить истину, альда Мортон, – проговорил собеседник. – Сейчас, как мне кажется, я на верном пути. Жаль, конечно, что вы мне сразу не доложили про шантаж и пропавшее письмо, но я могу понять причину вашего молчания... Любой девушке стало бы неловко... говорить на такие темы с мужчиной. Простите...

– Мне следовало рассказать вам раньше, – вымолвила Летиция. Сложно сказать, кто из них сейчас был смущён больше – он или она. – Я не меньше вашего хочу, чтобы все эти загадки раскрылись поскорее. Меня пугает мысль, что кто-то наблюдает за мной и даже подослал в чайную пикси. И письмо альда Эрделлина попало в чужие руки... Как я сожалею, что не сожгла его или сразу не показала вам! Вы ведь не думаете, что я... его убила?

– Не думаю, альда Мортон, – произнёс он, глядя на неё с такой серьёзностью, что стало не по себе. – Может, я и ошибаюсь, что верю вам, но иначе не могу. Я поеду в Эрроу, чтобы заглянуть в архив школы, и найду настоящего преступника. А там, может, и ваш кузен разговорится. Пребывание в камере должно тому поспособствовать.

Летти представила Саймирена, эдакого избалованного сибарита, в сыром замкнутом помещении, где наверняка водятся крысы, и поморщилась. Каких же глупостей он натворил в школьные годы? Ведь кузен не такой плохой, как Финнеас и Джером, просто, как говорится, попал в дурную компанию.

– Может, вам в помощь прислать кого-нибудь из наших магов? – предложил Стефан Альберран. – Я, правда, не в курсе, умеют ли они управляться с пикси, но вдруг? Нельзя же постоянно держать чайную закрытой.

– Спасибо, но сначала я попробую справиться с этим собственными силами, – отозвалась она.

– Точно, вы ведь тоже магичка, – улыбнулся он. – Так я пойду? Если буду нужен, сразу же дайте знать!

– Хорошо! – Летиция приблизилась и протянула ему руку. – И вы мне тоже. А Саймирен... долго там просидит? Нельзя ли его выпустить под залог?

– Почему же нельзя? – пожал плечами Альберран. – Запросто. Только сомневаюсь, что у его отца найдутся средства.

– Тогда... могу я внести залог? Уверена, кузен никуда не сбежит.

Можно ведь и его заставить подписать такую же бумагу, как меня тогда?

– Как скажете, – не стал спорить он. – Заезжайте к нам в контору после обеда. Только... вы ведь точно не выйдете за него замуж?

– Уж что-то, а такую глупость я совершать не стану, – пообещала ему Летти. Сейчас она могла чувствовать по отношению к родственнику и его семье лишь жалость. Может быть, недолгое пребывание за решёткой действительно пойдёт ему на пользу, и Саймирен возьмётся за ум?

– Наверное, это не моё дело, но я рад, что вы так решили.

Когда за Стефаном Альберраном закрылась дверь, Летиция вздохнула. Неужели он действительно в неё влюблён? Потому и верит её словам, потому и рассказывает о том, как идёт расследование, чего наверняка не должен делать.

Этот молодой человек готов, рискуя своей должностью, нарушить ради неё правила, а она? Что она может сделать для него? Как ответить, чем отблагодарить за доверие?

Посоветоваться было не с кем.

Подъезжая к ставшей едва ли не более привычной, чем родной дом, конторе Службы Правопорядка, Стефан выглянул в мутное окошко наёмного экипажа и вздрогнул. Ему вдруг показалось, что он видит подбегающего к зданию Ричи. Он всегда опаздывал и затем клялся, что непременно научится приходить на работу вовремя.

Не успел.

Альберран не раз задумывался о том, мог ли он тогда спасти друга, имелась ли у него хоть малейшая возможность. В ту минуту, когда Ричи обернулся, стирая пот с лица испачканной в пыли рукой, и сказал, что пойдёт первым. Следовало остановить его? Крикнуть, чтобы подождал? Пойти вместо него?

Стефану часто снилась та ночь. Грязный след, который остался на усыпанной веснушками щеке Ричи. Зелёные глаза, блеснувшие в свете фонаря. Спустя некоторое время он сам закрыл эти глаза ладонью, понимая, что это последнее, что он может сделать для того, с кем начинал работу в Службе Правопорядка. Как они тогда гордились выпавшим им шансом!

У веснушчатого Ричи Хаймора были и другие надежды, кроме карьеры. Его любимая девушка по имени Нэнси работала швейей. Оба с каждого заработка откладывали деньги, чтобы пожениться, купить маленький домик и зажить там счастливо. Воплотить эту мечту они тоже не успели. Смерть разлучила их раньше, чем они произнесли эти слова в

свадебной клятве.

Когда альд Эрделлин разыгрывал перед ним спектакль, распинаясь о том, что стал свидетелем смерти друга, и солгав о татуировке, Альберрану хотелось ударить его. Он знал, как себя чувствуешь, когда погибает близкий человек, и ощущал фальшь в том, что слышал из уст собеседника. А разорившийся аристократ, как выяснилось, недолго печалился и, тут же сообразив, как извлечь выгоду из смерти Броктонвуда, отправился шантажировать Летицию Мортон.

Финнеасу из тройки школьных друзей повезло больше всех. Недаром он являлся в той компании лидером. Ему удалось сохранить состояние, обручиться с богатой наследницей, приобрести расположение королевы. Альд Броктонвуд обладал приятной наружностью и отточенными светскими манерами. Мало кто знал, что за всем этим внешним лоском скрывалась гнилая душа.

А затем его убили, и на этом везение закончилось.

Стефан вздохнул, вспоминая, как впервые увидел невесту Финнеаса Броктонвуда. Он наблюдал за ней некоторое время, прежде чем подошёл. Она стояла у могилы родителей, погрузившись в размышления, не замечая ничего и никого вокруг. Такая гордая и одновременно с тем такая хрупкая, такая живая. Точно цветок.

Дивный цветок, влекущий своим ароматом.

Мысли о Летиции снова завладели им, и отогнать их никак не получалось. С каждой беседой Альберран всё больше узнавал о запавшей ему в душу девушке. Она оказалась самостоятельной. Она не хотела выходить замуж за своего покойного жениха и даже предлагала ему деньги, чтобы он оставил её в покое, а тот, как выяснилось, оказался настолько низок, что придумал, как оболгать её, выставить падшей женщиной в глазах его приятелей, таких же отвратительных, как и он сам. Чем Джером Эрделлин и воспользовался, решив подправить материальное положение за счёт альды Мортон.

А тут ещё и эта странная история с пропавшим письмом... Кто мог его взять? Если в самом деле пикси, то по чьей просьбе?

И как в такой ситуации можно помочь? Что для неё сделать? И примет ли она его помощь?..

Стефан прекрасно понимал, что такой парень, как он, Летиции не подходит, и всё же никак не мог выбросить её образ из головы. Или из сердца? Да, наверное, из сердца, ведь то, что он чувствовал к ней, противоречило голосу разума.

«Что ж, ничего с этим не поделаешь», – решил Альберран. Пусть он не

вправе предложить ей стать его женой, защищать её и заботиться о ней ему никто в целом мире не помешает. Даже если она никогда не узнает о его чувствах.

И как только посмел Саймирен Мортон предположить, будто Стефан – охотник за деньгами, такой же, как и он сам?!

В конторе Альберран обнаружил нескольких сотрудников, сосредоточенно разбиравших кипу бумаг – из колоний пришли данные о преступниках, которые находились в розыске. Обычно таковые бежали из королевства в колонии, где легко затеряться, но иногда случалось и наоборот. На сей раз прислали и несколько фотографий.

Поскольку разрешение на допуск к архиву школы Эрроу ещё не получили, Стефан присоединился к коллегам, желая помочь им с бумагами. Работал машинально, не особо вглядываясь, но внезапно лицо на одном из снимков показалось ему знакомым. Такого просто не могло быть!

Альберран прочитал имя преступника, затем ещё раз. Удивлённо, недоумевающе. Затем, выхватив бланк и фотографию из стопки, зашагал в кабинет начальника.

– Второй раз за сегодня? – раскуривая трубку, поинтересовался альд Кирхилд. Похоже, он был не в духе. – Что опять?

– Посмотрите сюда! – Стефан показал ему фото. – Тут написано, что мужчину, которого разыскивают, зовут Эргот Фабр.

– Вижу, и что?

– Но я знаю этого человека под именем Берланда Броктонвуда!

Глава 28

Когда представитель Службы Правопорядка ушёл, Летиция вдруг ощутила пустоту. Это казалось странным и даже пугающим. Неужели она успела привязаться к нему за то недолгое время, что они знакомы?..

Впрочем, влечение, которое тянуло её к Рохану Чаудхари, пугало ещё больше. Бороться с этим притяжением оказалось непросто. Летти, думая о том, что произошло в вечер приёма, пришла к мысли, что такое рано или поздно должно было случиться. Нельзя постоянно сдерживаться, прятать свои эмоции, заковывать себя в броню приличий. Для того, чтобы стать холодной и равнодушной, как мраморная статуя, она слишком молода.

Летиция вздохнула, вспоминая взгляд, которым смотрел на неё князь. Под этим взглядом любая девушка почувствовала бы себя особенной. Самой красивой, самой желанной в мире.

И разве недостаточно она настрадалась? После того, как обручилась с Финнеасом Броктонвудом, а затем, став сиротой, пыталась расторгнуть помолвку без скандалов и преследования с его стороны? А он не желал, упорствовал, хотя давно мог бы найти другую, куда более покладистую невесту с хорошим приданым, которое полностью перешло бы в его руки. Но Броктонвуду не столько хотелось денег, ведь у него хватало и своих, сколько победы над ней, Летицией Энн Мортон. Их отношения превратились в противостояние, и кто знает, как бы всё обернулось дальше, если б не вмешался неизвестный убийца?

Но в пору, когда Летти увлеклась женихом, ещё не зная о том, каков он на самом деле, её чувства отличались от нынешних. Да и Финнеас Броктонвуд разве что внешней привлекательностью имел сходство с князем Чаудхари. Во всём остальном у них не нашлось бы ничего общего – тот принадлежал к типичным аристократам, представителям своего времени, а князь... Он не походил на других, в том числе его соотечественников, так же, как сама Летиция выделялась среди большинства девушек её круга. Наверное, именно это их и сближало.

Следующая встреча с Роханом Чаудхари страшила и одновременно с этим заставляла ждать себя, торопить время, чтобы поскорее снова увидеть его...

«Сейчас не о том надо думать, – укорила себя Летти. – А о пикси в чайной. Хм... уж не они ли там расшумелись?»

За дверью кабинета слышались голоса, распеваящие неприличную

песню. Никто из её сотрудников не стал бы заниматься пением, да ещё с таким репертуаром, а посетителей сегодня не было, так что услышанное могло означать только одно. Затаив дыхание, Летиция выглянула в коридор.

Двое существ тут же поспешили прикинуться грязным тряпьем, небрежно сваленным у стены, но, будучи во хмелю после съеденных ими конфет с ликёром, один не успел замаскироваться, и Летти, поборов страх перед кем-то, кто не принадлежал к роду людскому, ухватила пикси за острый локоть.

– Эй! Отпусти! Не имеешь права! – завопил он неожиданно громким голосом.

– Ты тоже не имеешь права воровать мои сладости! – строго произнесла в ответ Летиция. – Но я вам это прощу и даже отсыплю, сколько захотите, если расскажете, кто вас нанял и заставил за мной шпионить. Вы забрали письмо из ящика стола?

Пикси молчал и пытался вырваться, но девушка держала крепко.

– Ну? – не отпуская его, спросила она снова.

– Не скажу! Не велено! Уйдём мы отсюда... ик... скоро...

– Где моё письмо сейчас?

– В надёжных руках, не волнуйтесь понапрасну... Не волнуйтесь, не печальтесь, завтра будет новый день! – задорно пропел тот, кого Доркас называла маленьким человечком. – Будет утро, будет завтра, вот такая канитель!

Понимая, что ничего от него, пока он в таком состоянии, не добьётся, Летти решила пригрозить ему Службой Правопорядка, но, похоже, не зря в энциклопедии написали, что магия пикси – нечто особенное.

– Им меня ни в жисть не поймать!

– Так я же поймала.

– Я просто расслабился! Очень уж... ик... конфеты у вас замечательные. Ликёр сливочный, сладенький...

– А почему вы мою работницу запугивали?

– Она так смешно верещала, когда нас видела, ну как тут не пошалить?

– Вы ведь взрослые... И помогать людям можете, говорят. А сами... Не стыдно? – осведомилась Летиция, но, видимо, такое чувство, как стыд, было им неведомо. – И что мне с вами теперь делать?

– Отпустите! Я же сказал, что мы и сами вскорости собирались от вас уходить. И остатки конфет отдайте, договорились?

– Только за информацию! По чьему распоряжению вы здесь? Кто вам платит?

– Не могу сказать! Он с нас клятву взял! А мы, пикси, клятвы не

нарушаем, хоть пытайте!

Летти нахмурилась. Пытать существо, похожее на ребёнка, она, разумеется, не смогла бы. Да и наниматель их наверняка подстраховался на случай, если маленьких шпионов поймают.

Всё-таки хорошо, что рассказала о шантаже и пропавшем письме Стефану Альберрану, и он воспринял всё правильно, сумел войти в её положение и не осудил за то, что поначалу скрывала от него правду. Теперь нужно ещё кузена из тюрьмы под залог вытащить. Неужели семья дяди совсем разорена? А ведь есть ещё тётушка Пруденс. Старая дева, вынужденная жить со старшим братом, невесткой и племянником.

– Отпусти! – отвлёк её от невесёлых дум пронзительный голос пикси.

– Когда вы уйдёте?

– Да хоть сегодня!

– Что вы ещё делали, кроме того, что стащили письмо?

– Я не говорил, что мы его стащили... Ой! Ну ладно, так и есть. Мы подглядывали, подслушивали... И ничего не брали, кроме письма и сладостей, да и тех совсем чуть-чуть! Не будьте жадиной! У вас их целая кладовка!

Внезапно, сориентировавшись, второй пикси с силой дёрнул её сзади за юбку, а ещё один, невесть откуда взявшийся, завертелся вокруг своей оси, рассыпая вокруг туманящие взор золотистые искры. От неожиданности Летиция разжала пальцы, её собеседник вырвался, и существа резво ускакали по коридору. О том, как долго они выполняли обязанности соглядатаев в чайной, она спросить не успела.

Стефан давно не видел начальника таким удивлённым. Впрочем, альд Кирхилд быстро пришёл в себя и отправил подчинённого арестовывать человека по имени то ли Берланд Броктонвуд, то ли Эргот Фабр – неизвестно, но что он подозрительный тип, это точно. Напомнил только, чтобы в одиночку не геройствовал и подкрепление с собой прихватил.

Альберран повинился. Ему и самому стало интересно, что за мужчина жил в особняке Финнеаса Броктонвуда, называя себя его кузеном, который давно покинул королевство. Зато теперь стало ясно, почему ни он, ни его жена и сын не желали без особой надобности выходить из дома – ведь, если глава семьи находился в розыске, он нигде не мог чувствовать себя в полной безопасности.

Искали его, кстати, как сказано в приложенных к фотографии бумагах, за кражи в особо крупных размерах. Он грабил владения богатых колонистов, а иногда не брезговал и добычей поскромнее. Драгоценности,

предметы антиквариата, серебряную посуду – всё забирал и перепродавал на чёрном рынке.

По дороге Стефан вспомнил о якобы пропавших билетах, которые могли бы подтвердить, когда именно семейство ступило на землю королевства. А ведь они появились здесь раньше, чем получили известие о том, что Финнеаса убили. Сказали, будто собрались обосноваться в столице и намеревались попросить у родственника помощи на первое время. А в итоге стали наследниками. Не единственными, но другие пока не приехали, слишком уж далеко забросила их жизнь. Может, до них и письма-то не дошли. А вот Берланд – или Эргот Фабр – уже вовсю хозяйничал в особняке не оставившего прямых наследников альда.

Дверь уже почти привычно отворила Герти и растерянно заморгала, обнаружив, что Альберран пришёл не один.

– Хозяева дома? – спросил он. Горничная кивнула. – Хочу с ними поговорить.

Все оказались в гостиной. Фабиана Броктонвуд, чей живот, казалось, стал ещё больше, полулежала на диване, обложившись подушками, и листала журнал мод с яркими картинками, раскрашенными вручную. Её сын с приключенческим романом в руках сидел в кресле, а муж с газетой восседал в другом, напротив.

Просто семейная идиллия, да и только!

– Снова вы, да ещё и без предупреждения? – нахмурился мужчина. – Что вас сюда привело? Неужели наконец-то отыскался убийца моего кузена?

– Он-то пока нет, но, кажется, мы на верном пути, а вот кое-кто другой...

– Не говорите загадками! – огрызнулся собеседник. – Я уже просил вас не досаждать нам! Вы беспокоите мою жену!

– Увы, но то, что я скажу сейчас, может её расстроить, – произнёс Стефан. – Знает ли она, за кого вышла замуж? За Берланда Броктонвуда или за... Эргота Фабра?

Сказанное произвело эффект разорвавшейся бомбы. Глава семейства побледнел, его тёмные глаза лихорадочно забегали. Его супруга, выпустив из пальцев журнал, вскрикнула и прижала ладони к щекам. Анайрин выронил книгу, и та с глухим стуком упала на ковёр. А затем мужчина, рывком поднявшись с кресла, бросился к двери. Но далеко убежать не успел. Не напрасно альд Кирхилд распорядился насчёт подкрепления, так что беглеца мигом поймали и скрутили.

– Теперь не уйдёшь, голубчик! – удовлетворённо проговорил Бертран,

надевая на того наручники. – Беседовать здесь будем али как? Надо ж семью опросить!

– Вам, наверное, тяжело будет ехать сейчас в контору, – взглянув на белую, как мел, беременную женщину, заметил Альберран. Кольнула совесть – а ну как такое потрясение отразится на ребёнке? – Так что с вами и вашим сыном мы поговорим здесь, а вашего мужа или кем он там вам приходится, уж извините, должны забрать.

– Он мой муж, – сказала она, накрывая ладонью живот, словно в стремлении защитить малыша. – Мой второй муж. И его зовут Эргот Фабр.

– Так, значит... – начал понимать Стефан. – Значит, Берланд Броктонвуд был вашим первым супругом и отцом вашего сына? Потому он и похож на Финнеаса, – добавил, посмотрев на подростка, который молчал, упрямо сжав губы. – Но почему вы скрыли правду? Выдали второго мужа за первого, который...

– Он умер от тропической лихорадки, – выдохнула Фабиана. – Мы рассчитывали на помощь его кузена, ведь Анайрин – родной ему по крови. А, когда узнали, что альда Броктонвуда нет в живых, тогда...

– Придумали, как защитить супруга от ареста, – закончил Альберран. – Даже не подумали, что может появиться кто-то, кто знал настоящего Берланда? Хотя он ведь отсюда уехал давно, а другие дальние родственники тоже в колониях и не факт, что они его помнят, да и вообще знают... Что ж, могу понять вашу логику. Не понимаю только, почему вы согласились выйти замуж за грабителя и покрывали его.

– Не вам меня судить, – глядя ему прямо в глаза, промолвила она. – Вы не знаете, каково одинокой женщине... там... А Эргот проявил больше сочувствия и заботы, чем те, кто называл себя друзьями моего покойного мужа. Вы можете арестовать и меня. Но прошу вас, пожалуйста, только сына не трогайте, он согласился скрывать правду лишь потому, что я его попросила...

– И когда же вы на самом деле приехали? Где ваши билеты? – напомнил ей Стефан. – Вы должны понимать, что вас можно обвинить в убийстве Финнеаса.

– Билетов нет. Вернее, они имелись, конечно, но лишь на нас с Анайрином. Эрготу пришлось пересечь океан тайком – в трюме корабля. Вы же знаете, его могли поймать в порту. Мы прибыли в королевство уже после того, как кузена Берланда убили, и прочли об этом в газете. Мы не убивали его. Клянусь вам... жизнью моих детей.

– Я не собирался больше никого обворовывать, – подал голос Фабр. – Привыкал к мысли, что буду жить под чужим именем, себя даже в мыслях

учился называть Берландом, чтоб не проколоться ненароком. Ребялёнок вот скоро родится. А я... хотел стать порядочным человеком. Видать, не судьба.

– Ну почему же? – Альберран пожал плечами. – Чистосердечное признание и раскаяние могут помочь вам уменьшить срок, и из тюрьмы вы выйдете ещё не старым.

Глава 29

Когда его коллеги увели Эргота Фабра, Стефан задержался поговорить с Герти, которая, как оказалось, подслушивала под дверью. Горничную разговор тоже взволновал. Она растерянно хлопала глазами, а веснушки на побледневшем лице выделялись ярче, и подумалось вдруг, что эта девушка напоминает ему Ричи, оттого и вызывает симпатию.

– Что же теперь будет-то, господин? – спросила она тихо.

– Всё наладится, со временем, – вздохнул он. – Ты уж не бросай хозяйку в таком положении. К тому же, её сын – действительно наследник альда Броктонвуда, фамильное сходство говорит само за себя, – добавил Альберран, оглянувшись на портрет, с которого надменно смотрел Финнеас.

– Да, я сразу углядела, что похожи они, – закивала горничная. – Даже манерами. Иногда казалось, будто хозяин воротился, только помолодел маленько, – добавила, понизив голос, и суеверно сделала обережный знак.

– То-то и оно, – согласился Стефан. А ведь какой из Берланда, который вовсе и не Берланд, подходящий подозреваемый вышел бы. Вот только к школе он никакого отношения не имел. Где Эрроу, а где колонии? Не ближний свет.

– Вы больше не придёте? – Герти смотрела на него исподлобья. – Теперь, когда...

– Не могу обещать, – пожав плечами, отозвался он.

– Тогда обождите тут, я мигом!

Она сказала подождать, но лицо девушки выражало такое отчаяние, что Альберран не удержался и пошёл за ней следом, стараясь не топтать. Впрочем, даже если б топал, она едва ли заметила бы. Её путь лежал в помещения для прислуги. Горничная толкнула одну из дверей и вошла. Послышался какой-то шум, затем негромкий всхлип.

– Герти, что...

Заглянув в комнату, Стефан ошеломлённо замер в дверях.

Она сидела на полу, склонившись над ящиком, из которого, похоже, только что вытряхнула несколько предметов. Глядя на них, Альберран понял, куда подевался его карандаш и почему не нашли отправленную убийцей открытку с угрозами. Всё было здесь. В убогой комнатке служанки. И откатившийся в сторону карандаш, и открытка со знакомым пейзажем, и даже билеты на корабль, которые Стефан ещё недавно тщетно

требовал у поселившийся в особняке семьи.

А ещё – другие вещи, не ценные, просто разные мелочи, которых, возможно, их обладатели и не хватились.

– Ты украла... – не спрашивая, а скорее констатируя факт, произнёс он.

– Простите меня, – обернувшись на него, сипло выговорила горничная. – Не знаю, почему я всё это брала. Просто... так и просилось в руки, понимаете? Тревожно мне бывает, места себе не могу найти. А, как возьму, так сразу спокойно делается.

Альберран молчал. Теперь он, вспоминая слова девушки о том, что ей сложно устроиться на новом месте, осознал причину. А ещё в памяти всплыла вдруг лекция одного видного учёного, медика, на которую их водили всем коллективом. Тот говорил про всякие болезни, которыми не тело человека подвержено, а душа. Упоминал и о kleптoмании – судя по всему, именно этим недугом и страдала бедняжка Герти.

– Ты хотела вернуть мне карандаш? – догадался он.

– Да, – кивнула она. – Я не пользуюсь тем, что беру. И... мне стыдно, мне правда стыдно, господин! – всхлипнула горничная, закрывая лицо подолом белого фартука.

– Я возьму кое-что ещё, хорошо? – проговорил Стефан, наклоняясь и поднимая с пола открытку и потерянные билеты. – Герти, я знаю, что это прислали альду Броктонвуду, – добавил он, показывая ей открытку, на которой, как он и ожидал, оказались вырезанные из какой-то книги буквы. – Ты читала, что там написано?

– Нет, – опустив фартук, она глянула на него покрасневшими глазами. – Я... не умею читать, господин. Мне просто картинка понравилась. А ещё она пахнет хорошо. Лавандой.

– Верно, – согласился Альберран. На первое послание, как и на второе, убийца лавандовой воды не пожалел. – Так, значит, твой прежний хозяин даже не видел её?

– Нет, – смущённо потупилась горничная, и ему представилось, как та, как обычно, увидев что-то, показавшееся ей привлекательным, тут же утащила открытку к себе в комнату, так что до Финнеаса она так и не дошла.

Интересно, как бы он поступил, если б увидел? Отнёс бы в Службу Правопорядка? Или, как его приятель Джером Эрделлин, чьё рыльце было в пушку, не стал бы никому показывать?

Теперь никто не смог бы ответить на этот вопрос.

Стефан прочёл составленные из вырезанных букв слова, которые прямо выражали угрозу – так же, как и на той открытке, которую нашли в

доме альда Эрделлина.

«Мальчик из золота пьян.

Пьянство – серьёзный изъян.

Но наказание грядёт –

Смерть из бутылки придёт».

Мальчик из золота... Да, пожалуй, Финнеаса Броктонвуда вполне можно было бы назвать и так. Учитывая его везучесть, богатство, а ещё привычку пить шнапс с золотыми хлопьями, в который и подлили отраву.

– Что же мне с тобой делать? – подумал вслух Альберран, глядя на Герти, которая сейчас напоминала забившегося в угол мышонка, на которого надвигался кот.

– Вы меня арестуете, да? – спросила она.

– Не хотелось бы, – признался он. Горничная не преследовала выгоду, когда утаскивала, точно сорока, различные вещицы, не перепродавала их, чтобы нажиться, даже сама ими не пользовалась. Но, как ни крути, а воровство – преступление, даже если и совершается не по обычным для воришек, а по иным мотивам.

Но Фабиана Броктонвуд... Как она справится, если забрать у неё сразу и мужа, и прислугу? Новую быстро не найдёшь, особенно в её обстоятельствах.

– Вот что – я свожу тебя к одному доктору, – сказал Стефан. – Не пугайся. Он может посоветовать, как тебе справиться с этим твоим... нервным расстройством.

– А в доме для умалишённых ваш доктор меня не запрет? – боязливо спросила Герти.

– Я ему не позволю, – серьёзно пообещал ей Альберран.

Появлению Летиции в конторе Службы Правопорядка не удивились и охотно пошли навстречу, дав согласие освободить Саймирена под залог. Все необходимые бумаги он, как выяснилось, уже подписал ранее. Да и вообще вёл себя как образцовый арестант, о чём ей сообщил молодой надзиратель. На девушку, которая сегодня надела довольно скромное траурное платье, он посматривал с таким жадным интересом, что это даже смущало. Но, конечно, не так, как – с их первой встречи – обжигающий взгляд Рохана Чаудхари...

Кузен действительно выглядел смирным и даже, что странно, не слишком удручённым. Видимо, в самом деле, сидя за решёткой успел о многом передумать. Хорошо хоть, что камера оказалось одиночной, и аристократу не пришлось соседствовать с настоящими

правонарушителями.

Что же касалось подозрений в адрес Саймирена, то Летти в них ничуть не верила. Может, в своём воображении он и убивал Финнеаса, злясь на него за многое, но совершить взаправдашнее преступление – вернее, целых два – не сумел бы. Да ещё и обставить всё так хитро – с открыткой, с редким ядом, добавленным в недешёвый золотой шнапс.

Нет, убийца точно не её кузен.

– Надеюсь, теперь ты образумишься, – сказала ему Летиция, когда они вышли из здания на улицу, где их ожидала карета.

– О чём ты? – понюхав свой рукав и поморщившись, отозвался он.

– Ты прекрасно знаешь, о чём.

– Ищейка тебе всё рассказал, да? Теперь ты знаешь, что мы с отцом банкроты. А от состояния наших предков практически ничего не осталось.

– Знаю, – кивнула Летти.

– И что, бросишь нас в беде? Тебе ведь повезло больше. Теперь мы бедные родственники, а ты – состоятельная барышня.

– Дурак ты, Сайми, – произнесла она, назвав его детским прозвищем, когда они уже сели в экипаж, и тот стронулся с места. Кузен даже спорить не стал. – Я поговорю с дядей, и мы что-нибудь придумаем. Но... пожалуйста, больше не предлагай мне стать твоей женой. Договорились?

– Почему?

– Я уже объясняла. И ты вовсе не влюблён. А если и влюблён, то не в меня.

Саймирен посопел недовольно, но ничего не сказал, лишь запахнул сюртук, будто ему стало холодно.

Летиция вздохнула, размышляя о том, что только обнаружение истинного виновника может окончательно снять подозрения с них обоих. Ей совсем мало удалось выяснить у пикси. Самого главного – кто их нанял – так и не узнала. Может, стоило послушаться Стефана Альберрана и пригласить в чайную магов из Службы Правопорядка? Понадеялась на собственные силы, вот и получила неутешительный результат.

Хотелось бы верить, что пикси выполняют своё слово и уйдут из «Чая и сладостей», а то, чего доброго, не только Доркас, но и ещё кого-нибудь напугают.

Занятая своими мыслями Летти не сразу услышала, что говорит ей кузен.

– Кое-кто влюблён в тебя – впрочем, как я и предполагал.

– Что за глупости? – нахмурилась она.

– Он сам мне это сказал!

– Кто?

– Альберран, кто же ещё? У тебя есть ещё кто-нибудь на примете? Завидная невеста!

– С чего бы ему с тобой откровенничать? – не поверила Летиция.

– А он и не откровенничал. Нечаянно обмолвился. Видать, вывел я его из себя, за живое задел.

– Вышние силы, Саймирен, ничему тебя жизнь не учит! Сам представь, каково бы нам пришлось, если б дело вёл другой человек, не такой благородный, старательный и понимающий, как господин Альберран! Да тот бы ухватился за тебя, как за самую подходящую кандидатуру, вот и весь сказ!

– Понимающий и благородный, значит? Может, ты к нему тоже равнодушна, сестрица? Вон как защищаешь.

– Болван, – буркнула Летти. Они словно вернулись во времена детства, когда ни одна их встреча не обходилась без ссоры. – Как был болваном, так и остался.

– Вредина и воображуля, – не остался в долгу кузен, и спустя несколько секунд они хором рассмеялись. С таким Саймиреном было легко. И какое же облегчение, что вопрос об их браке остался позади! Хорошо бы ещё дядя с тётей с этим смирились. – Я не вру и не шучу – он заявил, будто любил бы тебя, даже будь ты жалкой нищенкой!

– Я... не давала ему поводов, – проговорила она, чувствуя, что начинает краснеть.

– Верю. Но много ли надо, чтоб голову потерять? Ты красотка. А вы в последнее время больно уж часто встречались. Не находишь?

«Шанталь всё же красивее», – мысленно ответила ему девушка, вспоминая прекрасное лицо и гибкую фигуру уроженки Хинду. Однако сотрудник Службы Правопорядка в неё не влюбился, хотя наверняка видел её не только на фотографии. Проговорился Саймирену, что влюблён в Летицию... а в её присутствии почти всегда вёл себя так сдержанно, точно ничего подобного не чувствовал.

Почему жизнь так сложна?..

Летти оживила в памяти облик Стефана Альберрана. Привлекателен ли он? Да, пожалуй. Стройный, подтянутый, умеет выбирать одежду. И улыбка у него хорошая. Должно быть, на него часто заглядываются девушки.

Но нравится ли он ей хоть немного?..

Над этим вопросом следовало подумать, а у неё сейчас все мысли занимали другие заботы.

И другой человек.

Письмо от которого Летиция получила, когда отвезла кузена домой и, отказавшись зайти на разговор с родными прямо сейчас, вернулась к себе.

Князь Чаудхари напоминал об её обещании встретиться с ним снова.

Глава 30

Снова перешагивая порог особняка Рохана Чаудхари, Летиция волновалась больше, чем перед своим первым балом. Сегодня здесь было тихо, в просторном холле стояла прохлада. Закончился приём, разошлись гости, слуги навели порядок во всех комнатах и куда-то подевались. Гостью встречал всего один слуга – очень смуглый соотечественник хозяина дома. Он низко поклонился и молча провёл девушку туда, где она уже успела побывать ранее – в библиотеку.

Князь Чаудхари уже ждал её здесь, и при виде его высокой фигуры сердце Летти застучало чаще и громче. Глупое сердце! Разве правильно вот так... влюбляться в того, кто принадлежит совсем к другому миру?..

Сегодня он снова оделся по моде королевства, но с большей небрежностью, чем на приёме – сюртука и шейного платка на нём не было, лишь чёрные брюки, белая рубашка и расстёгнутый жилет.

– Я не думала, что вы захотите снова увидеться со мной... так скоро, – произнесла Летиция после того, как они обменялись приветствиями. Слуга, ещё раз отвесив поклон, неслышно вышел. Дверь за ним без стука закрылась.

– Одного дня... и одной ночи... уже достаточно для того, чтобы соскучиться, – ответил ей князь. – А ещё я не привык откладывать важные разговоры. Видимо, вы тоже, потому и согласились прийти.

Летти смущённо отвела взгляд. Правильно ли она поступила, что приехала к нему в тот же вечер, как получила письмо? Ей не следовало этого делать? Ведь только и твердят, что девушка – а особенно благородная – должна быть гордой и неприступной, точно скала над холодным морем. Но она, Летиция Энн Мортон, мало походила на других молодых альд, полностью зависимых от родных, ведь тем никто бы не позволил не только наносить визиты мужчине, но и вести своё дело, договариваться с поставщиками, следить за расчётными книгами. И как же тяжело долго пребывать в неопределённости! То и дело вспоминая тот их разговор... и поцелуи.

«Я устала всё время бояться за свою репутацию и жить с оглядкой на то, кто что подумает и что скажет, – сказала себе Летиция. – Безмерно устала. Если бы я раньше расторгла помолвку с Финнеасом, не побоявшись скандала и не пытаясь договориться с ним миром, то, возможно, не стала бы подозреваемой. Если бы сразу отдала письмо Стефану Альберрану, его

не утащили бы пикси. Но я отвечаю не только за себя, а ещё и за тех, кто на меня работает. Я должна сказать князю, что между нами ничего не может быть, ведь едва ли мы могли бы пожениться. Я должна...»

– Могу я угостить вас охлаждённым лимонным пуншем? – осведомился мужчина. Сейчас он снова говорил с ней по-светски официально и вежливо, словно не было горячих губ, жаркого шёпота и огня в небе, которые Рохан Чаудхари ей показывал. Может быть, князь уже успеть пожалеть о случившемся и собирался сказать ей, что хочет оставить всё в прошлом? Что она почувствует, если услышит от него именно эти слова? Боль или облегчение?

– Да, пожалуйста, – согласилась Летти.

Князь Чаудхари вызвал слугу, который через короткое время появился снова с подносом, на котором стояли наполненные доверху бокалы.

– Мы выпьем... за нас? – спросил у девушки хозяин дома, когда они снова остались наедине, и взглянул на неё так, будто видел насквозь все её потаённые мысли, и ни одна из них не оставалась для него секретом. А, может быть, так оно и обстояло? – Очень вкусно, попробуйте.

– Не сомневаюсь, – заставила себя улыбнуться Летиция и пригубила пунш, в котором вкус выдержанного красного вина смешивался с кислинкой лимона, сладостью сахара и лёгкой остротой пряностей. Действительно оказалось вкусно. – Благодарю вас.

Сделав шаг к ней, Рохан Чаудхари вдруг слегка запнулся о задравшийся край ковра на полу, и напиток выплеснулся на одежду князя.

– Простите мне мою неуклюжесть, – поставив бокал обратно на поднос, проговорил он.

– Что вы... делаете? – растерянно отозвалась Летти, глядя, как собеседник без малейшего стеснения снимает жилет, а затем и рубашку.

– Я ведь не могу ходить в мокром, это неприятно, – пожал широкими плечами князь Чаудхари, и Летиция, несмотря на неловкость возникшей ситуации, не смогла отвести от него взгляд.

Она представила, как касается его лица, зарывается пальцами в густые чёрные, как безлунная ночь, волосы, которым могла бы позавидовать любая светская красавица, как её ладони скользят по гладкой загорелой коже, и от этих мыслей бросило в жар.

Как сладко. Как непристойно. Летти чувствовала такое впервые, и незнакомые ощущения буквально ошеломили её. Грудь напряглась и потяжелела, во рту стало сухо, и девушка неосознанно провела по губам кончиком языка. И услышала, как громко выдохнул стоящий рядом мужчина.

Он смотрел на неё и понимал, что с ней происходит. Понимал, и ему это нравилось. Точно открытую книгу, читал её тайные желания, знал о том, как ей сейчас хочется обвить руками его шею, прижаться к сильному телу, стать мягкой, как расплавленный воск, и податливой, как мягкая глина, в его ладонях.

– Что ж, если вас так смущает мой вид я, пожалуй, переоденусь. Ждите меня здесь. Я скоро вернусь.

Когда князь вышел, Летиция выдохнула, сделала ещё глоточек пунша, но руки дрожали, и она побоялась тоже пролить его на себя, а потому вернула на поднос и подошла к уже знакомому ей библиотечному столу.

Ей вспомнилось, как она нашла ту неприличную книгу. Он ведь специально всё подстроил тогда! Интересно, а что попадётся на сей раз? Может, князь Чаудхари снова задумал очередной сюрприз? От него всего можно ожидать...

Летти приподняла стопку бумаги и открыла лежащий под ним фолиант. Перевернула страницу, затем ещё одну, и ещё. Несколько долгих мгновений непонимающе смотрела на аккуратные края книжных листов, из которых кто-то вырезал буквы.

Такие же, как на открытке, которую получил незадолго до смерти Джером Эрделлин.

Летиция отшатнулась, не в силах поверить в то, что она только что увидела. Почему здесь эта книга? Кто мог воспользоваться ею?

Неужели...

Осторожно, словно та была ядовитой змеей, Летти протянула руки к книге, пролистнула ещё несколько страниц и обнаружила между ними открытку. Очень похожую на ту, что уже показывал ей Альберран. Только слова на ней оказались другими.

Мальчик из меди смешон.

В мужья не годится и он.

Смерть – уже близко она.

Могилы его холодна.

Взглянув на имя адресата, также составленное из отпечатанных букв, Летиция громко ахнула.

Открытка предназначалась Саймирену Мортону.

Её кузену.

Но разве они знакомы с Роханом Чаудхари?..

Летти перевела взгляд на уже виденный ею портрет и сглотнула, обнаружив то, что не замечала ранее.

На портрете юный князь был облачён в школьную форму – такую же

носил Саймирен, когда учился в Эрроу. Они тогда виделись нечасто, но Летиция вспомнила, как выглядел его костюм в то время. Кузен им очень гордился, ведь школа считалась очень престижной.

А на той конной прогулке, когда им встретился Рохан Чаудхари, Саймирену показалось, что он его откуда-то знает...

Как открылась дверь, Летти не услышала, и как приблизился к ней успевший сменить рубашку князь Чаудхари, тоже. Вскрикнув, она отступила, понимая, что уже не успевает спрятать открытку и захлопнуть книгу. Он уже всё увидел.

Князь обхватил одной рукой её локоть, а другой коснулся лица девушки, на котором, должно быть, сейчас отражался весь испытываемый ею ужас.

– Ты даже представить не можешь, как хороша собой, Летиция, – вымолвил он, проводя пальцами по её щеке так, словно касался редкого произведения искусства. – Такая красота могла бы толкнуть мужчин на безумства. Но я убил Финнеаса Броктонвуда не ради твоих прекрасных глаз и не для того, чтобы тебя от него избавить.

«А из-за чего?» – хотелось спросить ей, но страх сковал горло, и с губ сорвался лишь негромкий звук, нечто между вздохом и стоном. Летти чувствовала прикосновения горячей ладони – такие же, как в вечер приёма, но теперь всё стало по-другому. Она словно очутилась в кошмарном сне и никак не могла проснуться.

Князь не пытался оправдываться и делать вид, будто девушка всё не так поняла. Он прямо, даже не намёком, признался в убийстве. Что могло означать только одно – он не намерен оставлять её в живых... теперь, когда Летиция узнала правду.

И всё же она попросила.

– Пожалуйста, позвольте мне уйти...

– Прости, но я не могу тебя отпустить. Моё дело ещё не закончено. Когда всё будет позади, тогда... – он не договорил, и сердце у неё упало при мысли о том, какая судьба её ожидает. – Я не предусмотрел того, что ты это найдёшь, – добавил князь Чаудхари, кивнув на раскрытую книгу. – Пойдём со мной. Ну! И без глупостей!

Пришлось подчиниться. Князь сопровождал её в просторную комнату с наглухо зарешеченными окнами. Остановился у двери.

– Придётся тебе какое-то время побыть здесь. Хочешь ещё пунша или, может быть, ещё чего-нибудь? Для моей гостьи мне ничего не жаль.

– Неправда, – возразила Летиция. – Гости вольны откланяться, когда пожелают, а я нет. Так что я скорее в плену.

– Не слишком ли роскошные условия для плена?

Девушка обвела взглядом камин, высокую кровать с шёлковым пологом, мебель из красного дерева, тяжёлые бархатные занавески, мягкий ковёр на полу.

«Птиц тоже сажают в золотые клетки, и некоторые там даже поют», – подумалось ей.

– С удовольствием составил бы тебе компанию, однако пока не могу.

– Вы куда-то торопитесь?

– Решил, что можно обойтись и без открытки. Или не отправлять её заранее. Твой кузен ведь уже не за решёткой, и встретиться с ним будет не так сложно.

Похолодев, Летти невольно отступила на шаг назад, затем подошла к окну, выглянула наружу и сделала вид, что испугалась.

– Там кто-то есть! Стоит и смотрит! Может, следит за вами?

– Этим ты меня не обманешь, – усмехнулся мужчина.

«Что же делать? Как отвлечь его? А поможет ли? Но я должна сделать всё возможное... Он ведь хочет убить Саймирена!»

Глубоко вдохнув, Летиция потянулась к застёжке платья, с которой легко справлялась и самостоятельно. Плотная ткань с негромким шорохом упала к ногам. Девушка заставила себя поднять взгляд.

Она не умела соблазнять мужчин и остро чувствовала сейчас собственную неловкость и беспомощность. Шанталь наверняка управилась бы с такой задачей куда лучше! Летти ощутила, как нагретый огнём камина воздух коснулся обнажённых рук, и светлые волоски на коже встали дыбом. А затем бросилась бежать – куда угодно, только подальше от пронзительного взгляда, который совсем недавно казался ей таким притягательным. Понимая, что не сможет, не пересилит себя, не сыграет нужные ему эмоции, испытывая один лишь страх.

Он нагнал её на широкой лестнице. Обхватил руками так крепко, что показалось, будто не хватает воздуха, и уложил прямо на ступени, с лёгкостью удерживая хрупкие запястья. Заключённой в его мускулистом теле силы хватило бы на то, чтобы сломать ей кости, а уж преодолеть её сопротивление он и вовсе мог без каких-либо затруднений.

Летиция встретилась глазами с его тёмным взглядом.

– Попалась, птичка, – хрипло проговорил князь и, наклонившись, легко коснулся губами уголка её рта. – Не бойся меня. Я не хочу тебя обижать.

– Вы уже это делаете, – отозвалась она. – Удерживаете меня здесь насильно. Но я – свободный человек, а не ваша пленница.

– Значит, только такие девушки, как Шалини, могут быть чьей-то добычей? – произнёс князь Чаудхари, и лицо его исказилось, точно от боли. Было страшно видеть такое выражение на лице мужчины. – Она тоже умоляла о пощаде, когда тот человек, белый господин, сахиб, увозил её с собой. А потом, вволю натешившись, он выбросил её прочь, и следующим, кто пожелал сорвать этот плод, стал Финнеас Броктонвуд. Твой жених.

– Шалини?

– Вы встречались в моём доме. Теперь она называет себя Шанталь. Шалини – её настоящее имя. А знаешь, как тот негодяй с ней обращался? Знаешь, что он с ней делал? Не знаешь? А я видел собственными глазами!

– Но почему вы обвиняете в чужих грехах меня?

– То, о чём написано в письме Эрделлина, правда? Ты была с Броктонвудом до свадьбы? Отвечай! – сильнее стиснул он её запястья, наверняка оставляя синяки.

– Нет! – выпалила Летти. – Он всё выдумал! А ещё... ещё Финнеас говорил, что после свадьбы станет продавать меня другим мужчинам... А вы! Чем вы лучше него... сейчас?

Князь вздрогнул, будто от удара. Выпустив из захвата одну руку девушки, он поднёс её к губам, целуя оставленные им отметины на нежной коже. У Летти перехватило дыхание от той нежности, с которой он это делал.

Когда его ладонь легла на её колено и медленно двинулась вверх, ещё выше поднимая задрвшуюся нижнюю юбку, Летти невольно зажмурилась. Она успела заметить, как во взгляде Рохана Чаудхари вспыхнула страсть, и поняла, что добилась своего. Ей всё же удалось его соблазнить.

Отвлечь. Дать возможность Альберрану спасти её. Если, конечно, он догадается, где искать.

Эпилог

«Почему я не подозревала его раньше? – спросила себя Летиция, когда Рохан Чаудхари склонился к ней, и она ощутила на губах жар его дыхания. – Он появился в моей жизни так внезапно... тогда же, когда убили Финнеаса. Достаточно богат, чтобы нанять пикси. Неужели я настолько была ослеплена своей страстью к нему, что даже тень сомнения не промелькнула? А теперь... теперь уже поздно».

– Почему?.. – выдохнула она ему в губы.

– Броктонвуд, Эрделлин и Мортон – мои давние враги, – ответил князь. – А когда я встретил одного из них с девушкой из моей страны, услышал её плач, увидел, как она собирает с мостовой золотые монеты, которые он ей швырнул... Твои соотечественники забирают плоды нашей земли, наши драгоценные камни, наших женщин. Меня принимали в лучших гостиных, но то лишь видимость. Большинство аристократов склонны видеть во мне кого-то вроде дрессированной обезьянки. Как же – смуглый варвар так хорошо говорит на языке королевства! Он образован и даже читал книги! – передразнил он кого-то, и его рука сжалась в кулак.

– Так вы мстили мне... за моего жениха и кузена? – радуясь возникшей передышке, спросила Летти. Обожгло жгучим стыдом за то, что воображала, будто привлекательна для него, будто встретила родственную душу. А её попросту использовали...

– Сперва я хотел сделать с тобой то же самое, что Финнеас с Шалини. Отобратить у него невесту, бросить её в грязь, опозорить вас обоих... и лишь потом убить его. Но нанятые мной пикси доставляли занятные сведения, и мне стало любопытно. А затем... затем я не на шутку заинтересовался тобой и, хотя уже отступил от первоначального плана, искал новой встречи. Да и пикси отзываться не стал – вы ведь с ищейкой столько всего обсуждали, что касалось расследования. А ещё в чайную приходил Джером. И Саймирен тоже.

– Как вам удалось добавить яд в бутылку?

– А ты не догадываешься? Я подарил её Броктонвуду. В знак примирения.

– Такая версия тоже была.

– Ты мне сразу показалась умной девочкой. Довольно разговоров! Вставай!

Князь Чаудхари рывком поднял её с лестницы и уже потащил за собой

обратно в комнату, из которой Летиция сбежала, как вдруг послышались громкие шаги. И знакомый голос... Сначала девушка даже решила, что он ей померещился.

– Господин Альберран! – с облегчением воскликнула она, обернувшись и увидев Стефана, который стоял внизу, направляя на князя дуло пистолета.

– Князь Рохан Чаудхари, вы арестованы! Отойдите от альды Мортон! Стойте на месте, иначе мне придётся стрелять!

Разумеется, подчиниться тот не захотел и, оттолкнув Летти, бросился бежать.

– Пригнитесь, альда Мортон! – распорядился сотрудник Службы Правопорядка. Она кивнула и, присев обратно на ступени, зажала уши ладонями. Раздались звонкие выстрелы. Летиция зажмурилась и одними губами зашептала молитву высшим силам. В погоне за князем Альберран пробежал мимо неё, и страх за него заставил молиться ещё неистовее.

Когда он наконец-то вернулся и позвал её, Летти испуганно подняла на него взгляд.

– Всё закончилось, – проговорил Стефан Альберран, протягивая ей безупречно чистый носовой платок. Она и не замечала, что у неё по щекам текли слёзы. – Вы в безопасности.

– Князь Чаудхари... вы его...

– Нет. Он попытался убежать по другой лестнице и упал. Я не доктор, но, боюсь, жить ему недолго осталось...

– Но, господин Альберран, как вы узнали... о нём... и о том, что я здесь?

– Ваш кузен рассказал. Повезло, что к его матушке сегодня заглянула её приятельница, которая тоже побывала на приёме здесь и видела вас. А затем Саймирен вспомнил, почему князь при встрече показался ему знакомым.

– Он тоже учился в той школе, я видела портрет! Только не придавала значения... Если бы я вам рассказала...

– Главное, что ему не удалось сбежать. А вы... С вами всё в порядке? – спросил он, смущённо глядя на неё, и Летиция вспомнила, в каком она виде. В одном нижнем белье, без платья... Что он должен был подумать?!

– Я... не пострадала, – краснея, заверила его Летти. – Только очень хочу домой. И, разумеется, готова дать вам показания.

Несколько дней спустя

– К вам пришли, альда Мортон, – известила горничная.

Увидев, кто нанёс ей визит, Летиция уже догадывалась, что услышит.

– Князь Чаудхари скончался, – сообщил ей Стефан Альберран, пряча глаза. – Сегодня. Он... вам просил передать.

Поблагодарив, Летти взяла письмо, от которого на сей раз пахло не пряностями и не лавандовой водой, с помощью которой князь маскировал свойственный ему самому и его дому аромат, а лекарствами и больничной бесприютностью.

«Я решился написать... не знаю, зачем. Чтобы попросить прощения? Чтобы снять грех с души? Нет, едва ли. Просто потому, что всё время, пока нахожусь между жизнью и смертью, могу думать только о тебе.

Наверное, если Саймирен Мортон рассказал правду, ты уже знаешь, как всё начиналось. В школе, куда меня отправили учиться. Тогда я думал, что лишь для того, чтобы я получил хорошее образование. И потому, что моя семья могла себе позволить обучение. Но затем понял – я стал учеником школы Эрроу, чтобы лучше узнать наших врагов.

И я узнал, о да, узнал. С этой компанией никто не хотел связываться, особенно, когда они перешли в старший класс. Заводилой у них был Финнеас Броктонвуд. Однажды я увидел, как эти трое возвращаются из борделя, куда наведывались тайком, но никому не рассказал. Однако продажных женщин альду Броктонвуду оказалось мало, и вскоре ваш будущий жених обратил внимание на одну из горничных, совсем юную девушку, добродушную и смешливую. Она порой говорила со мной, спрашивала, как звучат те или иные слова на моём родном языке. За всю свою жизнь я больше никогда и нигде не встречал таких светлых людей.

Подробности я опущу, но всё закончилось тем, что Берта – так её звали – покончила с собой. Она ждала ребёнка, и её собирались выгнать с работы. Сколько подобных историй едва ли не каждый день случается в королевстве – с горничными, нянями, гувернантками! Я набросился на Финнеаса, Джерома и Саймирена – они избili меня, даже не втроём, а со своими подпевалами. Я попытался сообщить о них школьному начальству – меня никто не захотел слушать.

Казалось, со временем я сумел забыть эту историю. Выжечь её из памяти. Но случайно увидел Броктонвуда с Шалини, и моя ненависть вспыхнула снова.

А затем родился план мести.

Но сейчас, когда я скоро умру, я не вспоминаю о том, как убивал. Я вспоминаю наш танец. Я вспоминаю те поцелуи в библиотеке.

В моей стране верят в реинкарнацию. Это означает, что душа, покинув умирающего, может родиться снова, воплотившись в другом теле. Мне бы

хотелось встретиться с тобой в следующей жизни – там, где между нами не будет стоять столько препятствий.

И тогда ты станешь только моей».

На этом письмо заканчивалось. Не выпуская из рук листок бумаги, Летиция подняла взгляд к безбрежному синему небу за окном. Глаза вдруг защипало, и она поняла, что плачет.

Рохан Чаудхари не был праведником. Он убил двоих и едва не отправил на тот свет её кузена. Но Летти всё равно не могла остановить слёзы, оплакивая и князя, и свою несбывшуюся любовь – опьяняющую, как сладкий дурман, и горькую, как полынь.

Она знала, что никогда его не забудет. И того, что прочитала в письме... Как и большинство её соотечественников, Летиция Мортон воспринимала как должное то, что у королевства много колоний, и никогда не задумывалась о чувствах коренных жителей тех стран.

Сейчас ей стало стыдно за собственное равнодушие.

– Вы любили его? – спросил Альберран.

Летиция молчала. Что она могла ответить? Что всё случившееся между ней и князем Чаудхари походило на наваждение? Сладкое и запретное удовольствие, как съеденные украдкой от взрослых конфеты для ребёнка или танец в хозяйском платье для служанки. Что у них было? Несколько встреч, несколько слов, несколько поцелуев, которые пьянили сильнее, чем подогретое с пряностями вино. Вот и всё.

А что могло быть? Тайная связь? Или он оставил бы ради неё свою невесту в Хинду? О невесте она также узнала от Стефана Альберрана. Позже, когда о князе навели справки на его родине.

«Что такое любовь? – думала Летти. – Пламенные цветы в ночном небе? Танец, когда кажется, что вот-вот взлетишь? Поцелуи, от которых кружится голова и подкашиваются ноги? Учащённое биение сердца? Что такое любовь? Доброта, забота, преданность?»

Страсть Рохана Чаудхари походила на испепеляющее пламя. А любовь Стефана – в ней Летиция больше не сомневалась даже без ещё одной проверки на чайной чашке – напоминала огонь в камине, когда в зимний день заходишь домой с мороза и протягиваешь ладони к теплу. Его чувства согревали, не обжигая.

– Любили? – повторил он.

– Кто знает... – вздохнула в ответ она. – Теперь всё в прошлом. Всё в прошлом.

– Простите, что побеспокоил, – с поклоном произнёс Альберран и развернулся к двери.

– Вы так и уйдёте? – окликнула его Летти. Молодой человек остановился, вся его поза выражала напряжение. – И не вернётесь?

– Больше нет поводов возвращаться, альда Мортон.

– И вы... ничего не хотите мне сказать?

Стефан обернулся, плотно стиснув губы. Летиция поймала его взгляд, в котором смешались тревога, отчаяние и... надежда. Сделала глубокий вдох, прежде чем сказать то, чего девушке вообще-то говорить совсем не положено.

– Я ведь небезразлична вам, так?

– Альда Мортон, я... Ваш кузен мог бы не рассказывать... Простите...

– Ответьте, пожалуйста.

– Да, – твёрдо проговорил он. – Мы больше не увидимся, поэтому я могу сказать. Я люблю вас, альда Мортон, и всегда буду любить.

– Не зарекайтесь, – отозвалась Летти. – Вы ведь ещё не пробовали... жить со мной в одном доме. А вдруг окажется, что у меня ужасный характер и множество вредных привычек?

– Вы... хотите сказать, что...

– Да, господин Альберран. Стефан... Я делаю вам предложение.

Растерянность на его лице быстро сменилась выражением счастья – такого полного и беспримесного, что у Летиции снова потекли слёзы, но теперь совсем другие. Они смывали с души печаль, как весенние ручьи уносят прошлогодние снега. Жизнь не стояла на месте, и вдвоём – будущая госпожа Альберран точно это знала – они способны преодолеть все невзгоды. И пересуды окружающих о мезальянсе, и реакцию её родственников, и всё, через что проходит любая семья, когда у неё появляются новые заботы. Потому что на человека, который приблизился и ласково обхватил её лицо ладонями, стирая слёзинки со щёк девушки, а затем впервые поцеловал её, она действительно могла положиться.

Финнеас Броктонвуд родился альдом, но истинного благородства в нём не было ни на грош. Зато оно оказалось присуще Стефану Альберрану, человеку из простой семьи. И Летиция могла лишь благодарить тех, кто наблюдал за ней с небес, за подаренную ей встречу с ним. И за то, что они будут вместе. Отныне и навсегда.